МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

А. А. БЕНЕДИКТОВ

ИНДИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 70-х ГОДАХ XIX ВЕКА

(Экономическое положение
и борьба против феодального
и колониального гнета)

СТАЛИНАБАД
1953

В дар библиотеке
ННГУ
от семьи Бенедиктовых
16.12.12 Бенед

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР

СТАЛИНАБАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

А. А. БЕНЕДИКТОВ

ИНДИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 70-х ГОДАХ XIX ВЕКА

(Экономическое положение
и борьба против феодального
и колониального гнета)

СТАЛИНАБАД
1953

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Часть I.

Усиление феодального и колониального гнёта в Индии и ухудшение положения крестьянства в 70-х годах XIX века 21

Глава I. Британская аграрная и налоговая политика и положение крестьянства в Пенджабе в 70-х годах XIX века 26

Глава II Система „заминдари" и положение крестьянства в Северной Индии в 70-х годах XIX века 43

Глава III. Разорение и пауперизация крестьянства под действием колониального режима в Южной Индии и Декане в 70-х годах XIX века . . 61

Часть II.

Борьба индийского крестьянства против феодального и колониального гнёта в 70-х годах XIX века 81

Глава IV. Антианглийская и антифеодальная борьба крестьянства в Северной Индии в 70-х годах XIX века 83

Глава V. Восстание „Рампа" в горах Годавари 97

Глава VI. Антианглийская и антифеодальная борьба крестьянства в Западной Индии в 70-х годах XIX века (Бомбейская пров.) 115

Заключение 137

Приложения 143

Редактор *Салбиев Х. Б.*
Технический редактор *Аполов И. П.*

Подписано к печати 16/VI-53 г. Печатных листов 9,25 Формат бумаги 70×108
КЛ 00767. Заказ 3748. Тираж 1000.

Сталинабад, Полиграфкомбинат.

ВВЕДЕНИЕ

После второй мировой войны неизмеримо обострился и углубился кризис колониальной системы. Всемирно-историческая победа Советского Союза в Отечественной войне, победа народной демократии в ряде стран Европы, историческая победа китайского народа оказали огромное воздействие на рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. В докладе на совещании некоторых компартий А. А. Жданов сказал: „Обострение в итоге второй мировой войны кризиса колониальной системы выразилось в мощном подъёме национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Тем самым были поставлены под угрозу тылы капиталистической системы. Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополии не могут больше по-старому управлять колониями".[1]

Небывалый по мощи, размаху и остроте форм борьбы подъём национально-освободительного движения развернулся после второй мировой войны и в Индии. Он выразился в столкновениях и баррикадных боях рабочих и студентов с полицией в Калькутте в ноябре 1945 года, в восстании моряков индийского военного флота в феврале 1946 года в Бомбее, Карачи, Калькутте, Мадрасе, в мощной волне стачечного движения, охватившего в 1946-47 году рабочих промышленных центров и городов.

Антианглийская борьба всё теснее переплеталась с борьбой против феодального гнёта. Большого внимания заслуживает борьба крестьянства на юге Индии и в особенности в Теленгане.

Мощный подъём национально-освободительного движения поставил под угрозу господство английского империализма в Индии. Британский империализм вынужден был пойти на частичные уступки индийским эксплоататорским классам, чтобы сохранить свои основные позиции в Индии.

Широкий размах массового движения, рост влияния пролетариата и компартии напугали индийскую монополистическую буржуазию. Она предала национально-освободительное движение и открыто перешла в лагерь империализма.

Результатом сговора индийских эксплоататорских классов с английским империализмом явилось расчленение Индии, сохранение британского владычества в более завуалированной форме и быстрые

[1] А. А. Жданов. О международном положении. Московский рабочий. 1947, стр. 8.

темпы проникновения США. В Индии произошла перегруппировка классовых сил, новая расстановка которых характеризуется тем, что национально-освободительному движению противостоит блок англо-американского империализма с индийскими помещиками и индийской монополистической буржуазией.

Попрежнему перед Индией стоит задача антиимпериалистической национально-освободительной борьбы за независимость.

Капитулировав перед империалистами, Национальный конгресс капитулировал и перед феодальной реакцией. Попрежнему основная масса населения—крестьянство—стонет под гнётом многочисленных угнетателей-феодалов, полуфеодальных помещиков и ростовщиков, вытягивающих все соки из него докапиталистическими методами эксплоатации. Ещё настоятельней, чем когда-либо раньше, стоит перед Индией задача аграрной революции.

Новый этап освободительного движения в Индии, начавшийся после предательства монополистической буржуазии, развернулся в условиях усиления агрессивной активности империалистического лагеря во главе с США и неуклонного роста борьбы народов во главе с Советским Союзом против поджигателей новой войны. Этим определяется переплетение борьбы за мир с борьбой против колониального и феодального угнетения. На новом этапе пролетариат становится гегемоном в освободительном движении, а борьба за развёртывание аграрной революции становится важнейшей задачей.

Особая острота задачи аграрной революции определяет большое значение изучения истории борьбы индийского крестьянства. Изучение опыта и уроков этой борьбы имеет большое теоретическое и актуальное политическое значение. В частности, особый политический и научный интерес представляет изучение истории крестьянского движения в Индии в 70-х годах XIX века, когда основными очагами крестьянских восстаний являлись многие из тех районов, в которых с большой силой развернулась антиимпериалистическая и антифеодальная борьба после второй мировой войны.

Несмотря на большой размах, который принимали по временам крестьянские восстания, они кончались поражением. Так было и в 70-х годах XIX века. Марксизм-ленинизм учит нас, что одни крестьянские восстания не могут привести к победе. В беседе с Эмилем Людвигом И. В. Сталин сказал: „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“[1].

В 70-х годах XIX века молодой рабочий класс Индии был еще слишком малочислен и слаб, чтобы играть самостоятельную политическую роль в национально-освободительном движении, а, тем более, чтобы претендовать на роль руководителя. Индийская буржуазия, тесно связанная с феодальным землевладением, не взяла и не могла взять на себя руководство движением, грозившим не только иноземным, но и местным эксплоататорам. Она добивалась лишь небольших уступок от английских колонизаторов, опасаясь сама широкого движения масс и готовясь пойти против него при первых уступках правительства. Князья и заминдары являлись верными союзниками и опорой

---

1 И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. ОГИЗ Госполитиздат, 1938, стр. 8—9.

колониального режима. В этих условиях даже самые широкие и массовые восстания крестьян были обречены на поражение.

Тем не менее, эти восстания сыграли свою прогрессивную роль, расшатывая устои колониального режима, и заслуживают тщательного изучения.

* * *

Исследование крестьянских восстаний в Индии в 1870-х годах тем более необходимо, что последние совершенно не изучены, о чем свидетельствует самый беглый историографический обзор.

Классики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание национально-колониальному вопросу. Особенно большое внимание из стран Востока К. Маркс обращал на Индию. В трудах К. Маркса содержатся методологические указания по всем основным проблемам индийской истории.

Статьи, написанные К. Марксом по поводу обсуждения хартии Ост-Индской компании в 1853 году, вскрывают грабительскую сущность английского колониального режима в Индии и его губительное действие на положение индийского крестьянства. Для понимания особенностей земледелия на Востоке крайне важны указания К. Маркса в I и III томах „Капитала". Большую помощь в понимании этих вопросов оказывает переписка К. Маркса и Ф. Энгельса о „Капитале" и с русскими политическими деятелями. Большое внимание, какое уделяли основоположники марксизма индийской национально-освободительной борьбе, видно в „Хронологических выписках по истории Индии" К. Маркса, которые были составлены именно в 1870-х годах. Анализ народных восстаний и особенно восстания 1857-59 года в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса помогает уяснению характера и основных особенностей крестьянских выступлений в Индии. Весьма ценные принципиальные указания о крестьянских восстаниях против гнёта феодализма имеются в работе Ф. Энгельса „Крестьянская война в Германии".

Из трудов В. И. Ленина чрезвычайно важное значение имеет классическая работа „Развитие капитализма в России". В этой работе даются принципиальные указания по методологии анализа положения крестьянства и даются наглядно практические уроки такого анализа на примере России. Пониманию принципиальных вопросов способствуют методологические указания В. И. Ленина в работах: „Пробуждение Азии", „Горючий материал в мировой политике" и „Доклад на II съезде коммунистических организаций Востока".

Значение крестьянских восстаний и их роль в борьбе против феодального строя с исчерпывающей ясностью раскрываются в цитированной выше беседе И. В. Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом. Труды И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР" и „Марксизм и вопросы языкознания" с новой глубиной освещают важнейшие теоретические вопросы и побуждают по-иному рассматривать целый ряд следствий колониального режима в Индии. Неоценимую помощь для понимания роли индийской национальной буржуазии и значения крестьянства, как союзника пролетариата, оказывают общетеоретические труды И. В. Сталина и разработка вопросов революции на Востоке на примере китайской революции.

Из имеющихся в нашем распоряжении индийских источников по данной теме первое место по ценности занимает„ Отчёт о суде над Васудевом Балвантом Пхадке, известным повстанческим вождём", изданный в Пуне немедленно после событий местной газетой „Деккан

Геральд". Кроме протоколов судебных заседаний и решений, при отчёте опубликованы дневник и автобиография вождя, найденные у него при аресте. Подлинник последних, написанный на махратском языке, остался в судебных делах и опубликован не был. Газетой был опубликован английский перевод, сделанный судебными экспертами для нужд следствия и проверенный самим Пхадке во время допросов на суде.[1]

Основные фактические сведения о восстаниях в конце десятилетия даёт бомбейская газета „Таймс оф Индия". К сожалению, она имелась лишь за 1878, 1879 и 1880 годы, а не за всё десятилетие. Некоторую помощь оказывает и издававшийся в Индии журнал „Калькуттское обозрение", в котором печатались статьи местных авторов по злободневным вопросам.

Из русской прессы использованы сведения ближайшей в то время к границам Индии ташкентской газеты „Туркестанские ведомости", в которой сотрудничали квалифицированные востоковеды того времени.

Лондонская газета „Таймс", как исторический источник по национально-освободительному движению в Индии, может быть использована в некоторой мере в течение первых 2-3-х лет 70-х годов. Начиная с 1873 года, газета перестает публиковать полностью сообщения своего индийского корреспондента. Из этого факта можно видеть ценность пресловутой буржуазной „свободы печати", когда „молчаливая цензура" не пропускала даже кратких сообщений о возмущениях угнетённого народа.

Некоторую помощь оказывает газета „Морнинг Пост", которая еженедельно перепечатывала из „Бомбейской газеты" дословно сводку событий за истекшую неделю. Наличие газеты „Морнинг Пост" за 1874 и 1875 годы дало возможность использовать приводимые ею обширные цитаты из сообщений печатного органа с арены событий и восполнить частично отсутствие в распоряжении индийских газет за эти годы.

Значительным дополнением к сообщениям лондонской прессы в начале десятилетия служит книга Раутледжа „Английское управление и национальное мнение в Индии". Автор являлся корреспондентом газеты „Таймс" в Индии в 1870—74 годах. Эта книга является сводкой его писем и наблюдений, и в ней имеются сведения о событиях, не опубликованные „Таймсом".

Некоторым пособием могут служить воспоминания б. губернатора Бомбейского президентства Темпля—„Люди и события моего времени в Индии". Книга Бальфур „Управление лорда Литтона Индией" представляет в большей части публикацию переписки Литтона в период его генерал-губернаторства в Индии, а поэтому может рассматриваться, как источник. Приводимые в книге письма связаны между собою лишь двумя-тремя фразами, объясняющими повод к письму. Воспоминания и письма руководителей колонизаторов крайне фальсифицируют и извращают действительность, сообщая, однако, ряд фактических сведений.

Официальные правительственные отчёты центрального и провинциальных правительств об управлении, обложении, переписях и т. п. фальсифицируют историю не в меньшей степени. Тем не менее, путём скрупулезной проверки и критики официальной статистики можно определить приближающиеся к действительным показатели уровня жизни райотов под гнётом английского колониального режима.

---

[1] Работы иностранных авторов и источники за отдельными исключениями использованы в подлиннике. Точное заглавие см. в приложениях в конце книги.

Весьма ценным источником являются записки прогрессивного русского учёного-востоковеда, профессора И. П. Минаева о его путешествиях по Индии. Кроме опубликованных записок о путешествии 1874 — 75 года, в архиве И. В. А. Н. СССР имеются рукописные неопубликованные дневники и воспоминания о путешествиях 1880 и 1885 — 86 годов. Наиболее ценными из них являются дневники путешествия 1880 года, в которых записаны беседы с индийцами и англичанами о положении крестьянства, выступлении его под руководством Пхадке и восстании «Рампа» в горах Годавари.

Из второстепенных источников некоторую помощь оказывают записки о путешествии по Индии русских путешественников — П. Пашино и Островского и серба — Иовановича.

Несмотря на неоспоримое значение вопроса, до сих пор нет ни одной специальной работы, посвящённой положению и борьбе крестьянства в Индии в XIX веке. И не только в буржуазной литературе нет исследований, посвящённых крестьянскому движению, но даже в весьма ценной книге зарубежного прогрессивного писателя-коммуниста Пальма Датта — «Индия сегодня» крестьянскому движению уделено мало внимания. Освещая довольно подробно экономическую и политическую историю Индии в XIX веке, он ограничивается буквально одним-двумя положениями о крестьянском движении в этот период.

В советской историографии вопросы крестьянского движения в 1870-х годах были поставлены уже двадцать лет назад. Первым выдвинул этот вопрос проф. И. М. Рейснер, хотя опять-таки не в специальной работе, а посвятив несколько страниц в книге «Очерки классовой борьбы в Индии». Освещение рассматриваемой проблемы в этой книге, вышедшей ещё в 1932 году, не соответствует требованиям советской исторической науки в настоящее время. Фактические сведения, сообщаемые в ней, основаны были, очевидно, на неполноценных источниках, так как в значительной части оказались неправильными. Эти неверные сведения исправлены, но частично, в написанной И. М. Рейснер и Н. М. Гольдберг главе в учебнике «Новая история стран зарубежного Востока»[1]. Следует признать заслугу в постановке проблемы И. М. Рейснер, обратившего внимание советских историков-востоковедов на ухудшение положения индийских райотов в 70-х годах XIX века и на большой размах и значение крестьянских восстаний, развернувшихся в то время в Индии.

Полезной работой, освещающей бедственное положение индийского крестьянства в конце XIX века и дающей ценный анализ причин его разорения, является книга русского (позднее — советского) востоковеда А. Е. Снесарева — «Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе». В этой работе подведен итог тому, что было сделано в литературе по данному вопросу в XIX веке и дан ряд самостоятельных дополнений. Автору, однако, не чужды некоторые из ошибок, присущих индийским писателям.[2] Автор книги «Индия» Ламанский в освещении вопросов пошел целиком за английской историографией.

В работах Ромеш Датта[3] положение крестьянства освещается тенденциозно в интересах класса землевладельцев-заминдаров. Считая наилучшими условиями для заминдаров — постоянное обложение по ти-

---

1 Новая история стран зарубежного Востока, том II, стр. 254—258, М. 1952.

2 В частности—идеализация доанглийской Индии.

3 Р. Ч. Датт: а) „Голоды и земельное обложение в Индии"; б) „Экономическая история Индии в эпоху Виктории" (на английском языке; русского перевода нет; точное название подлинника см. в приложении).

пу бенгальского, Р. Датт использует в своих книгах и „натяжки" и ложь в потугах „доказать", якобы „постоянное заминдари" являлось и является благодеянием для всего населения, а не одних землевладельцев.

Дадабхай Наороджи считает идеалом государства английскую парламентскую систему. В своей книге „Бедность и небританское управление в Индии" он совсем не ставит вопрос о праве индийцев самим определять свою судьбу. Дадабхай считает британское иго „необходимым" для Индии. Он жалуется лишь на то, что англичане управляют в Индии не так, как в Англии. Его претензии отражают требования национальной буржуазии. Они сводятся к ограничению колониальной дани в пользу Англии и предоставлению национальной буржуазии большей доли в управлении и эксплоатации своего народа.

Специальные работы, посвящённые крестьянскому движению в 1870-х годах, отсутствуют в индийской буржуазно-помещичьей историографии. Лишь в работах, посвящённых другим вопросам, можно встретить краткие упоминания. В работе Рама Кришна Ладжванти „Сикхи", охватывающей их историю от основания до новейшего времени, кратко рассказывается о движении „намдхари", которых англичане называли „куками". Рассказ даётся с проанглийских позиций.

Такой же характер, как работа Ладжванти, носит „История Пенджаба" Сайяд Мухаммад Латифа, которая в описании событий почти дословно повторяет трактовку, выдвинутую в официальных отчётах и публикациях колониальных властей.

В наиболее обширной литературе по Индии—английской также не нашлось места для монографии по крестьянскому движению. Лишь в сводных работах по другим вопросам имеются о нём краткие упоминания.

Книга Дигби „Голодная кампания в Южной Индии" является официальной историей голода 1876—78 года, что дало возможность автору использовать всю правительственную документацию. Она ценна и тем, что написана не только современником, но и участником событий. Дигби являлся ответственным секретарём благотворительного фонда помощи голодающим. В своей книге он освещает вопросы с умеренно либеральных позиций. С таких же позиций написана его книга „Индия для индийцев", идеализирующая прошлое Индии и жизнь в туземных княжествах. „Процветающая" Британская Индия" написана в резко оппозиционном тоне к правительству. В этой книге ценны многочисленные и обширные цитаты из документов, которых нет в нашем распоряжении. Обработка этих документов, особенно экономического порядка, не стоит, однако, на необходимой высоте.

Книга Троттера „История Индии при королеве Виктории" написана с либеральных и, одновременно, колонизаторских позиций. В ней автор лишь в мягкой форме порицает реакционные мероприятия консерваторов, вызывавшие усиление национально-освободительного движения в Индии. Следует отметить, что это единственная английская книга по истории, где есть несколько слов о Пхадке. Как книга Троттера, так и многочисленные справочники-„газетиры" пытаются представить крестьянское движение только серией грабежей. В многотомной „Кембриджской истории" и в „Истории Индии" Данбара крестьянское движение 1870 годов почти не отмечается, за исключением нескольких фраз о восстании „Рампа" в „Кембриджской истории".

В. Хантер в своей работе „Индийские мусульмане" сообщает много фактического материала о ваххабитском движении в Индии.

Автор, сам крупный колониальный чиновник, изображает события с точки зрения колониальной администрации.

Книга б. губернатора Бомбея Темпля „Индия в 1880 году" проводит мысли и взгляды английской правящей олигархии. В ней, однако, есть фактические сведения о событиях 1879 года в Бомбейском президентстве, которые заслуживают внимания, вследствие участия самого автора в событиях.

Автор книги „Недовольство и опасность в Индии" Коннэлл принадлежит, очевидно, к англичанам либеральных взглядов, которые считали, что колонией следует править не только кнутом, но и пряником, а с овец—лучше стричь шерсть, чем обдирать шкуру. Отсюда его критика переобложения, вызывающего резкое недовольство, а значит,—опасность для английского господства над Индией.

Приведённый краткий обзор литературы показывает, что вопросы крестьянского движения в Индии, даже в период его наибольшего подъёма в XIX веке — в 70-х годах, не нашли заслуживаемого ими места в исторической литературе. Не только нет специальных работ, посвящённых положению и борьбе крестьянства в этот период, но и разбросанные по различным книгам небольшие замечания не отвечают требованиям марксистской исторической науки.

В соответствии с таким состоянием изучения вопроса в литературе перед настоящей работой стоят следующие основные задачи:

1) Попытаться воссоздать картину бедственной жизни крестьянства под усилившимся гнётом английского колониального режима, как одной из основных причин подъёма крестьянского движения в 70-х годах XIX века в Индии.

2) Сделать попытку осветить основные события крестьянских выступлений в этом десятилетии и дать анализ их характера и значения.

3) Разоблачить в ходе работы буржуазных фальсификаторов истории, прославляющих английский колониальный режим в Индии.

* * *

Семидесятые годы XIX века являются переломными в истории развития капитализма. Они открывают период „начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской коммуны, перерастания старого „свободного" капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества".[1]

И. В. Сталин так определяет основной экономический закон современного капитализма: „... Обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей."[2] Уже в 1870-х годах наблюдалось в Англии действие этого закона. Действия английских капиталистов преследовали цель извлечения максимальных прибылей всеми средствами. Английское правительство помогало господствующему классу в этой погоне за прибылями, которая еще более усилилась с приближением эпохи империализма.

---

[1] И. Сталин, С. Киров, А. Жданов. Замечания о конспекте учебника новой истории. Сб. „К изучению истории". Партиздат М. 1937, стр. 26.

[2] И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. „Большевик" № 18 за 1952 год, стр. 21.

В 70-х годах XIX века заканчивается становление буржуазных наций в большинстве стран Европы, в Японии и США. Большая часть молодых капиталистических стран вступает на путь протекционизма, и в них быстрыми темпами начинает развиваться промышленность.

В силу закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма в этом десятилетии более молодые капиталистические страны начинают обгонять в своем развитии старейшую капиталистическую страну—Англию и лишают ее былой промышленной монополии.

В связи с потерей Англией европейских рынков и мировой промышленной монополии и стремлением капиталистов к получению наивысших прибылей значение колоний для нее поднялось в неизмеримой степени. Обострилась борьба английской буржуазии за сохранение монопольного положения в своей огромной колониальной империи и погоня за новыми источниками сырья и рынками сбыта. В 1870-х годах Англия резко активизировала свою колониальную политику, стремясь закрепить еще больше имеющиеся и захватить новые колонии.

На путь захвата новых территорий вступили и более молодые капиталистические страны. Европейские державы во главе с Англией разделили в конце XIX века Африку. Обострилась борьба за раздел Азии. Здесь старые колониальные державы столкнулись уже и с капиталистически молодой, но хищной Японией, с только еще крепнущими, но уже претендующими на нераздельное господство США.

В такой обстановке особенно выросло для Англии значение ее главнейшей колонии—Индии, как источника сырья, рынка сбыта и сферы приложения капиталов. Огромные ресурсы индийского полуострова служили основным источником мощи Британской Империи. Англия начинает в это время особенно настойчиво стремиться закрепить за собою господство на путях коммуникаций с Индией, подготовляя захват Египта и Кипра и пытаясь утвердить свое влияние на Балканах и в Турции.

С наступлением эпохи империализма географическое положение Индии делало ее важнейшим стратегическим пунктом Британской империи. Оно давало возможность использования ее в качестве плацдарма для дальнейших колониальных захватов. Ресурсы колонии давали возможность выполнять агрессивные планы, не затрагивая карманов английских налогоплательщиков и не мобилизуя сыновей избирателей.

В 70-х годах XIX века английская внешняя политика носила особенно резко выраженный антирусский характер. Английские и русские интересы сталкивались особенно резко на Балканах и в Азии.

Национально-освободительное движение балканских славян, имевшее в перспективе создание родственного и дружественного России славянского государства на берегах Средиземного моря, обещало усилить внешнеполитические позиции России и ослабить английское господство на коммуникациях с Индией. Отсюда проистекала активная поддержка Россией освободительного движения балканских славян и упорное противодействие их освобождению со стороны Англии, успевшей в значительной мере подчинить Турцию.

Крах английских попыток закрепиться на Кавказе, используя султана—религиозного главу мусульманского мира, и освобождение России от унизительных условий Парижского договора 1856 года еще более способствовали нарастанию англо-русских противоречий на Ближнем Востоке.

Английская попытка закрепиться в Синьцзяне в 1870-м году была успешно парирована русской оккупацией Кульджи в 1871 году. Ус-

пешное продвижение России в Ср. Азии вырывало у английских правящих классов давно облюбованные объекты для колониальных захватов. Безуспешность английской попытки вмешаться в хивинские дела в 1873 году ещё больше раздражила руководителей английской внешней политики.

Для Англии выгодно было развязать конфликт с Россией в Европе, где она могла получить помощь от Австрии и Турции. В Азии же она не могла „загребать жар чужими руками", так как стояла там один-на-один с Россией. Втянув Россию в войну в Европе, Англия могла без помехи приступить в Азии к давно намеченным захватам Белуджистана и Афганистана.

С приходом в 1874 году к власти Дизраэли Англия резко активизировала свою агрессивную внешнюю политику. Покупкой акций Суэцкого канала английские правящие круги приступили к захвату Египта. Вице-королю Индии Нортбруку правительство предписало установить английский контроль в Кабуле, Герате и Кандахаре Уклонение более дальновидного и лучше знавшего обстановку колонизатора Нортбрука от выполнения явно авантюрного плана завоевания Афганистана повлекло за собою смещение его с занимаемой должности.

Английские колонизаторы всегда прикрывали свою агрессию криками об обороне Индии от мнимой опасности русского вторжения. Новый вице-король Литтон, вступая в управление, заявил, что основной задачей его правления является „охранение законных прав и наследственных владений английских союзников **вне границ Индии**"[1] и вслед за этим выехал в Пенджаб.

Английские империалисты внушают, якобы вторую англо-афганскую войну они начали из-за миссии Столетова в Кабул. В действительности второе вторжение в Афганистан, как сказано выше, было намечено и готовилось англичанами много раньше, а миссия генерала Столетова явилась лишь желанным предлогом. Это вынуждена признать даже „Кембриджская история" Индии."[2]

В поддержку своим крикам об обороне от мнимого русского нашествия английские фальсификаторы истории представляют миссию Столетова русской попыткой подчинения Афганистана. В действительности Россия стремилась сохранить Афганистан независимым, как „буфер" между русскими и английскими владениями[3]. Действия же русских властей в Ср. Азии явились отголоском балканских событий в 1877—78 году. В качестве военной поддержки своим попыткам свести на-нет результаты русских побед в войне с Турцией за освобождение Болгарии Англия не только ввела свой флот в Дарданеллы, но и высадила корпус индийских войск на Мальте. В ответ на это во время заседаний Берлинского конгресса 1878 года миссия Столетова выехала из Ташкента в Кабул, а три колонны русских войск начали марш по дорогам Средней Азии к границам Афганистана.

Ответ на британские демонстрации оказался достаточно действенным, чтобы спасти свободу Болгарии, и едва был подписан протокол Берлинского конгресса, ген. Столетов был извещен, что его задача выполнена.

Кстати, следует отметить, что в возможность русского вторжения в Индию не только не верили руководители русской внешней политики и военные специалисты. В него не верили и англичане. Один собесед-

---

[1] Туркестанские ведомости, 22 июня 1876 года. Подчеркнуто мною. А. Б.
[2] См. том 6, стр. 415.
[3] История дипломатии, т. II, стр. 27.

ник в Лахорском клубе сказал проф. И. П. Минаеву: „Мы не боимся русского нашествия; оно, пожалуй, даже невозможно, но Индия есть уязвимое место Англии."[1]

Неожиданно для английского правительства вторая англо-афганская война затянулась до 1880 года. Не видно было никакой надежды на полное покорение свободолюбивых афганцев. Пришлось удовлетвориться уже осуществленной аннексией Белуджистана и контролем над внешней политикой Афганистана.

Изложение основных событий внешнеполитической истории 70-х годов показывает, что внешняя обстановка благоприятствовала крестьянским восстаниям. Индийцы сочувствовали афганцам в их борьбе за независимость против английских захватчиков. Приближение России к индийским границам ободряло индийцев, особенно махраттов, на борьбу с английским господством. Это было связано, в частности, с поверьем о бегстве в Россию за помощью Нана-Сахиба—сына последнего махраттского пешвы и одного из руководителей восстания в 1857—59 г.г. после подавления последнего.

Многие индийцы смотрели на Россию—врага Англии, как на своего возможного союзника. И это выражалось не только в легенду о мнимом предстоящем возвращении Нана-Сахиба из России с русскими вспомогательными войсками. Этот взгляд подтверждает и факт тайных посольств махараджи Кашмира в Ташкент и позднейшее бегство низложенного махараджи Пенджаба из английского плена в Москву.

Английские неудачи в попытках предотвратить разгром Турции Россией, их неудачи в Афганистане и Ср. Азии, в преувеличенном виде передавались по Индии. Эти толки развенчивали искусно раздуваемый апологетами колонизаторов мнимый ореол английской мощи и непобедимости и вызывали надежду индийцев на возможность их освобождения в случае войны Англии с Россией, которую многие из них в связи с постоянным соперничеством и конфликтами с Англией считали своим естественным союзником.

Последнее обстоятельство поясняет причину особой боязни англичан перед приближением России к границам Индии, и, в частности, почему таким действенным для защиты Болгарии оказалось посольство Столетова. Англичанин Ремингтон в Бомбее сказал проф. И. П. Минаеву: „Мы не боимся русского нашествия, но Россия может возмутить индийское население"[2].

Напряжённая международная обстановка и войны, в которых Англия прямо или косвенно участвовала, являлись благоприятным моментом и с практической стороны. Отвлечение значительной части английских сил на Ближний Восток, а затем в Афганистан, лишало провинциальные власти в Индии возможности иметь неограниченные резервы для подавления восстаний.

* * *

Решающие предпосылки подъёма крестьянского движения в Индии в 1870-х годах кроются во внутреннем положении страны в этот период.

Британское господство уже в первой половине XIX века привело

---

[1] Архив И. П. Минаева $106\frac{605}{\text{из } 42}$ запись 3 мая 1880 года. Последние три слова в подлиннике написаны по-английски.

[2] Архив И. П. Минаева $106\frac{605}{\text{из } 42}$—запись 6 мая 1880 года.

к разрушению индийского ремесла и домашней крестьянской промышленности и превращению Индии в рынок сбыта английских товаров. Усиленный вывоз сельскохозяйственного сырья, особенно с середины XIX века, окончательно превратил Индию в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

Вопреки стеснениям со стороны правительства Англии и конкуренции ее промышленности, во II половине XIX века взамен разрушенной ремесленной в Индии начала развиваться фабричная промышленность. Достижение ею заметных размеров к 70-м годам совпало с потерей Англией промышленной монополии и очередным кризисом капиталистической экономики в 1870-х годах.

Повышение значения для Англии экспорта товаров и капиталов в Индию в 70-х годах повлекло за собою меры со стороны правительства, направленные против индийской промышленности: отмена таможенных пошлин, введение фабричного законодательства и т. п. Ясно, что эти меры вызывали недовольство индийской буржуазии.

Вызывал недовольство со стороны буржуазии и слишком большой, по её мнению, размер колониальной дани, выкачиваемой Англией из Индии, а также проведение за счёт Индии захватнических авантюр английского правительства.

Размер колониальной дани с Индии Д. Наороджи оценивал в 500 млн фунтов стерлингов в течение 38 лет перед 1872—73 годом.

В 1870-х годах размер этой дани стал быстро возрастать. Показателем её роста могут служить, например, прибыли от эксплоатации железных дорог, которые выросли с 2.869.223 ф. ст. в 1871—72 г. г. до 6. 952. 714 ф. ст. в 1880—81 году. Количество новых путей, введённых в эксплоатацию возросло с 5370 миль в 1871—72 г. до 9.875 миль в 1880—81 году. (См. пор. № 77 библиографии в конце книги, стр. 62—63).[1]

Такой быстрый рост дани в 70-х годах вызывал опасения со стороны индийской буржуазии в том, что скоро для неё почти не останется доли в эксплоатации индийских трудящихся. Такие опасения также не могли не возбудить недовольства английским колониальным режимом с её стороны.

Рост национальной промышленности, развитие путей сообщения, нужды управления и торговли привели к созданию в Индии многочисленной интеллигенции. Английская политика расовой исключительности и стремление только лишь в своих руках держать высокие и хорошо оплачиваемые посты управления Индией вызывали недовольство со стороны индийской интеллигенции и даже части помещиков и буржуазии. Они требовали облегчения условий допуска к высшим гражданским и военным должностям, большей свободы для политической и общественной деятельности.

Рост оппозиционных настроений колониальному режиму со стороны индийской национальной буржуазии был, таким образом, первой новой чертой внутренней обстановки в Индии, которая наблюдалась в начале 1870-х годов.

---

[1] В связи с большим сходством в названиях английских правительственных документов (ср. напр. порядковые №№ библиографии 59 и 66 и др), в целях уменьшения количества подстрочных примечаний и некоторыми техническими причинами (напр. трудности поместить ссылку в графе примечаний в таблицах) в настоящей работе ссылки в большинстве случаев даются в скобках в строке без названия работы, а указывая порядковый номер цитируемого документа, под которым он помещен в библиографии в конце книги, а затем—№ тома или части (если они есть) и № страницы в данном документе.

Отмеченные реакционные мероприятия колониального правительства определили особенности развития индийской промышленности: 1) медленность роста; 2) специфично колониальный профиль и размещение; 3) чрезвычайную мучительность этого процесса для индийского пролетариата, усугубленной эксплоатацией которого фабриканты преодолевали экономические преграды, чинимые колониальным режимом их деятельности.

Последнее обстоятельство вызывало рост сопротивления со стороны пролетариата. Семидесятые годы XIX века отмечены целым рядом выступлений со стороны индийского рабочего класса.

Принято считать, что лишь в 1877 году произошла первая стачка индийских рабочих. Большой размах стачечного движения в 1878 году, наблюдавшаяся уже в январе 1877 года стотысячная стачка на работах для голодающих, организованность и упорство борьбы во время этой и множества стачек 1878 года, факт прекращения работы и торговли всеми жителями Сурата в ответ на увеличение соляного налога ещё в 1840-х годах заставляют усумниться в точности сведений. Не только перечисленные, но и целый ряд других случаев свидетельствует, что уже до 1870-х годов стачки применялись индийскими рабочими в борьбе со своими эксплоататорами.

Обострение борьбы (хотя пока еще экономической) молодого рабочего класса за свои жизненные интересы является второй особенностью внутренней обстановки в Индии 70-х годов XIX века.

Следующей чертой, резко выделявшей 1870-е годы из других десятилетий, был исключительный рост политической активности индийского населения, обусловленной перечисленными причинами.

Проф. И. П. Минаев писал по этому поводу в 1880 году: „Меня удивляло в эту мою поездку, с каким живым интересом следят всюду в Индии за вопросами дня: об афганских затруднениях, об отношениях Англии к Турции и России, о внутренней политике..."[1]

Развитие интереса к политической жизни можно проиллюстрировать таким примером: в 1873 году в Индии было уже 307 газет на английском и индийских языках. Тираж этих газет рос в 1870-х годах с поразительной быстротой. Если в 1866 году индийская почта вручила подписчикам 5.134.600 экземпляров газет, а в 1870 году— 6.165.039 т. е. больше на одну пятую, за 70-ые годы тираж газет удвоился. В 1880—81 году почта вручила подписчикам уже 11.942.304 экземпляра газет.

Двенадцать миллионов экземпляров газет в год говорят за то что вопросами дня, внутренней и внешней политики начинали интересоваться в Индии не только представители буржуазно-помещичьей верхушки и интеллигенции, а и широкие круги мелкой буржуазии и интеллигенции и сельской верхушки.

И эта политическая активность была направлена прежде всего против иноземного владычества. Проф. И. П. Минаев писал: „При обсуждении этих вопросов чаще всего приходилось замечать или раздражение против верховной власти или недоверие к ней"[2].

Характерной чертой этой политической активности являлось падение былого ореола английской мощи и „непобедимости", которое происходило в 1870-х годах, о чем также свидетельствовал проф. И. П. Минаев.

---

[1] Архив И. П. Минаева. $21\frac{605}{из\ 30}$ стр. 1.

[2] Архив И. П. Минаева. $21\frac{605}{из\ 30}$ стр. 2.

Особенно большое значение для исследуемой проблемы имеет резкое ухудшение в 1870-х годах и без того тяжелого экономического положения индийского крестьянства.

Усиление эксплоатации сельское население ощущало немедленно по захвате английскими колонизаторами той или иной местности. Уже в первой половине XIX столетия колонизаторы разрушили индийскую сельскую общину, тысячелетиями служившую основой индийского социального порядка.

К такому результату привела губительная конкуренция фабричной промышленности метрополии совместно с открытыми мерами подавления экспорта индийских тканей, введением нозых систем землевладения и твёрдого денежного обложения. Последнее обстоятельство вынуждало продавать часть земледельческой продукции на рынок, способствуя перестройке сельской экономики на рельсы товарного хозяйства.

Большую роль при этом сыграло железнодорожное строительство. В. И. Ленин так характеризовал его значение в условиях колониального режима: „Постройка желдорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием... На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полуколонии)...“[1] Так и английские господствующие классы превратили железные дороги в новое средство колониальной эксплуатации Индии.

Постройка железных дорог проводилась с учётом потребностей военных властей в переброске войск для подавления восстаний и осуществления новых колониальных захватов. С другой стороны, при их проектировании учитывались и экономические цели, (доставки сырья к портам, продвижения промышленных товаров в глубь страны и получения процентов на вложенный капитал). Тарифная политика английских хозяев препятствовала внутренним перевозкам. Последней причиной, кстати, объясняется и тот факт, что основными очагами промышленности в Индии оказались портовые города.

Железные дороги втягивали в мировой товарооборот все новые и новые районы колонии. Вместе с ними в глубь страны проникали дешевые ткани и другие фабричные товары, окончательно разрушая местную ремесленную промышленность, выбрасывая тысячи индийцев в деревню и усиливая тем самым относительное „аграрное перенаселение“.

Вместе с тем они способствовали перестройке земледелия на рельсы товарного хозяйства, развивая в нём монокультурность, необходимость обмена сельскохозяйственной продукцией, и приносили одновременно обильные дивиденды. В то же время железнодорожное строительство усиливало налоговый гнёт над индийским крестьянством вследствие системы гарантий со стороны правительства. В погоне за дивидендами английские капиталисты стремились вкладывать все большие средства в железные дороги.

Вывоз капитала в колонии—черта империализма—характерна тем, что в этом случае средства вкладываются в предприятия, не способствующие развитию там промышленности.

Предпочтительное вложение средств английским капиталом в же-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 178, изд. 4-е

лезные дороги объясняется и тем, что их постройка давала новую возможность сбыта продукции английской промышленности.

Превратив Индию в исключительно сельскохозяйственную страну, новые хозяева не только не заботились о развитии земледелия, даже о сохранении его на прежнем уровне, но привели его к полному упадку, тупоумно не понимая необходимости поддерживать оросительную систему. К. Маркс писал в статье „Британское владычество в Индии": „В Азии с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ. Климатические условия и своеобразие почвы... сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия... И вот британцы в Ост-Индии переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они совершенно пренебрегли ведомством общественных работ. Отсюда упадок земледелия... Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе от хорошей или дурной погоды"[1]

Следствием нежелания колонизаторов уделить часть награбленного для ремонта ирригации, упадка оросительной системы и разорения трудящихся колониальным режимом явилось учащение голодовок, которые стали неизменно сопровождать любой недород, любую засуху. Вот перечень наиболее известных. В 1825 году был голод в Бомбее и Мадрасе; в 1832-33 г. г.—в Мадрасе, Бомбее, Хайдарабаде; в 1837-38 г. г.—в Сев.—Зап. провинциях и княжествах; в 1845 г.—в Бомбее; в 1853-54 г. г. в Мадрасе и Хайдарабаде; в 1860-61 г. г.—в Сев.-Зап. провинциях, Пенджабе и княжествах; в 1865-66 г. г. в Бенгале (Орисса), Мадрасе, Майсоре, Хайдарабаде, Бомбее; в 1868-69 г. г.—в Раджпутане, Сев.-Зап. провинциях, Пенджабе, Центр. провинциях, Бомбее; в 1873-74 г. г.—в Бенгале, Сев.-Зап. провинциях и Ауде; в 1876-78 г. г.—в Мадрасе, Майсоре, Бомбее, Хайдарабаде, Сев.-Зап. провинциях, Ауде, Пенджабе.[2] Голодовки учащались с каждым десятилетием, охватывали всё большие пространства и приносили с каждым разом всё больше смертности.

Целью даже того далеко недостаточного строительства оросительных сооружений, какое проводили англичане в Индии, являлось создание дополнительного источника колониальной эксплоатации, извлечение прибыли и создание возможностей для выращивания технических культур—сырья для английской промышленности. Поэтому и в районах оросительных каналов не наблюдалось и не наблюдается в Индии „благоденствия" крестьянства.

Введение в Индии новых систем землевладения и налогообложения, разрушение оросительной системы, перевод экономики на рельсы товарного хозяйства, гнёт колонизаторов и местных эксплоататоров вызывали разорение, обезземеливание и пауперизацию крестьянства.

К. Маркс писал: „Как в Бенгалии при заминдарской системе, так и в Мадрасе и Бомбее при системе райотвари крестьяне... подверглись ужасающей пауперизации"[3].

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, том I. М. 1948, стр. 306 - 307.

[2] Ламанский. „Индия". СПБ. 1893, стр. 56.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 344.

В конце 60-х и в начале 70-х годов XIX века положение индийского крестьянства резко ухудшилось. Это ухудшение было вызвано появлением новых или усилением действия старых факторов, вызывавших разорение и пауперизацию населения:

1) усилилось ограбление населения прямыми и косвенными налогами (местные сборы Майо, патентный сбор, соляной налог, „абкаритакс");

2) усилилась полуфеодальная эксплоатация крестьянства со стороны помещика, ростовщика и скупщика;

3) к 1870-м годам разрушение заброшенных новыми господами оросительных систем достигло предела; голодовки после отсутствия дождей участились и начали вызывать высокую смертность (1866—Орисса, 1868-69 — Раджпутана, С. — З. Индия и Мадрас, 1873-74 — Бенгал; 1876-78—Бомбей, Мадрас, Майсор и др);

4) вследствие усиления налогового пресса и товаризации хозяйства усилился экспорт с/х продукции, которую с большей интенсивностью отбирали у зачастую голодающего населения ростовщики и скупщики;

5) втягивание Индии в мировой товарооборот также способствовало усилению экспорта с/х продукции;

6) этот увеличившийся вывоз в 1870-х годах производился по низким и все уменьшающимся ценам в результате мирового аграрного кризиса конца XIX века, который начался в этом десятилетии;

7) на падение вывоза технических культур повлиял промышленный кризис, начиная с 1873 года охвативший в этом десятилетии все основные капиталистические страны;

8) усилилась конкуренция на сельскохозяйственном рынке других стран с более высокой ступенью развития производительных сил (США, Канада).

Наряду с общим ухудшением положения индийского крестьянства, сравнительно с прежним состоянием, в 1870-х годах больше ухудшилось положение крестьянства на юге и западе Индии (Бомбейское и Мадрасское президентства). Этот факт обьясняется бóльшим, чем в других провинциях, развитием в этих областях товарно-денежных отношений и тем, что увеличение налогообложения прошло в этих провинциях в 60-х и 70-х годах несравнимо большее, чем на севере Индии.

Большой спрос на хлопок в период гражданской войны в США повлек за собой в первой половине 1860-х годов перестройку почти исключительно на производство хлопка сельского хозяйства в целом ряде местностей Западной, Центральной и Южной Индии. Воспользовавшись в связи с этим временным облегчением положения крестьянства в этих районах, колониальные власти повысили обложение.

Крах индийского хлопководства после окончания гражданской войны в США сделал невозможной для индийских крестьян выплату даже довоенных налогов. Увеличенные же в полтора-два раза, они отбирали большую часть крестьянского дохода. Неудивительно, что голод сильнее поразил в 1876-78 году именно местности, где в 60-х годах было повышено обложение. И вполне естественно, что именно те местности, где в 1860-х и 1870-х годах колониальные власти повысили обложение явились главными очагами крестьянского движения в 1870-х годах (Мадрасская и Бомбейская провинции).

Приводимая ниже таблица покажет динамику основных показателей экспорта хлопка—одной из главных товарных культур Индии. Не забудем при этом, что в 1866 году хлопок составил свыше 50% суммы

всего экспорта, постепенно теряя свое место в пользу других товаров. (№ 77, стр. 62-63)[1].

Годы	Вес в фунтах	Сумма в ф. ст.	Средн. цена—Кол. фунтов за 1 ф. ст.
1	2	3	4
1865-66	803.150.424	35.587.389	22,6
1866-67	425.568.892	16.478.064	
1867-68	614.056.049	20.092.570	
1868-69	697.630.796	20.149.825	
1869-70	554 834.522	19.079.138	
1870-71	577.300.764	19.460.899	28,6
1871-72	809.246.087	21.272.450	38
1872-73	494.214.447	14.022.108	
1873-74	503.966.220	13.212.241	38
1874-75	627.209.632	15.257.342	
1875-76	561.207.920	13.280.959	
1876-77	510.486.368	11.746.184	43
1877-78	387.583.616	9.387.354	41
1878-79	332.255.728	7.914.091	42
1879-80	442.229.312	11.145.453	39,7
1880-81	5 08.653 376	13.241.744	

Из этих цифр видно, что сумма экспорта хлопка в 1873 году пала до одной трети к 1866 году и составила менее двух третей к 1871 году. В 1871-72 году хлопка количественно было вывезено более, чем в 1865-66 году, но получено за него почти наполовину меньше.

В 1878 году, когда промышленный кризис поразил и Англию, сумма экспорта хлопка пала ниже 8000.000 ф. ст.

Эти цифры показывают, какая катастрофа произошла с индийскими хлопкоробами, лишившимися основного и единственного источника для выплаты податей и пропитания.

Аграрный кризис и конкуренция США отразились не только на хлопкоробах, но и на других крестьянах. Усилившийся налоговый пресс заставлял теперь продавать и зерно в увеличивающемся размере, но по уменьшающимся ценам. Отсюда—рост недовольства крестьянства в Индии вообще и в Южной Индии в особенности. По сведениям „Стэтистикал абстракт" № 16, экспорт риса возрос за десятилетие с 1871 по 1880 год включительно в два раза, пшеницы—в четырнадцать раз и прочих зерновых—более, чем в два раза. Рост экспорта зерновых из Индии не прекращался и в голодные 1876-78 годы.

Чрезвычайный рост недовольства и сопротивления со стороны индийского крестьянства усилившемуся гнету со стороны колониального режима является одной из основных новых черт внутреннего положения в 70-х годах XIX века.

Положение в Индии в 70-х годах можно охарактеризовать весьма напряженным. Обострение англо-индийских противоречий дошло до крайней степени. Достаточно было небольшого толчка, чтобы произошел взрыв и накопившееся внутри народа возмущение вырвалось наружу.

---

1 В 1920 годах хлопок занимал до одной трети экспорта. См. Уктар Прананатх Бхаратийя сампатти шастра, Канпур, 1923, стр. 320. (На хинди).

Проф. И. П. Минаев давал такую общую оценку положению в Индии в конце 70-х годов по своим наблюдениям. Он говорит, что настроение индийского общества „действительно тревожное, и положение британской власти в Индии может быть названо критическим...“ „не следует забывать:

1) Разобщение, как этнографическое, так и общественное между различными кастами и сектами как индусскими, так и мусульманскими.

2) Воспрещение носить индусам оружие.

3) Различные степени недовольства: а) наибольшее недовольство вследствие тяжести налогов и голодов следует признать в сельском или земледельческом населении, особенно в южных частях Бомбейского президентства. Но сельское население, у которого отобрано оружие в силу законодательного акта и не имея решительных руководителей, не поднимется само; б) класс интеллигентных находится в выжидательном положении, легко пойдет на сделки и совершенно успокоится после первых уступок правительства; е) затем остаются непримиримые, т. е. махратские (и всякие другие, но не бенгальские) брахманы и мусульмане... Но махратские брахманы, как учит их история, всегда были лишь тайными руководителями восстания...

Вот те важнейшие причины, которые могут замедлить наступление кризиса в Индии. Ускорение его или замедление зависит частью от действий либерального министерства, иными словами будут или нет сделаны министерством уступки, требуемые интеллигенцией... Он неминуем, если тот образ действий, которого держалось министерство Биконсфильда будет продолжаться и при новом министерстве, но он может быть отсрочен на неопределённое время, если англичане признают возможным сделать хотя бы некоторые уступки интеллигенции или той части индийского общества, которая, не любя англичан, признает их владычество пока необходимым для Индии“[1].

Меткие и глубокие наблюдения русского профессора—востоковеда ярко показывают, каковы были настроения индийского общества и отношение его к англичанам во время развития излагаемых ниже событий.

Непревзойдённой по яркости и четкости остаётся и по сей день оценка положения в Индии в этот период, данная Марксом в письме Даниельсону: „**В Индии** для британского правительства готовятся серьёзные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев—в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр.,— то, что они берут у них **без всякого эквивалента**, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в **самой** Индии, т. е. **стоимость одних только неоплачиваемых продуктов**, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию—**превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии**! Это—настоящее кровопускание, это вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причём голод достигает **размеров**, о которых в Европе до сих пор даже не подозревают. Среди населения зреет настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане“[2]).

---

[1] Архив И. П. Минаева 21 $\frac{605}{\text{из } 30}$ стр. 32-33.

[2] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Госполитиздат, 1947 г, стр. 90.

Часть первая

УСИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО И ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА И УХУДШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ИНДИИ В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА.

Резкое ухудшение и без того тяжёлого положения индийского крестьянства в 70-х годах XIX века явилось основной причиной подъёма крестьянского движения в этом десятилетии. Поэтому, первая часть настоящей работы и посвящена анализу бедственного положения индийского крестьянства в 70-х годах XIX века.

Захватывая в разное время всё новые и новые территории, английские колонизаторы в каждой вновь захваченной местности вводили новую систему землевладения. Основными системами явились „патвари", „заминдари" и „райотвари" с их разновидностями. Все эти системы были проведены не в интересах крестьян, а в интересах британских захватчиков для удобства ограбления индийских райотов. К. Маркс писал об основных видах новых форм землевладения, установленных англичанами в Индии: „Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так это хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в Юго-восточной Индии—карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину, с общинным землевладением в карикатуру ее самой"[1].

После ликвидации в 1858 году Ост-Индской компании, когда не стало возможности сваливать на частную фирму безобразия, творимые в Индии, английские господствующие классы начали применять еще большие усилия, чтобы скрыть действительные грабительские цели их овладения этой колонией. Применялись и применяются всякая ложь и фальсификация для сокрытия губительного действия колониального режима на её население, подавляющую часть которого составляло и составляет крестьянство. Фальсификация и извращения действительности буржуазной историографией налагают на историка-марксиста дополнительные задачи по разоблачению апологетов колониального режима.

В соответствии с этим в первой части излагаемой ниже работы (глава I, II, III) ставятся следующие задачи:

1) Попытаться разоблачить действительные грабительские цели и губительные последствия аграрного законодательства англо-индийского правительства для индийского крестьянства в 70-х годах XIX века в Пенджабе, сев. Индии и Бомбее;

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949 г., стр. 346. прим. 50.

2) разобрать положение индийского крестьянства при трех основных системах землевладения, введенных английскими захватчиками в Индии; показать действительную картину жизни индийских райотов, разорявшихся, пауперизировавшихся и голодавших под действием колониального режима;

3) разоблачить методы фальсификации действительного положения крестьянства со стороны колониальной администрации;

4) показать, что английские налоговые расчёты, преследуя цели извлечения максимальной прибыли намеренно и сознательно обрекали крестьян на систематическое голодание, изымая в виде ренты-налога часть продуктов, необходимых для питания, и считая „нормальным" для индийского крестьянина состояние голодовки и истощения;

5) на вопросах, связанных с положением и борьбой крестьянства, показать, что уже в 70-х годах XIX века индийская буржуазия изменяла своему народу, не только не стремясь к изгнанию чужеземных поработителей, но, боясь остаться один-на-один со своим народом, желала английского управления Индией.

Индийское крестьянство стонало под многоярусным гнётом различных эксплоататоров. Райотов грабило англо-индийское правительство прямыми и косвенными налогами. Выжимали непомерную ренту феодалы и различные посредники. Обирали, обманывали и превращали в своих долговых рабов ростовщики. В „Тетрадях по империализму" В. И. Ленин для характеристики положения индийских крестьян выписал и отметил „N B" следующую цитату из книги Гобсона „Империализм", которая приложима и к 70-м годам XIX века: „... их существование—это **постоянная борьба с голодом**, слишком часто кончающаяся неудачей. Им трудно добиться не то, чтобы человеческого **существования**—существования, хотя бы на том жалком уровне жизненных удобств, который является обычным для них, но просто возможности жить и не умереть... Мы можем поистине сказать, что, в Индии за исключением орошаемых областей, голод—явление хроническое—эндемическое"[1].

Отчёты колониальных властей об управлении Индией тщательно скрывают действительную картину жизни крестьянства. Они пытаются, вместо грабителей, представить себя в роли „благодетелей" и „покровителей" ограбляемых райотов. Для этого выработан многолетней практикой целый ряд приёмов, помогающих обмануть неискушённого читателя. При анализе официальных отчётов и публикаций колониальной администрации выявляются следующие основные методы фальсификации:

1) по наиболее разорённым провинциям сельско-хозяйственную статистику колониальные власти не публиковали совсем;

2) отчёты по сельскому хозяйству публиковали лишь по наименее истощённым местностям, где путём прикрашивания и фальсификации была возможность скрыть действительность;

3) никогда не публиковали дифференцированные сведения; разорение и пауперизацию скрывали за „средними" цифрами, для получения которых складывались доходы и батрака и помещика;

4) сведения о доходах от неземледельческих занятий не публиковали совершенно;

5) при проведении переписей количество сельского населения колониальные чиновники искусственно занижали, а сведения о доходах

---

[1] В. И. Ленин. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939 стр. 373-374.

от земледелия завышали в целях получения завышенной „средней" цифры доходности;

6) процент поземельного налога определялся не к чистому, а к валовому доходу от сельского хозяйства, выраженному в денежных единицах.

Наличие сведений лишь неполных и притом крайне фальсифицированных чрезвычайно затрудняет анализ положения крестьянства. Перечисленные приёмы фальсификации показывают, что сведения запутаны до состояния, при котором действительную жизнь крестьянства нарисовать со всей точностью невозможно. Тем не менее, путём внимательного анализа и тщательной критики можно восстановить приближающуюся к истине картину.

ГЛАВА I.

БРИТАНСКАЯ АГРАРНАЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕНДЖАБЕ В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Пенджаб позднее других провинций был захвачен англичанами. В 1846 году было аннексировано междуречье Сатледжа и Рави, а в 1849 году—остальная территория сикхского государства. Округ Дели—арена восстания 1857-59 года в порядке осуществления политики „разделяй и властвуй" был передан после подавления восстания от Северо-западных провинций[1] в провинцию Пенджаб, население которого почти не участвовало в восстании.

На первых порах англо-индийское правительство ввело в Пенджабе менее грабительские формы землевладения и налогообложения, чем в других провинциях. Колониальные власти боялись свободолюбивых традиций сикхского и патанского крестьянства. Они не хотели рисковать возможностью восстания в провинции, намеченной служить плацдармом для давно задуманных вторжений в Афганистан и Ср. Азию. Секретарь пенджабского провинциального правительства писал о налогах в пешаварской долине: „Политически очень важно, чтобы земледержатели этой долины чувствовали, что с ними обходятся справедливо и либерально" (№ 68 стр. 60). Газета „Таймс" (6 января 1871 года) признавала: „Пенджаб является главным оплотом нашего могущества в Индии".

Руководствуясь такими соображениями, колониальные власти по первому Уложению (1853) на основной территории Пенджаба оставили почти всю землю во владении сельских общин (система „патвари"). Основными типами этих общин в Пенджабе являлись „бхайячари" и „паттидари". Характер общины „бхайячари" довольно близко передаётся словом „братчина",которым известный русский индолог проф. И. П. Минаев перевёл этот термин[2]. В общинах этого типа земля была распределена тщательно и равномерно по количеству и качеству между общинниками насколько это было возможно, и по временам происходили переделы земли. Имелись в 1870-х г.г. еще и такие общины, в которых обработка земли производилась совместно, а раз-

[1] Позднее—Соединенные провинции Ауда и Агры.
[2] И. П. Минаев. Очерки Индии и Цейлона, СПБ, 1878, стр 13, „бхаи"—брат.

делу подвергался собранный сообща урожай[1]. В общинах „паттидари" пахотная земля разделена на наследственные участки, а в общинном владении оставались лишь, земли общего пользования—выгоны, пустоши и т. д.

Междуречье Сатледжа и Рави и округ Дели получили ранее 50-х годов систему землевладения, известную под названием „временного заминдари", при которой земля была передана помещикам, а крестьяне были превращены в их арендаторов.

Приводимая ниже таблица покажет распределение земли в Пенджабе по первому уложению (1853) (№ 63 стр. 30, № 64 стр. 13—15, ср. № 69, т. I, стр. 16—17).

Наименование групп землевладельцев	К-во владельцев или дольщиков	Площадь земли в акрах	Средняя площадь владения
1. Средние заминдары (5—50 тыс. руп. налога)	44	294.408	
2. Мелкие заминдары (до 5 тыс. руп. налога)	3.617	2572.970	
3. Общины „заминдари"	37.781	3536.393	93,4
4. Общины „паттидари"	472.720	10125.869	21,4
5. Общины „бхайячари"	1075.461	21456.442	19,8
6. Общины „бхайячари-паттидари"	397.675	8808.987	22,1
7. Владения „талукдари" (посреднические). .	5.760	5011.202	
8. „Джагиры" и „маафи"	139.063	5011.202	
9. Пожалования правительства а) в аренду .	6.399	625.614	
б) в собственность.	1.082	101.225	
10. Землевладения с откупленным налогом. .	80	18.846	
11. Владельцы вновь купленной земли. . . .	230	23.022	

В нашей исторической литературе утвердилось ошибочное мнение, якобы после аннексии Пенджаба английские колонизаторы закрепили землю во владение крестьянам навсегда. В действительности это было лишь временным маневром новых правителей. Английские господа подавили великое восстание 1857—59 года при помощи индийских феодалов. Восстание показало, что без помощи местных эксплоататоров чужеземным захватчикам трудно удержать народ в повиновении. Прокламацией королевы Виктории в 1858 году английское правительство возвестило возврат к прежнему курсу опоры на феодалов. И уже в 1860 году феодалам Ауда и Пенджаба было предоставлено право сеньериальной юстиции, а вслед за этим им передали право на владение землёй, отобрав ее у крестьян.

Экспроприацию земли у крестьян в Пенджабе англо-индийские власти проводили во время пересмотра земельного обложения в 1860-х годах. По сведениям колониальных властей только в одном дистрикте Амритсар из 60 тысяч крестьянских хозяйств до 46 тысяч было лишено своих исконных прав на землю (№ 75, стр. 653—654).

В ответ на массовую незаконную экспроприацию земли пенджабские крестьяне возмутились. В 1868 году в Лахорском и Амритсар-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М. 1948, стр. 207. см. также К. Маркс. Ф. Энгельс. „Письма о „Капитале". Огиз. 1948, стр. 46; см. также: М. М. Ковалевский. Общинное землевладение. Москва, 1878. т. I. стр. 78.

ском округах вспыхнули крестьянские волнения. Англо-индийские власти, обеспокоенные крестьянскими выступлениями в ближайшем тылу их военных операций против горных племён и ваххабитов, как раз в 1868 году усиливших свою борьбу, прибегли к маневрам. Они разработали закон „о постоянной аренде", который и был введён в 1869 году.

Буржуазно-помещичьи фальсификаторы истории прославляют закон 1868-69 года, как якобы „благодетельный" для крестьянства. В действительности целью этого закона являлся обман экспроприированных крестьян. Права „постоянной аренды" по этому закону предоставлялись не арендаторам, а лишь крестьянам, лишённым земли при втором обложении.

Апологеты английского колониального режима прославляют закон 1868-69 года, как якобы „защитивший" крестьян от чрезмерной эксплоатации со стороны землевладельцев. В действительности закон 1868-69 года предоставлял заминдарам все права, каких требовали последние, лишь обставив осуществление этих прав некоторыми формальностями в целях маскировки перед крестьянами их экспроприации. Согласно этому закону помещик получал право увеличения ренты с „постоянных" арендаторов в размере до 50—70% ренты бесправных арендаторов. (№ 75 стр. 709-711, 653 654). Уже в 1873-74 году по искам заминдаров среднее увеличение ренты составило 43 процента (№ 60, стр. 13). Через три года правительственный отчёт констатировал: „Имеется тенденция к большему использованию землевладельцами возможностей, предоставленных им актом XXVIII 1868 года" (№ 62, стр. 35). А ещё через год такие иски начали поступать в гражданские суды тысячами (№ 61, стр. 52).

Таким образом, анализ закона 1868-69 года разоблачает присущее английским колонизаторам глубокое лицемерие. Крики о его мнимой „благодетельности" для крестьянства лишь прикрывают наглую и незаконную конфискацию земли у райотов. Кстати, следует заметить, что, как это видно из приведённой цитаты, басни о „благодетельности" этого акта для крестьянства были предназначены для обмана последних и передового общественного мнения Европы; в служебной переписке англо-индийские власти не скрывали, что этот закон предоставлял права и привилегии лишь землевладельцам. Разоблачение истинной грабительской сущности, проводимой английскими колониальными властями в 1860-х г. г. в Пенджабе аграрной политики вскрывает одну из важных причин резкого ухудшения положения пенджабского крестьянства в 1870-х годах.

Точное количество крестьянских хозяйств, лишённых прав собственности на землю в Пенджабе установить невозможно. В приведённой выше таблице значится по первому Уложению до двух миллионов хозяйств крестьян-общинников. В 1868-69 году при введении закона „О постоянной аренде" колониальные власти оценивали количество крестьянских хозяйств, имевших права собственности на землю, в 1.200 тысяч (№ 75, стр. 464). Следовательно, в течение 15 лет было обезземелено до 800 тысяч хозяйств как экспроприацией при пересмотре Уложения, так и воздействием других сторон колониального режима.

Благодаря более осторожной и завуалированной политике англо-индийских властей в Пенджабе в области землевладения и налогообложения и менее длительному воздействию колониального режима, пенджабское крестьянство к 1870-м годам не дошло ещё до той степени разорения, до которой к этому времени было доведено крестьянство в других провинциях Индии. Такие обстоятельства были использованы

английскими колонизаторами для лживой пропаганды, якобы в Пенджабе „условия крестьян-собственников делают честь британскому управлению", а условия жизни арендаторов являются „вполне удовлетворительными" (№ 44, стр. 29-31).

Приведённое заявление крупного колониального чиновника проливает свет на причину опубликования англо-индийским правительством более полной сельскохозяйственной статистики по Пенджабу, чем по другим провинциям Индии. Сокрытие большей части показателей—один из наиболее обычных приёмов английских фальсификаторов.

В то же время и опубликованные сведения, во-первых, далеко не полны, а, во-вторых, в значительной мере фальсифицированы. Тем не менее, при внимательном рассмотрении и в этих отчётах обнаруживается тяжёлое в действительности положение пенджабского крестьянства. Характерной чертой пенджабского населения является низкий жизненный уровень и полное безденежье. По отчёту за 1871-72 год разобранные в судах гражданские дела распределялись следующим образом (№ 64, стр. 64):

Размер иска	К-во дел	%
1. За суммы до 5 рупий	33.413	15.3
2. „ от 5-20 рупий	83.929	38.4
3. „ от 20-100 рупий	80.929	37.1
4. „ от 100-500 рупий	17.623	
5. Свыше 500 рупий	2.496	
Итого	218.390	

Из приведённых цифр видно, что 90, 8% несостоятельных должников были не в силах оплатить долг до 100 рупий, 53, 7% не в состоянии оплатить 20 рупий, а 15, 3% даже 5 руп. без принудительного взыскания. Снижение средней суммы иска за 2 года на 15% является дополнительной иллюстрацией процесса разорения крестьянства.

Наряду с этим имеются сведения о росте крестьянской задолженности ростовщикам. Отчёт о пересмотре налогового обложения дистрикта Монтгомери сообщал: „Во всех деревнях, кроме орошаемых из каналов,—семена неизменно добываются в долг... деньги на уплату налога также обычно занимаются, и очень мало деревень, жители которых не находятся в долгах, достигающих значительногора змера" (№ 67, стр. 128-129).

В правительственных сведениях отсутствуют разделы, касающиеся задолженности арендаторов. Относительно крестьян, имевших права на землю, иллюстрацией к росту задолженности ростовщикам являются сведения о залогах и продаже земли. Отчёт об управлении Пенджабом за 1877-78 г. г. сообщал, что общая площадь земли, находящейся в закладе, увеличилась с 1.458.545 акров в конце 1874-75 отчётного года до 1.972.897 акров в конце 1877-78 года, достигнув 10% обрабатываемой площади (№ 62, стр. 40).

Понимая, что земля—основа существования земледельца—закладывалась лишь в безысходном положении, когда не было других возможностей получить кредит, мы должны признать, что 10% посевной площади—высокая пропорция. То же самое обстоятельство, т. е.,

что земля закладывалась, безусловно, лишь в крайнем случае, объясняет тот факт, что обычно заложенная однажды земля больше к хозяину не возвращалась. Часто увеличение выкупа земли из залога, наоборот, являлось признаком ухудшения положения крестьянства, так как земля выкупалась перед продажей[1].

Из этих соображений следует вывод, что залог земли следует рассматривать не как самостоятельную операцию, а лишь как переходную к полной продаже земли. В голодные годы или при недороде изменения в сведениях о продаже земли были значительно больше, чем о залогах. Цитированный выше отчёт за 1878-79 год сообщал по этому поводу: „... В годы нужды ростовщики применили все давление, какое они могли оказать, чтобы вынудить полную продажу земли им, и не желали ограничиваться займами на залоговом обеспечении".[2]

Вот каковы сведения о продаже земли за 10 лет:

Отчётный год	К-во проданной земли (в акрах)	% %	Примечание
1868-69	770. 438	29, 91	Отчёт об управлении Пенджабом за: 1869-70 г. стр. 33; Прил. I—Б стр. XXVIII;
1869-70	330, 555	12, 83	
1870-71	187. 826	7, 29	1871-72 стр. 16; Прил. стр. XVI
1871-72	262. 901	10, 20	
1872-73	238. 521	9, 26	1873-74, стр. 15; Прил. стр .XXIV
1873-74	168. 677	6, 55	
1875-76	89. 302	3, 47	1877-78, стр. 39; Прил. стр. XXIV
1876-77	101. 237	3, 93	
1877-78	276. 686	10, 74	1878-79, стр. 53; Прил. стр. XXIV
1878-79	149. 942	5, 82	
Итого	2. 576. 085	100	

Приведённая таблица показывает, что в течение 10-ти лет в Пенджабе было продано 13, 5% земли. Вместе с заложенной землёй до $\frac{1}{4}$ посевной площади перешло в другие руки. Уже один тот факт, что на голодный 1868-69 год падает до 30% всей земли, проданной за десятилетие, подтверждает, что причиной продажи была нужда в куске хлеба. Следовательно, проданная земля принадлежала в основном беднейшим крестьянам. Принимая во внимание приведённые выше слова отчёта, можно полагать, что продажу земли вынуждали ростовщики отказом давать ссуды только под её залог.

Из этих же отчётов пенджабского правительства можно установить, что 84% проданной земли принадлежало крестьянам и лишь 16%—различным заминдарам. А так как участки крестьян были

[1] Это признают даже колониальные власти. См. № 61 (Отчёт об управлении Пенджабом за 1878-79), стр. 54-55.

[2] Там же, стр. 54.

около 20 акров, нетрудно подсчитать, что в течение 10-ти лет свыше ста тысяч крестьянских хозяйств лишились земли полностью и почти столько же имели землю заложенной. Так как из отчётов выяснилось, что залоговая операция являлась лишь переходной стадией к полному обезземеливанию, можно сказать, что к 1878 году из остававшихся десять лет назад 1.200 тыс. крестьян-собственников земли двести тысяч семейств, или $\frac{1}{6}$ общего количества, её лишились. А всего за 30 лет британского владычества в Пенджабе обезземелилось 50% крестьян.

Кстати, следует отметить, что в XX веке индийские авторы в отношении Пенджаба не отмечают следов былого крестьянского землевладения. Они относят эту провинцию к области распространения „временного заминдари".[1] Это—логический конец процесса обезземеливания крестьянства, который к 1870-м годам уже полностью наметился.

Одной из причин обнищания крестьянства, вызывавшего быстрый процесс задолженности и обезземеливания райотов, являлся быстрый рост налогового обложения и его взимание в твёрдой денежной сумме.

Вот суммы ежегодного поступления налога:

Годы	Сумма земельного налога	% %	Примечание
1847-48	820.000	100 . . .	Р. Ч. Датт.„ Экономическая история Индии:" стр. 90 (№ 89)
1850-51	1018.502	124,2 . .	стр. 91
1862-63	1864.665	227,3 . .	Отчёт об управлении Пенджабом за: 1862-63г, (№ 48) Прил I
1869-70	2002.540	244,3 . .	„ за 1869-70г. (№ 63) Прил. F
1878-79	2043.139	249,2 . .	„ за 1878-79г. (№ 61) стр. 27.

В течение 30-ти лет с момента аннексии земельный налог возрос в два с половиной раза к размеру сикхского налога. Но это далеко не все данные о взимавшихся податях. Английские колониальные власти ввели массу разнообразных налогов, сумма которых также неизменно росла, несмотря на постоянные неурожаи и голодовки. Провинциальное правительство сообщало в начале своего отчёта за 1869-70 г.: „Неурожай и засуха, которые превалировали в 1868-69 г., продолжались с возрастающей силой; тысячи голов скота погибли... голод, как обычно,сопровождался эпидемией... несмотря на эти обстоятельства, налог возрос с 3. 434. 775 до 3. 789. 507 фунтов стерлингов" (№ 63,стр. 1).

Официальный налоговый отчёт по дистрикту Монтгомери признавал тот факт, что именно британская система управления привела к тяжёлой задолженности и разорению крестьян Пенджаба: „Основные причины, почему собственники земли оказались в долгах при британском управлении, не являются присущими только этому дистрикту. Мы

[1] Бхагвандас Кела. Бхаратийя раджасва. Прайяга (Аллахабад), 1938, стр. 89 (на хинди).

сами облегчили земледельцам возможность делать долги, во-первых, дав им право на владение их землей, которая служит обеспечением кредитору, и, во-вторых, установив гражданские суды, которые облегчают взимание долгов. Так как проценты очень высоки и большинство собственников очень невежественны и беззаботны в счётных делах, заем денег обычно в большинстве случаев оканчивается тяжёлыми долгами.

Наша система твёрдого денежного обложения также частично ответственна. Эта система не была неизвестна при местных правительствах, но прилагалась только к нагорным местностям. Такая система наиболее приложима к последним, так как они до некоторой степени являются независимыми от погоды."... Однако..."В годы засухи собственники нагорных колодцев часто должны были покидать их и уходить в места, где могли найти фураж для их скота. При местных правительствах, когда каждый колодец был относительно обложения отдельной единицей, я думаю, что собственники колодцев, которые уходили таким путём, вообще избегали платежа налогов на некоторое время" (№ 67, стр. X-XI).

Приведенная цитата подтверждает, что сами английские чиновники признают следующее: 1) лишь при британском управлении начала в катастрофических размерах развиваться задолженность крестьянства; 2) лишь при британском управлении земля стала залоговой и товарной ценностью, что неминуемо связывало исход займа с потерей права владения землей; 3) рост задолженности крестьянства был вызван системой твёрдого денежного обложения, применявшегося до англичан лишь там, где плательщики в годы засухи вообще ничего не платили; 4) рост задолженности крестьянства был вызван также быстрым ростом общей суммы налогового обложения.

Таким образом, из сказанного очевидно, что в разорении и пауперизации пенджабского крестьянства прежде всего виновен английский колониальный режим.

Из 432.038 акров земли, проданных в течение 1875-78 г. г., 175. 020 акров или 40, 5% перешли в руки „неземледельческих классов" (№ 62, стр 39; № 61 стр № 54). „Неземледельческими классами" английские чиновники называли торговцев и ростовщиков, не соединявших со своими операциями ни в какой мере обработку земли. Помещиков они считали „земледельческим классом", хотя большая часть их тоже жила лишь за счёт получения ренты, не вмешиваясь в сельскохозяйственное производство.

Переход в руки ростовщиков значительной части земли означал, что колониальный режим консервировал докапиталистические методы эксплоатации, а ростки капиталистических отношений появлялись вопреки желаниям английских колонизаторов.

Министерство по делам Индии в целях обмана общественного мнения „определило" „средний" доход пенджабского крестьянина в 22 рупии на человека в год сверх налогов, пропитания людей и скота. И при этом— „определило" товарный излишек зерна в 450 тысяч тонн. (№ 95, стр. 173-176).

При рассмотрении документов, на которых базируются эти вычисления, становится очевидно, что такие результаты достигнуты двумя путями: завышением доходности от земледелия на 1-го человека и занижением нормы расчёта потребления. При определении „средней" доходности английские колонизаторы завысили общий доход от земледелия по провинции и занизили количество земледельческого населения. Сведения о неземледельческих доходах они не публиковали

вообще, относя за их счёт в то же время содержание много большего числа населения, чем в действительности. Такой нехитрой уловкой английские колониальные власти рассчитывали создать видимость „процветания" Пенджаба. В состав земледельческого населения при переписи не включали целые группы жителей деревни, как общинные ремесленники и другие работники, получавшие оплату долей урожая, жены земледельцев и т. п. (№ 69, т. I, стр. 386-387 и т. д. Ср. № 67, стр. 66).

В действительности не 22 рупии сверх затрат первой необходимости, а 20 рупий валового дохода получается при подсчёте „среднего" годового дохода пенджабского райота[1]. Значение этой цифры будет понятно, если вспомнить, что на скудное пропитание каждого заключённого в пенджабской тюрьме правительство расходовало в год 23, 5 рупии (№ 64, Прил. III E 4).

А этот тюремный паёк в англо-индийской тюрьме такой, что его может выдержать, не умирая с голоду, лишь индиец, приученный с детства колониальным режимом к полуголодному существованию. Газета „Таймс оф Индия" 16 августа 1878 года сообщала, что, попав в бомбейскую тюрьму, один иностранный матрос на пайке индийца—заключенного через несколько дней умер от истощения.

При проверке норм питания, из каких исходило министерство по делам Индии при определении излишка зерна по Пенджабу в 450 тыс. тонн в год, оказывается, что на пропитание каждого индийца оно оставляло на 16, 8% зерна меньше, чем отпускало на годовой паёк заключенного. Английские колонизаторы считали „нормальным" питание индийца в размере $^4/_5$ пайка заключенного, изымая их доходы сверх этого уровня и превращая всю Индию в огромное кладбище.

* * *

Определение уровня жизни населения путём вывода „средних" цифр может дать правильное представление лишь об уровне развития производительных сил данной страны или области в целом, но ни в коем случае не может дать представления о жизни населения, „Средние" цифры предполагают равномерное распределение доходов, чего в действительности не могло быть. В. И. Ленин резко критиковал игру в „средние" цифры, которой занимались народники и почти все земские статистики.

В своей классической работе „Развитие капитализма в России" Владимир Ильич писал: „Неудивительно, что при сложении богачей и бедноты вместе и при делении на число слагаемых можно везде, где угодно, получить „равномерное распределение".[2] Разрабатывая марксистский метод анализа положения крестьянства, Владимир Ильич указывал, что „пользоваться бюджетными данными можно лишь посредством вывода средних для каждой отдельной группы крестьянства".[3]

---

[1] Такую цифру определил Наороджи. См. № 95—цит. раб. стр. 145-173. К такому же выводу пришёл Лигби. См. №99-„Процветающая Британская Индия" стр. 371-442. Выполнив соответствующие вычисления по цифрам отчёта об управлении Пенджабом за 1871-72 г., автор настоящих строк получил „среднюю" цифру дохода для всего населения 20, 48 руп. в год, а для земледельца—19,84 руп в год, см. машинописн. экз канд. дисс. на тему „Экономическое положение индийского крестьянства и его борьба против феодального и колониального гнёта в 70- х годах XIX века". Лен. гос. ун-т, 1951, приложения 2-7.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, том 3, изд. 4, стр. 74.

[3] Там же, стр. 120 -121.

В России при несравненно высшем уровне развития деревни ко времени написания цитированной работы В. И. Ленина, чем в Индии 70-х годов XIX века, дифференциация крестьянства не находила себе внешнего юридического оформления. И богатый и бедный крестьянин номинально оставались равноправными членами общины, владеющими надельной землей. Здесь Владимир Ильич для целей анализа положения крестьянства разбивал крестьян на группы, объединяя по площади фактического посева или же рабочего скота.

В Индии неизменной оставалась каста, к которой принадлежал крестьянин. Что же касается его жизненного уровня, то изменения в нём вскоре же влекли за собою и внешне юридическое оформление. [1] В связи с колонизаторской политикой подавления местных ремесла и промышленности наиболее надёжным (и, кстати,—отвечавшим желаниям англо-индийского правительства) помещением свободных средств для индийца была покупка земли. Отдельные разбогатевшие общинники стремились вложить свои накопления в землю. Но тем самым они превращались в заминдаров. Обедневшего и задолжавшего общинника кредитор спешил лишить прав собственности на землю. Но тем самым крестьянин-общинник превращался в арендатора. Лишенный рабочего скота и инвентаря арендатор превращался в кабального издольщика или в работника-пахаря, обрабатывающего за хозяина-заминдара ту долю земли, какую тот не сдавал в аренду, оставляя для потребностей своей семьи.

Таким образом, в Пенджабе, для целей анализа жизненного уровня, мы имеем готовую разбивку сельского населения на ряд групп по праву владения землей и по занятиям главы семьи на: 1) сельских заминдаров, 2) ростовщиков и торговцев, 3) рядовых общинников, 4) постоянных арендаторов, 5) на фиксированной ренте, 6) бесправных арендаторов, 7) общинных слуг и ремесленников, 8) Кули и поденщиков. В. И. Ленин для целей анализа положения русского крестьянства считал достаточным разбивать его на три-шесть групп. Здесь мы имеем готовую разбивку на 7-8 групп, которой и воспользуемся для анализа. [2]

Сельские заминдары, к которым по своему материальному положению примыкали ростовщики и торговцы, составляли деревенскую верхушку. Они имели в среднем 93,4 акра площади—т.-е. не менее 30 акров обрабатываемой. [3] Сельские заминдары, ростовщики и торговцы — сельская эксплоататорская верхушка — немногочисленны, сравнительно с остальным деревенским населением. Сельских заминдаров по первому Уложению насчитывалось менее полусотни тысяч, сравнительно с 3,5 млн. земледельческих дворов.

* * *

Большую часть сельского населения в период первого Уложения составляли крестьяне-собственники общинной земли, которых первоначально насчитывалось до двух миллионов дворов, а к началу 1870 годов—до 1. 200 тыс. домохозяйств. На каждое хозяйство падало в

---

[1] За исключением районов „райотвари", к которым это правило в полной мере приложимо лишь позднее 1870-х годов.

[2] Помимо факта отсутствия более детальных сведений, ограничиваться разбивкой на перечисленные группы побуждает незначительность в 1870-х г.г. в Пенджабе земледельческих хозяйств, ведущихся с применением наёмной рабочей силы (№ 65. Отчет о земельном обложении Кангры, стр. 93, 146).

[3] По отчётам провинциального управления из 60 млн. акров площади засевалось ежегодно 18--20 млн. акров.

среднем 20,7 акров площади, что составляет 6-7 акров обрабатываемой (в переводе на метрические меры—2,4—2,8 га)[1].

Площадь засева в 2,5 га на хозяйство при средней величине семьи в 5 человек показывает невозможность вести рентабельное хозяйство. Произведя расчёт хозяйства общинника в урожайный год в долине р. Рави на 6 акрах, даже при условии полностью орошенной земли, получим в итоге дефицит не менее 2 рупий.[2] На полностью орошённой почве и при условии собственного колодца и благополучного года крепкий середняк в Пенджабе мог свести концы с концами лишь за счет урезки необходимых расходов. Между тем, нам известно, что в рассматриваемый период на каждый урожайный год падал один неурожайный.

В приведённом расчёте обязательным условием взято наличие орошения. В действительности количество орошённой площади в Пенджабе не достигало и 30 % (в 1871—72 г.—5.984,9 тысяч акров из 20.171,6 тысяч акров). Лишь 6 % земли орошалось в Пенджабе в начале 1870-х годов из каналов. В прудах же и в колодцах при засухе вода пропадала. Поэтому, 94 % пенджабских крестьян через 1—2 года терпели голод, который обычно усугублялся падежом скота. В азиатских государствах, говорит К. Маркс, —„урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды“ [3].

Обратившись к документам, обнаружим, что и при орошении из каналов доходность крестьянских хозяйств не повышалась. Они лишь меньше голодали при засухе, чем остальные крестьяне. Орошение земель английские господа рассматривали лишь как дополнительное средство извлечения прибыли. Постройку каналов англичане производили по той простой причине, что это было выгодным вложением капитала в колонии, не развивая там промышленности. Отчёт пенджабского правительства за 1869-70 г. (стр. 35) сообщает, что орошенные земли платили с земли не один, а три налога: 1) обычный земельный налог; 2) плату за орошение; 3) дополнительный земельный налог в связи с повышением ценности и доходности орошенной земли. При этом последний налог собирался со всех земель в районе канала, включая те, к которым не было отводных ветвей.[4] Таким образом, всю выгоду от орошения, а иногда и больше, английские колонизаторы отбирали в свою пользу.

Владевшие каналами компании извлекали из них колоссальные прибыли. Например, Чинабский канал ежегодно приносил 25 % прибыли, в 4 года окупив весь вложенный в него капитал.[4] Начиная с пятого года, индийцы платили дань за то, что не могли свергнуть чужеземное иго.

Для полноты картины положения середняка следует разобрать

---

[1] В 1 акре—0,4047 га.

[2] По данным цит. выше налогового отчёта Монтгомери, стр. 76, 83, 61, 139, 113—126, 128—129, 196—197 и др. Исходя из сообщаемого в этом отчёте типичного распределения площади, до 1 акра занимается под фураж и овощи, потребляемые в натуре. Из остальных—около 0,6 акров—хлопок, который приносит до 14,4 рупий по отчётным урожайности и ценам. На остальной площади—просо и пшеница—полный урожай 5,1 тыс. фунтов, за вычетом оплаты натурой (536), семян (396), питания семьи (2685 ф.), остаток по ценам отчёта принесёт 36,1 рупии; весь денежный доход, включая продажу шерсти (маловероятную), составит 53,5 рупии в год. Расходы же на налоги (12,8), соль и др. специи (15,5), покупку летней одежды (8,1), ремонт колодца (19, 5) не менее 55,9 рупии. Дефицит в урожайный год—2,4 рупии.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. IX, стр. 348.

[4] Островский. Ирригационные системы Индии. СПБ. 1907, стр, 34—35.

еще хозяйство крестьянина на неорошенной земле. Лучше всего взять дистрикт, который английские чиновники считали наиболее „мягко обложенным". Таким являлся в 1870-х годах дистрикт Гуджранвала, за якобы „низкое обложение" которого местное налоговое ведомство получило выговор.

При первом взгляде на отчёт о пересмотре обложения этого дистрикта создается обманчивое впечатление „благополучия" его сельского населения. На 213 тысяч человек земледельческого населения по отчёту падало 529,3 тысячи акров площади, т. е. в среднем 2,5 акра земли на человека. При средней численности семьи, по данным этого отчёта, в 3 человека крестьянин-общинник имел 8 акров земли на хозяйство, наследственный арендатор столько же, а бесправный—6 акров. У первых двух категорий падало $3^2/_3$ акра земли на члена семьи, а у последней—2 акра.

В действительности в этом случае читатель имеет дело с примером самой грубой фальсификации и обмана. При просмотре сведений о занятиях в переписи населения дистрикта в 1881 г. обнаруживается что в 69,3 тысячах земледельческих и землевладельческих хозяйств числилось всего... 634 женщины. А из 148,8 тысяч женщин этого дистрикта старше 15 лет—130 тысяч значатся под категорией „занятие не установлено" (№ 69, т. II, стр. 75-76).

В действительности, оказывается, что 107,4 тысяч из 124,5 тысяч семей и 544,9 тысяч из 616,9 тысяч населения проживали в деревне. Следовательно, Гуджранвала имела больший процент сельского населения, чем вся провинция Пенджаб в среднем (88,3 и 83,4 % соответственно).

Количество земледельческого населения в действительности составляло на год пересмотра обложения не менее 589,8 тысяч человек. Соответственно средняя площадь на одного человека земледельческого населения даже при применении среднего процента по провинции=1,07 акра. По данным переписи, деревенская семья состояла не из 3-х человек, а из 5,07 человека в среднем.

Большая часть сельских земельных обществ являлись общинами „бхайячари". Тип общин позволяет предполагать раздел земли между хозяйствами приблизительно равным по количеству и качеству между общинниками. На определенных почвах сеялись определенные культуры. Эти условия позволяют сделать расчёт годового бюджета крестьянина-середняка в дистрикте Гуджранвала на неорошенной почве.

Расчёт годового бюджета показывает, что за вычетом питания и без учёта оплаты общинным рабочим крестьянин получал на неорошенной почве доход от продажи товарных культур не более 11—12 рупий в год от всего хозяйства.[1]

Элементарный расчёт показывает, что при неорошенной почве крестьянин не только не мог ничего продать из основных культур, но при среднем размере семьи не мог иметь и того скудного обеспечения питанием, какое имел крестьянин дистрикта Монтгомери при орошенной почве. Выделив лучшую землю под товарные культуры, крестьянин Гуджранвалы не мог обеспечить выручкой с них даже покупку соли; при размере обязательных налогов по пересмотренному обложению в сумме 1,38 рупии с акра обрабатываемой площади крестьянин должен был выплатить всю свою выручку—11 рупий

---

1 Итог получен от перемножения соответствующих цифр, сообщаемых в „Отчёте о пересмотре земельного обложения дистрикта Гуджранвала", стр. 26—27 (см. библиографию в конце книги, пор. № 59).

Приведённые сведения показывают, что размер участков наследственных арендаторов был меньше, чем равноправных общинников. Рассчитав по принятым ранее принципам хозяйство наследственного арендатора в дистрикте Монтгомери, обнаружим, что даже на лучших и орошенных полностью почвах и при невысокой денежной ренте он не мог иметь дохода в размерах, позволяющих за счёт уменьшения потребностей „свести концы с концами". В этом случае при средней величине семьи арендатор не мог закончить год без дефицита менее 19—20 рупий.

Из общего числа арендаторов данного дистрикта, равного 33.932, лишь 3.239, или менее 10%, платили ренту в деньгах. Минимум оплаты остальных составляла 1/5 или 20% валового урожая в натуре. Следовательно, положение основной массы арендаторов было худшим, чем в приводимом случае. Внеся в эту цифру ту поправку, что было не более одного благоприятного года на один голодный, было не более 40% земли орошено, не более 3/4 земли засевалось ежегодно, можно убедиться, что положение наследственного арендатора было постоянным бедствием. Его гибельное положение и неминуемую участь кабалы у ростовщика легко понять, если сопоставить ежегодный доход от 19 до 40 рупий со стоимостью покупки пары буйволов, равной 70 рупий, которых крестьянин утратит, если не в первый, то во 2-й или 3-й неурожайный год.

Положение наследственного арендатора в других дистриктах, где в среднем площадь участка меньше, было еще тяжелее. Например, имея в виду, что в дистрикте Амритсар лишь 28% земли было орошено, арендатор мог с 4-х акров получить по урожаю 1871—72 года риса с 28% площади 792 фунта и с остальной земли—пшеницы 1392 ф. которых нехватает, даже на питание около 500 ф. по принятым нормам дистрикта Монтгомери; по расчётным нормам других дистриктов: по норме Лагора нехватает при семье в 5 чел.—1666 ф., а по норме Хазары—371 ф. только на питание. Результат—постоянная голодовка. (См. № 58, стр. XII; № 57, стр. 203; № 64, стр. CXX прил.)

* * *

Большинство арендаторов в Пенджабе являлись издольщиками. Бесправных арендаторов можно считать полностью (м. б. за небольшими исключениями) принадлежащими к этой категории. Вот цифры, показывающие соотношение ренты в деньгах и в натуре в некоторых дистриктах:

Наименование дистрикта	Платят в деньгах	Платят в натуре	% издольщиков	Всего
1. Лагор	23.917	27.798	53.7	51.715 а)
2. Монтгомери	3.239	30.693	90,4	33.932 б)
3. Кангра	3.245	29.769	90,2	33.014 в)

Примечание: Таблица составлена по сведениям: а) № 58 стр. VI; б) № 67 стр. 130; в) № 65, стр. 228.

Приведённые цифры подтверждают, что подавляющая часть арендаторов платила ренту натурой. Лагор не может быть признан типичным, так как в связи с близостью столицы Пенджаба владельцам земли было выгоднее взимать ренту в деньгах, а наличие хорошего сбыта придавало иной характер хозяйству этого дистрикта сравнительно с другими.

Факт преобладания в 70-х годах XIX века в Пенджабе натуральной ренты является новым подтверждением консервирования колониальным режимом докапиталистических форм и методов эксплоатации. Колонизаторы не вели индийское земледелие по пути прогресса, а тянули его назад, в средневековье.

Некоторое понятие о пропорции арендаторов, оплачивавших натурой различные доли урожая, можно получить из отчёта о земельном обложении дистрикта Кангра (№ 65, стр. 228):

Наименование граф	Всего издольщиков	Из числа платящих ренту натурой вносят				
		фикс. ренту	половину	две пятых	одну треть	одну четв.
Количество арендаторов	29.769	466	19.704	6.174	3.403	22
Проценты	100	1,6	66,2	20,8	11,4	0,1

Без особо детальной проверки и расчёта из данной таблицы ясно, что семейному бесправному арендатору-испольщику совершенно невозможно свести концы с концами. Семенное зерно будет съедено, и к ежегодному дефициту добавятся проценты ростовщику. Удел испольщика очевиден—он будет долговым рабом ростовщика без надежды освободиться, пока существует эксплуататорский режим.

* * *

Члены низших каст обычно являлись общинными рабочими и получали основное содержание от общины. Поэтому, разбор их жизненных условий необходимо начать с подсчёта содержания, получаемого от общины. В качестве примера лучше взять одного из наиболее высокооплачиваемых из их числа—плотника. Сведения имеются только по дистрикту Монтгомери.

Согласно переписи 1881 года в дистрикте Монтгомери насчитывалось 2049 плотников. Исходя из принципов переписи,—это лишь действительно занимающиеся плотничьей работой мужчины—главы семей (индийцы старше 15 лет обычно уже женаты), так как данное занятие—исключительно мужская работа.

Согласно отчёту о пересмотре земельного обложения дистрикта Монтгомери (стр. 126, 147) по нормам, соблюдающимся в бассейне реки Сатледжа, плотник должен получать с каждых 5 акров около 15 фунтов пшеницы и 9 фунтов круп. В дистрикте имелось 2166 деревень, что составляет в среднем по одному плотнику на деревню. Каждая деревня имела в среднем номинальную обрабатываемую площадь 182 акра: В этом случае плотник деревни среднего размера мог получать от общины максимум 540 ф. пшеницы и 320 фунтов круп. Предположив его семью равной средней семье, определим, что получаемого содержания могло хватить лишь на 1/4 года.

Дополнительным довольствием являлась оплата 6 фунтов зерна со сделанного вновь плуга. Полагая деревню самое большее из данной земельной нормы в 30—35 хозяйств и срок работы плуга—4 года, определим, что плотник мог ежегодно заработать еще 50—60 фунтов зерна на изготовлении плугов.

Следующим источником дохода могла служить аренда земли. Так как деревенские общинные работники принадлежали к низшим кастам, площадь их участков могла быть лишь до 1—2 акров, как это видно из сведений о земельном обложении дистрикта Кангра (№ 65, стр. 146).

Арендуя исполу 2 акра, рабочий даже с орошенной и самой лучшей земли мог получать самое большее 1200—1300 фунтов.

Таким образом, из необходимых для обеспечения семьи питанием 2.690 фунтов зерна наиболее высокооплачиваемый общинный работник при использовании исключительно благоприятно сложившихся обстоятельств мог добыть до 2300 фунтов в год, не имея ничего для покупки не только масла, но даже соли и одежды.

Однако, нарисованная картина не может являться действительной, так как „каминам" хорошую и орошенную землю, пригодную под пшеницу, не сдавали. Они были вынуждены довольствоваться каким-либо бросовым куском самой бесплодной земли. Поэтому, даже кузнец и плотник, со средней величины семьей, не могли обеспечить себя продовольствием больше, чем на полгода. Остальные полгода семья общинного рабочего довольствовалась случайным заработком, подаянием или лесными кореньями.

* * *

Положение арендатора, обрабатывающего землю инвентарем землевладельца вряд ли лучше жизни „камина" или „сепи". „В разных местах эту категорию крестьян называют различными именами, обычно зависящими от их доли валового урожая, остающейся после отложения в сторону „сата", то-есть части, взимавшейся некогда правительством. Так как „сат" обычно являлся половиной или третью, их доля составляет соответственно четверть или треть"... „В Паламе они называются „пхукпхолу"—название, которое, я считаю, передает мысль, что такая аренда доставляет средства существования только лишь для одного единственного человека",—пишет об этом виде аренды один из налоговых чиновников (№ 65, стр. 58). Как говорится, „комментарии излишни" к такой характеристике,

Примерно, в одинаковом положении с такими „арендаторами", которыми являлись вконец разорившиеся до нищенства крестьяне, находились на срок нанятые работники. Их было два типа: „Кама" и „Аджогия". Первый получал полрупии в месяц деньгами, две пары обуви и одеяло в год при двухразовом питании в день. Второй получал оплату долей продукции в размере половины доли собственника пары буйволов после вычета расходов по обработке. Обе эти оплаты почти эквивалентны и достигают, примерно, стоимости 700—800 ф. пшеницы в год, то-есть, как и в предыдущем случае, доставляют пропитание лишь самому работнику.

Естественно, что последние две категории сельских жителей не в состоянии содержать свои семьи. Последние вынуждены жить за счёт своей касты, или же просто подаянием в сочетании со сбором ягод, лесных трав и кореньев.

В пенджабской деревне имелось 7% ремесленников, таких как ткачи, ювелиры и т. п. Эти люди всегда первыми принимали на себя удары голода, остро чувствуя на себе малейшее повышение цен. Об их материальном положении весьма трудно судить сколько-нибудь точно из-за отсутствия необходимых сведений. Однако, в 1876 году по вычислениям Наороджи валовая продукция, выпущенная ими, оценивалась на уровне около 9 рупий в год на человека. Откинув, хотя 1/3, как долю хозяина и на расходы, связанные с промыслом, получим в результате доход, равный по уровню заработку нанятого на срок работника, то-есть пропитание лишь для одного человека. Семья ремесленника свое пропитание, таким образом, также вынуждена добы-

вать нищенством и сбором трав и кореньев—болея и зачастую умирая от такого „питания", так как эту пищу можно назвать „съедобной" лишь в кавычках.

* * *

Трудно представить себе, чтобы могли быть люди, живущие еще хуже. Однако, в этой „лучшей" провинции Индии, а, по словам англо-индийских чиновников, даже „процветающей" было много жителей, которые завидовали положению сельского ремесленника или общинного рабочего. Этими людьми были кули и поденщики, „жалкое существование которых зависело от ежедневных случайностей",— как признает даже правительственная комиссия по переписи населения (№ 69, т. I, стр. 391). Трудность их положения заключалась прежде всего в том, что они, как правило, не имели никакого обеспеченного заработка. Поденщик обычно не знал, найдет ли он себе какую-либо работу на следующий день. Большая часть из них принадлежала к „неприкасаемым". А это значит, что эти люди не всегда могли жить даже подаянием, так как людям этой категории обычно разрешается входить в деревню лишь тогда, когда на улице никого нет. Они не могут просить милостыню, а должны ночью искать, не поставил ли кто для них подаяния у дверей своего дома. Заработок на оросительных работах и на уборке урожая они имели примерно лишь 1—2 месяца в году. Этот заработок мог доставить пропитание по своему уровню лишь в течение работы.

Русский путешественник Пашино, проезжавший в 1870-х годах по Инду, писал в своих записках, что прибрежная деревня представляла из себя „лачужки, плетенные из камыша и не обмазанные даже глиной, в которых жили и скот и люди, в дружбе, не ссорясь между собой"[1] В беседе с ним мулла, мечеть которого представляла из себя убогую плетеную избушку из тростника, жаловался, что „налоги громадные, а ведь, по крайней мере надо двенадцать рупий в год прожить бедному человеку,—а то, пожалуй, и пятнадцать проживешь при небольшой роскоши."[2] Сын крупного феодала и то, узнав что этот путешественник—русский, откровенно высказался об англичанах: „Они с нас дерут последнюю копейку и все увозят к себе за море, в Лондон. Ты не видел нигде такой нищеты, какую увидишь здесь вдоль Инда".[3]

* * *

Анализ положения крестьянства в Пенджабе показал, что даже в этой провинции положение крестьянства под гнетом колониального режима было крайне бедственным, вопреки фальсификациям апологетов империализма. Даже те небольшие уступки, которые были сделаны колонизаторами в первые годы после аннексии, были взяты ими обратно после восстания 1857—59 года.

Реакционную политику англо-индийского правительства буржуазные историки тщательно маскировали. Особенно ярко это видно на законе 1868 года, реакционная сущность которого была замаскирована криками о мнимой „благодетельности" этого мероприятия. В действительности в Пенджабе вместо „удовлетворительного" положения райотов была лишь искусно созданная в официальных публикациях и литературе нереальная видимость жизни крестьянства, подавляющая часть которого разорялась, обезземеливалась и голодала.

---

[1] Пашино, П. Вокруг света. По Индии. т. I, СПБ, 1885, стр. 170.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр, 159.

Ясно, что такая беспросветная жизнь, вечно под угрозой голодной смерти настраивала крестьянство против своих угнетателей, хотя они и не всегда понимали, что руками ростовщика и заминдара их душит также и прежде всего английский колониальный режим. Большинство крестьян не выезжало никогда из своей деревни. Но старики ещё хорошо помнили жизнь до английского завоевания, и крестьяне начинали осознавать, что продажа земли за долги, гражданские суды, твердое денежное обложение,—все это принесено в их страну англичанами.

Однако, внутренняя разобщенность жителей деревни, искусно поддерживаемая англичанами рознь различных категорий крестьян, создание целой серии самых различных видов арендаторов и общинников, консервирование и поддержание кастовой раздробленности и религиозной розни мешали сложению единства, создавали видимость различия интересов у различных групп крестьян.

Из разобранного выше положения различных слоев крестьянства очевидно, что наибольшей активности можно было ждать от самых низших слоев деревни, которым совершенно нечего было терять, так как первый же неурожай грозил им голодной смертью. Недовольство вечно голодных представителей низших каст и внекастных, стесняемых и угнетаемых и материально и социально и политически должно было быть особенно сильным. К тому же они знали, что сикхская религия воспрещает деление на касты, передавали из уст в уста старинные предания о временах расцвета власти сикхской „кхальсы" и многие помнили ещё время, когда они сражались под знаменами Ранджит Синга, а теперь среди сикхов восстановилось в полной мере социальное неравенство и кастовая система, как и в других частях Индии.

Приведённый выше пример, когда поднялись волнения в Амритсарском и Лахорском округах против экспроприации земли показывает, что крестьяне начинали понимать, кто является их главным врагом. Маскировка колонизаторов, казавшаяся внешне уступкой,—закон 1868 года о постоянной аренде вместе с голодом 1868 года отвлекли несколько внимание крестьян и задержали взрыв недовольства. Однако, вскоре по окончании голода, уже в 1870 г. начались события, которые заставили обратить внимание на Пенджаб и не только колониальные власти.

ГЛАВА II

СИСТЕМА „ЗАМИНДАРИ" И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ В 70Х-ГОДАХ XIX ВЕКА

(*Северо-западные провинции и Ауд*[1], *Бенгал*).

Воздействие колониального режима на положение крестьянства в Северо-западных провинциях и Ауде было ещё более гибельным, чем в Пенджабе. Эти две провинции были объединены под одним управлением в середине 70-х годов XIX века.

Территория Северо-западных провинций и Ауда сложилась из местностей, захваченных англичанами в разное время. Разновременность покорения привела к неоднородности систем землевладения в соответствии с различными политическими обстоятельствами, при которых проводилось землеустройство той или иной местности. Бенаресу с окрестностями дали систему „постоянного заминдари", основной территории Северо-западных провинций—„временного заминдари", а Ауду—„талукдари" и „патвари".

„Постоянное заминдари" было введено в 1793 году в целях создания социальной опоры колониальному режиму из заминдаров перед началом войн с Майсором и революционной Францией.

В 1822 году, когда вводилось земельное уложение для Северо-Западных провинций, англо-индийские власти меньше нуждались в поддержке феодалов, чем в конце XVIII века. Поэтому, хотя они и закрепили здесь землю за феодалами в собственность, но не на таких льготных условиях как в Бенгале и Бенаресе. В Бенгале по „постоянному заминдари" земельный налог был установлен в одной и той же сумме раз навсегда. В Северо-Западных провинциях он периодически пересматривался правительством в сторону повышения.

Аннексируя в 1856 году Ауд, англичане считали себя уже полными господами в стране и надеялись удержать в повиновении ограбленные массы без помощи местных эксплоататоров. Они не хотели делиться с ними взимаемой рентой. Поэтому, в 1857 году у многих талукдаров была изъята большая часть их территорий под непосредственное „управление" (точнее—ограбление) английских чиновников.

Мощное народное восстание 1857-59 года, к которому в Ауде присоединилась и большая часть талукдаров, показало англичанам, что они недооценили силу народного сопротивления и что, лишившись поддержки феодалов, им трудно держать страну в повиновении.

---

[1]) С 1901 года—Соединённые провинции Ауда Агиры.

Поняв свою ошибку, английское правительство объявило, что талукдары, вернувшиеся под власть англичан, получат свои округа в собственность. Талукдары немедленно изменили своему народу и перешли на сторону колониальных захватчиков. Англо-индийское правительство предоставило пяти талукдарам, ни на одну минуту не присоединявшимся к восстанию, права постоянных заминдаров, а остальным—„талукдари", являющееся в сущности „временным заминдарством" с дополнением права суда по мелким гражданским и уголовным делам.

Там, где почему-либо не было талукдаров, англо-индийское правительство закрепило землю за сельскими общинами, что давало колонизаторам возможность не делиться доходами с помещиками. Большая часть из этих общин первоначально принадлежала к типу „бхайячари". Количество таких общин под действием колониального режима стало быстро уменьшаться. Сельские общины превращались лишь в фискальные группы, члены которых были связаны круговой порукой.

* * *

По Северо-Западным провинциям и Ауду нет полных сведений о сельском хозяйстве. Как и в отношении Пенджаба здесь имел место такой способ фальсификации отчётных сведений. Тем не менее, по отдельным дистриктам, которые местные власти считали более удовлетворительными, сельскохозяйственная статистика в 70-х годах была опубликована. Такими дистриктами налоговое ведомство в 60-х г.г. и комиссия по обследованию положения райотов в 80-х г.г. XIX века считали дистрикты Ита, Итава и Маинпур округа Агры. Благодаря этому мы имеем возможность сделать анализ положения крестьянства в одной из местностей Северо-Западных провинций в 70-х годах XIX века.

При составлении сведений по округу Агры имел место и другой метод фальсификации отчётных сведений, разоблачённый уже на примере Пенджаба,—занижение цифры земледельческого населения. Из 668. 641 человека всего населения дистрикта Итава в 1871-72 г.г. лишь 401. 904 чел. записаны в разряд земледельцев. Между тем, даже официальная публикация вынуждена была признать неправильность классификации, положенной в основу этой статистики (№ 78, стр. 283).

При просмотре сведений по дистрикту Итава оказывается, что в число земледельческого населения не вошли общинные работники, оплачиваемые долей урожая (19.167 чел.-8,3%), в группу ремесленников были включены такие общинные рабочие, оплачиваемые также долей продукции, как кузнецы, плотники, сапожники и т.п. (18,9 т.ч. -8,3%). Сельскохозяйственные рабочие и лица, содержимые общиной, составляли ещё 32,0 т.ч.-13,9%. В итоге получаем, что не менее 90,1% населения дистрикта Итава получали средства для существования от сельского хозяйства. (№ 78, стр. 49, 284).

Пересчёт дохода от сельского хозяйства дистрикта Итава, учтённого налоговыми чиновниками (безусловно с завышением) в сумме 12.089.066 рупий в год (№ 78, стр. 250) на более правильную цифру земледельческого населения в 601,8 т.ч. (90,1%) даст среднюю цифру дохода на одного человека (земледельческого населения) по Итаве 20,09 рупий в год, вместо 30,8 рупий, сообщённых налоговым ведомством, сравнительно с 16,4 рупий по Северо-Западным провинциям в целом.

Из приведённых фактов вытекают с несомненностью следующие выводы:

1) сведения о сельском хозяйстве по округу Агры в 1870-х годах появились в печати лишь благодаря тому, что „средние" показатели в них являлись высшими из округов Северо-западных провинций, что помогало скрывать действительный уровень жизни в большинстве местностей этих провинций;

2) статистические сведения о количестве сельскохозяйственного населения и в Северо-Западных провинциях занижены, как и в Пенджабе, что подтверждает наличие здесь и этого способа фальсификации отчётных данных;

3) в остальных округах Северо-Западных провинций разорение населения в целом было ещё большим, чем в округе Агры, поэтому, анализ положения крестьянства в этой местности покажет условия жизни райотов наименее разорённых районов этих провинций.

* * *

Чтобы получить представление об уровне жизни крестьян, следует посмотреть, какие же условия жизни считали английские колонизаторы „нормальными" для земледельцев в Северо-Западных провинциях, сверх которых считали возможным изымать у них доходы в виде ренты и налогов?

Налоговый чиновник Нил сделал расчёт участка в девять акров земли различного качества, пропорционально почвам дистрикта и пришёл к выводу, что хозяин такого участка получит доход в 70-80 рупий в год или от 6 до 6,5 рупий в месяц, что он считал достаточным для пропитания хозяина, его семьи и двух взрослых мужчин-родственников, помогающих в работе.

Если мы подсчитаем, какое питание могло быть обеспечено по существовавшим тогда ценам такой семье, окажется, что крестьянин мог обеспечить лишь один сир (около двух фунтов) на человека самого низкосортного зерна и ничего больше в день.

При исключительно вегетарианском питании, каким является питание индуса, одного сира зерна в день могло хватить лишь **на одноразовое питание в день. Факт одноразового питания признавали даже составители сведений.**

Говоря о соседнем с Итавой дистрикте Ита, английские чиновники отмечали: „Работающий (индиец—А. Б.), как правило, ест только один раз в день, а именно—в полдень, когда он съедает сир или два фунта. Если какая либо доля остаётся, он съедает её вечером после работы или, если он является состоятельным, приготовляется что либо сверх этого" (№ 78, стр. 51).

В другом месте колониальные чиновники в таких словах уточняют вопрос о питании индийцев в округе Агры: „Многие из беднейшего класса едят только однажды в день, в час или три после полудня, в то время, как немногие из самых богатых жителей едят три раза в день" (№ 78, стр. 287).

Из приведённых данных вытекает следующее:

1) Индийцы, принимающие пищу не три раза в день, как принято в Европе, а один или два раза, делают так не по причине отсутствия потребности в большем питании в связи с физическими особенностями организма или климатом, а из-за отсутствия средств. Их богатые соотечественники, принадлежащие к той же этнической группе и проживающие в том же климате, принимают пищу три раза в день, хотя не выполняют такой тяжёлой работы, как их более бедные сопле-

менники, и не нуждаются в таком количестве калорий, как эти последние;

2) состоятельный земледелец, по представлению английских чиновников, имеющий не менее 1,8 акра земли на члена семьи может доставить ей питание лишь по самому бедному уровню—по одному „сиру" в день на человека, без приправ, покупая даже соль за счёт „урезки" этого рациона. А это означает, что колониальные чиновники полагали „нормальным" „стандартом жизни" индийского крестьянина систематическое недоедание и рекомендовали своим налоговым агентам взыскивать налог, отнимая питание, которое мог добыть себе райот сверх одного приёма пищи в день.

Таким образом, воспевая „идеальным" уровень жизни крестьян округа Агры в 70-х годах XIX века, английские колонизаторы—эти современные людоеды воспевают голод и вымирание индийцев, проповедуют одноразовое питание в день.

* * *

Определение уровня жизни только в деньгах и в средних цифрах, а тяжести налогов в проценте к валовому доходу, также используется буржуазной историографией для маскировки действительного уровня жизни порабощённого населения колоний.

Основываясь на том, что в дистрикте Итава процент налога к исчисленной налоговыми чиновниками заведомо завышенной сумме валового дохода от земледелия составлял 9,3%, колониальная администрация пытается представить дело таким образом, якобы английские налоги в Индии являются чуть ли не самыми „мягкими" в мире.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что и при 9% налог отбирает часть необходимого продукта у крестьян.

Обратившись к документальным данным, обнаружим, что всего годового дохода дистрикта Итава нехватало для оплаты налогов, на расходы по обработке полей и на одноразовое питание. Доход, исчисленный налоговыми чиновниками составлял 12.089.066 рупий. Однако, в него чиновники включили 10% земли, дающей якобы два урожая в год, несмотря на то, что в этой местности даже официальные документы признавали отсутствие второго урожая[1]. На основании этого следует признать 10% прибавленными к стоимости урожая огульно. Доход от земледелия в дистрикте Итава, по сведениям налогового ведомства, следует признать равным не 12.089.066 рупий, а 11.650.977 рупий.

Известно, что крестьяне, производя расходы на обработку, одновременно платили ренту землевладельцам. Разница между рентой и налогом оседала в карманах последних.

В силу этих причин, не касаясь пока дифференциации среди райотов, подсчитаем общий бюджет крестьян данного дистрикта. В этом случае оказывается следующее:

ОБЩИЙ БЮДЖЕТ

крестьян дистрикта Итава в СЗП по сведениям налогового ведомства в 70-х годах XIX века.[2]

Предположим, что на питание идут лишь зерновые культуры за исключением таких ценных, как рис, а табак и овощи, площади под

[1] № 78, стр. 20; ср. № 51, стр. 25.
[2] № 78, стр. 250—251 и др.

которыми были незначительны, потребляются полностью. В этом случае будем иметь такие итоги:

I. Продовольственные культуры

1. Пшеница	41.424,34	тысячи сир
2. Ячмень	6.125,32	„
3. Просо об.	63.102,00	„
4. „Грам“	4.913,11	„
5. Маис	786,99	„
6. Просо ф.	33.930,93	„
7. Проч. зерновые . . .	24.629,02	„
Итого:	174.911,71	„

II. Товарные культуры

1. Опиум	— на	337,1	тыс. рупий
2. Сахар	— на	1.5606,47	„
3. Хлопок . . .	— на	2.2131,49	„
4. Рис	— на	3704,4	„
5. Индиго . . .	— на	1793,54	„
Итого: на		4.660,69	„

Исходя из принятой нормы 1 сир на человека в день, сельскохозяйственному населению дистрикта требовалось для пропитания 219.657 тысяч сир зерна в год. Следовательно, сообщённого налоговыми чиновниками урожая зерновых продовольственных культур не хватало для прокормления его производителей в количестве до 44.745 тыс. сир.

1. Для покупки этого количества недостающего зерна требуется по самой дешёвой цене (ячмень) . . . . . — **1.720.970** рупий.

Из землевладений дистрикта Итава 1321 принадлежало заминдарам и 483 общинам „паттидари“ и „бхайячари“.

2. Предполагая, что большая часть этих последних земель обрабатывается самими владельцами, можно считать, что за 379.220 акров земельный налог платят сами земледельцы (№ 78, стр. 332-333 и д.р.). Это составит по средней ставке 1,22 рупии с акра . . . . . — **464.648,4** „
3. С землевладений „заминдари“ в количестве 707.659 акров крестьяне платили ренту, средний размер которой определён в 3 руп. 12 анна 1 пайс. При перемножении получим общий размер ренты, уплачиваемой крестьянами, равным . . . . . **2.657.417** „
4. 90% налогов, кроме муниципального и земельного составляют . . . . . **532.195** „
5. Для покупки минимума потребной соли требуется . . . . . **200.600** „

териальное положение. Многие из них, к тому же, имели другие источники дохода: от государственной или частной службы, адвокатской, практики, ростовщичества, торговли и т. п.

Вторая группа I раздела объединяет выделявшуюся деревенскую верхушку. В обычное время эта группа имела устойчивое материальное положение. В случае большого недорода или полного неурожая, менее состоятельные из них впадали в долги, а иногда и совсем разорялись.

* * *

Самой многочисленной группой сельского населения, имевшего права собственности на землю, были крестьяне, обрабатывавшие свои участки личным трудом. В 1870-х годах эта категория земледельцев имела в своём распоряжении следующую долю площади и размеры участков:

Наименование дистрикта	Процент всей площади, занимаемой этой группой	Средний размер участков в акрах	Примечание
Ита	15	7	№ 78, стр 79—80
Итава	11,24	7	№ 78, стр 334
Маинпур	Нет сведений	5,63	№ 78, стр 609
Лакнау	Нет сведений	7,12	№ 54, стр 72
Весь Ауд	14	?	№ 56, стр 4

Из этой таблицы видно, что средний участок крестьянина-общинника составлял 7 акров. Во владении крестьян, обрабатывавших всю свою землю личным трудом, оставалось в Северо-Западных провинциях к 1870 годам 10—15% площади.

На основе сведений налоговых чиновников попытаемся восстановить годовой семейный бюджет среднего крестьянина на средних почвах дистрикта Итава.

I Доходы:

Исходя из общего дохода от земледелия, учтённого налоговым ведомством в сумме 11. 650 тыс. рупий и всей посевной площади дистрикта в 1. 087 тыс. акров, доход с одного акра выражается в сумме 10, 7 рупий. Валовой доход крестьянина-общинника с 7 акров составит Руп, 74, 9.

II. Расходы:

1. Пропитание семьи из 5 чел. (согласно среднему составу семьи в дистрикте) из расчёта одного приёма пищи в день всего по 8 фунтов в день[1] 2320 фунтов в год по цене 49 фунтов за 1 рупию (цена грама) . . . . . Руп.	47,3
2. Земельный налог 7 х 1,22 . . . . . „	8,54
3. Местные сборы 10—11% . . . . . „	0,86
4. Общинные сборы 2 фунта с маунда и общинным работникам всего до 500 фунтов . . . . . „	10,0
5. Сверх того плотнику ежегодно . . . . . „	2,0
6. Соли не менее 6 ф. на чел. в год, всего на 5 ч . . . . . „	1,7
7. Масло горчичное 5 грамм на 1 чел. в день . . . . . „	2,2
8. Покупка одежды (только летней по нормам беднейших семей по Райту[1]) .	8,1
ВСЕГО необходимейших расходов	80,70

[1] По нормам, сообщаемым в меморандуме Райта (см. № 83, стр. 90—91).

Приведённый подсчёт показывает, что средний крестьянин-общинник на средних почвах при одноразовом питании в день растительной пищей будет иметь годовой дефицит не менее 5,8 рупий. Без уплаты правительственных налогов он имел бы остаток в 3, 6 рупии на ремонт инвентаря и другие расходы. Производить эти расходы и выплачивать налог он должен был за счёт урезки этого полуголодного одноразового питания в день.

Таким образом, прямые и косвенные налоги (на соль и др.) отрывали у индийского крестьянина, даже при относительно невысоком проценте к валовому доходу, по выражению русского востоковеда А. Е. Снесарева, буквально „кусок хлеба насущного". Английские колониальные власти сознательно обрекали индийского райота на истощение или смерть от голода ради интересов правящих классов метрополии.

А между тем, приведённый расчёт нуждается в коррективах:

а) он составлен по заведомо завышенным в доходной части сведениям налоговых чиновников;

б) неточной является и другая посылка расчёта—относительно качества почв, т. к. во владении крестьян земля оставлена была лишь там, где земледелие экономически невыгодно, или даже убыточно. В отношении общинных деревень в дистрикте Итава „Статистический отчёт" по округу открыто признаёт: „Довольно любопытно, что большая часть их лежит в самых худших частях дистрикта."(№ 78 стр. 334). А это значит, что средние цифры урожайности не могут быть применены к общинным землям, являвшимся самыми худшими.

Ежегодный дефицит в действительности больше и сможет быть покрыт только за счёт займа у ростовщика. Попав в руки последнего крестьянин ещё увеличит дефицит своего хозяйства выплатой процентов.

в) Английские колониальные власти толкали в руки ростовщика и тех крестьян, которые имели рентабельное хозяйство. Цитированный „Отчёт" сообщал, что, хотя время уборки разнилось на месяц между Аллахабадом и Рохилькендом, сроки внесения налога были одни. Большая часть крестьян была вынуждена вносить налог до снятия урожая, и райот не мог его выплатить за счёт выручки от продажи своей продукции. При каждом сроке выплаты крестьяне вынуждены занимать у ростовщиков. Последние, пользуясь одновременной большой потребностью в кредите, вздувают проценты по займу выше 70% (№ 78, стр. 332).

г) Последнее обстоятельство говорит за то, что в Северо-Западных провинциях не было рядовых райотов, которые не уплачивали бы ежегодно часть своего дохода ростовщику в виде процентов.

д) Система твердого денежного обложения при участившихся под английским управлением голодовках быстро превращала долг райота в неоплатную задолженность. В голодные годы, вместо отмены или снижения налогов, английские колонизаторы применяли аресты и другие насилия, чтобы обеспечить их поступление[1].

В голодный 1878-79 год английские чиновники выколотили из крестьянства Сев.-Зап. провинций такими мерами даже больше на 10% налогов, чем в 1876-77 году (№ 61, прил. стр. 332)

Таким образом, созданный англичанами колониальный режим в Индии толкал крестьян в кабалу к ростовщикам, из которой крестьянин в большинстве случаев не мог больше выбраться. Факт задолжен-

[1] Отчёт по Сев. Зап. пров. за 1878-79 г. сообщал: „Количество арестов для реализации обложения увеличилось" (№ 61, стр. 159).

ности крестьян-общинников вынуждены были признавать и английские чиновники: „.... Совладельцы ужасно бедны и в долгу, и их доли заложены полностью или частично деревенскому „бания" или какому-либо совладельцу, живущему лучше", хотя „обработка в этих деревнях, возможно, выполняется более трудолюбиво и тщательно, чем в других местах" (№ 78, стр. 334).

Сведения о гражданских исках показывают чрезвычайно низкий жизненный уровень крестьянства. 85% несостоятельных должников в СЗП в 1878-79 г. не могли оплатить суммы до 100 рупий, 44,4% не могли вернуть и 20 рупий, а 12% должников подверглись принудительному взысканию за суммы меньше 5 рупий (№ 61, прил., стр. 53). За два года (1877-78 г. и 1878-79 г.) заложили свою недвижимую собственность 183.743 хозяина. 47% залогов оценивались ниже 100 рупий и составляли всего лишь 8,5% общей суммы всех залогов. Из средней стоимости акра земли можно определить, что за два года заложили свои участки до 30% домохозяйств, владевших 12-16% обрабатываемой площади[1]. С такой быстротой в 1870-х г. г. проходил в СЗП процесс разорения и пауперизации крестьянства.

Сведения о залогах земли являются иллюстрацией и к процессу обезземеливания. Налоговый отчёт по Ауду сообщал „Необходимость, которая ведёт к залогу, ведёт и к продаже" (№ 56, стр. 44). Из сведений по дистрикту Маинпур известно, что 80% заложенной земли обычно к хозяину больше не возвращалось (№ 78, стр. 606). Следовательно, на залог земли нужно смотреть как на основной этап в процессе обезземеливания. А это значит, что только за два года в СЗ.П. обезземелилось 25% крестьян.

В рассматриваемый период в СЗП преобладала такая форма залога, когда заложенная собственность до выкупа находилась в распоряжении заимодавца. Последний не был поэтому слишком заинтересован в том, чтобы сразу оформлять продажу-покупку, и этот последний акт процесса обезземеливания задерживался иногда на несколько лет. Этим и объясняется тот факт, что наряду со 183 тыс. сделок на залог за два года было лишь 83 тыс. оформленных актов продажи.

Рассматривая нотариальные отчёты обнаруживаем, что, если количество зарегистрированных сделок, на продажу составляло 45,5% к количеству залогов, то сумма проданной недвижимой собственности за эти два года составляла 66,1% (№ 61, прил., стр. 128—141.).

При расшифровке причин такого несоответствия вскрывается ещё одна фальсификация колонизаторов. Английские чиновники в стремлении скрыть быстроту обезземеливания крестьянства занижали количество сделок на продажу земли. В перечне актов на продажу в Ауде значатся целые деревни и части деревень[2].

Количество крестьян, лишившихся в эти годы надежды на возвращение земли в связи с этим приёмом фальсификаторов не поддаётся точному учёту.

Принимая во внимание, что разорялись быстрее беднейшие, можно предположить, что процент, сообщённый по дистрикту Маинпур закономерен для всей провинции, т. е. за два года обезземелилось до полуораста тысяч крестьянских хозяйств.

Апологеты колониального режима обычно стремятся изобразить

---

[1] № 61, Прил. стр. 22-23, 131-141; № 78, стр. 336-337, № 56, стр. X-XI.

[2] Большая часть проданной земли принадлежала крестьянам. По налоговому отчёту Ауда за 1877-78 год из 1610 продаж лишь 31 была не крестьянской (см. № 56 стр. XIII-XIV приложений).

разорение крестьян следствием стихийных бедствий или их собственной беспечности.

Дальнейшее рассмотрение показывает, что основной причиной крестьянской задолженности и разорения был гнет колониального режима. В течение 30 лет перед рассматриваемым десятилетием (т. е. 1840—1870 г.) в дистрикте Итава около 30% посевной площади перешло в другие руки. Свыше трети отчужденной земли было продано принудительно (№ 78, стр. 336). За тот же период в дистрикте Маинпур было продано 37,68% площади и 40% отчужденной земли было продано принудительно. (№ 78, стр. 603-604). В дистрикте Итава свыше $^2/_3$ продаваемой земли переходило в руки ростовщиков (№ 78, стр. 336—337). В дистрикте Каннур земля более 69% деревень к 1870-му году перешла в руки ростовщиков (№41, т. 56, стр. 209).

Приведённые факты изобличают апологетов колониального режима. От трети до половины крестьян потеряло свою землю в результате принудительной продажи, даже по официальным сведениям.

Переход земли в руки ростовщиков, обращаться к которым заставляла всех крестьян английская налоговая система, показывает, что причиной и т. н. „добровольных" продаж являлся гнёт колониального режима. Концентрация земли в руках ростовщиков и в СЗП является в то же время доказательством, что и здесь, как и в Пенджабе, концентрация земли и обезземеливание крестьянства не вели за собою переход к более высоким капиталистическим формам земледелия. Колониальный режим консервировал докапиталистические методы эксплоатации крестьянства. Ростки капиталистических отношений пробивались вопреки колонизаторам, и они развивались в Индии медленно и мучительно для трудящегося населения.

Факт консервирования колонизаторами в Индии докапиталистических отношений разоблачает империалистическую сущность т. н. „теории деколонизации", которую проповедывал, извращая действительность, ренегат Рой.

Из того факта, что земля переходила в руки ростовщиков следует и другой вывод. Проверка причин и динамики задолженности крестьян ростовщикам даёт ещё более убедительные доказательства, что рост задолженности и, как следствие—разорение, обезземеливание и пауперизация крестьянства являются результатом господства колониального режима.

Выше приводилось признание колониальных чиновников, что их сроки взимания налогов создавали у крестьян искусственную потребность в кредите, а взимание в твердой денежной сумме вне зависимости от урожая ввергало при недороде сотни тысяч крестьян в руки ростовщиков безвозвратно.

Чиновник Райт, обследовавший состояние земледелия в дистрикте Каннур в середине 1870-х годов, опросил свыше 4, 5 тыс. крестьян двух парган этого дистрикта об их задолженности ростовщикам. Из более, чем двух тысяч, опрошенных в пargане Акбарпур крестьян 7,2% являлись должниками с давних пор. В 1840—1850-х годах ежегодно впадало в неоплатную задолженность 1-2% крестьян, в 1860-х—4%, а в 1870-х годах ежегодное увеличение количества неоплатных должников держалось почти на уровне голодного 1868-69 года (№83, стр.92).

Особенно примечательным является последнее обстоятельство, т. к. оно иллюстрирует действие повышенного в это время земельного налога.

Апологеты колониального режима обычно ссылаются на браки и другие обряды, как причину впадения индийских райотов в неоплат-

ную задолженность. Результаты обследования Райта показывают, что из числа неоплатных должников парганы Акбарпур лишь 3% сделали первый заём на браки и другие церемонии. Свыше 90% должников сделали первый заём на семена, покупку инвентаря, оплату ренты, питание и др. необходимые затраты (№ 83, стр. 93). Документальные сведения даже самих колониальных чиновников изобличают таким образом их клевету на индийское крестьянство и показывают, что основной причиной разорения крестьянства был гнёт колониального режима.

* * *

Ешё ярче последнее обстоятельство обнаруживается при исследовании положения арендаторов.

Самой многочисленной группой арендаторов в СЗП в 1870-х г. г. были т. н.—„наследственные" арендаторы. Они составляли в дистрикте Ита 74 и в Маинпуре 80% всех крестьянских хозяйств, соответственно занимая 64 и 61% посевной площади (№ 78, стр. 79, 80, 343, 608, 609). Из объёма земельной площади, обрабатываемой арендаторами, они занимали соответственно 75 и 74%.

В число этих-то наследственных арендаторов и попадал крестьянин, когда колониальный режим заставлял его лишиться собственной земли.

Средний участок наследственного арендатора в дистрикте Ита равнялся 5, в Маинпуре—4,57 и Лакнау—6,74 акра (№ 78, стр. 79, 609; № 54, прил. XI).

Без детального расчёта ясно, что при средней величины семье положение наследственного арендатора много тяжелей, чем крестьянина-общинника. Не запуская никакой доли земли под пар, он может получить доход до 53,5 рупий в год. При замене земельного налога рентой и уменьшении оплаты общинным работникам (сравнительно с крстьянином-общинником) его годовой расход при одноразовом питании и без покупки одежды не может быть ниже 76,3 рупий.

Таким образом, даже в урожайный год, большая часть райотов СЗП не могла обеспечить свою семью на весь год даже одноразовым питанием. Если же вспомним, что такие результаты получены на основе прикрашенных сведений колониальных чиновников, вспомним недороды и неурожаи, станет ясно, что постоянный арендатор, (а они составляли подавляющую часть крестьянства), осужден на долговую кабалу у ростовщика, затем—потерю прав постоянной аренды и переход в разряд бесправных арендаторов.

* * *

Экономические условия бесправных арендаторов были много хуже других категорий земледельцев. Рента, взимавшаяся с них, была значительно выше, чем с других арендаторов и взималась не только деньгами, но и в натуре, долей урожая. Вот примеры ренты взимавшейся с этих арендаторов:

№ № п. п.	Наименование дистрикта или парганы	Размер ренты	Примечание
1.	Хадда	„Паикашт" 1/4—2/5; прочие—1/2 урожая;	№42, стр. 113.
2.	Чапра	18 сир с маунда и 18 1/2 сир с маунда;	„
3.	Таи Хири	„Паикашт" 1/4; остальные—1/8 урожая;	„
4.	Аммарпур	Сначала 1/3, затем—2/5 продукции;	„
5.	Итава	3,97 рупии с акра в среднем;	№ 78, стр. 345.
6.	Маинпур	3,85 рупии с акра в ср.;	№ 78, стр. 610.
7.	Ита	на орошенной—1/3; на богарн.—1/2 урожая.	№ 78, стр. 80.
8.	Ауд	от 1/10 до 1/2 урожая.	№ 54, стр. 73.

Для сравнения вспомним, что при расчёте хозяйства постоянного арендатора выразился дефицит до 50% его дохода в денежном выражении при ренте в 3,57 рупии с акра и участке в 5 акров. Между тем, при более высокой ренте средний участок бесправного арендатора был меньше, чем наследственного:

№№ п. п.	Наименование административной единицы	Размер среднего участка бесправного арендатора	Примечание
1	Ауд	4,15 акра	№ 56, стр. XII.
2	Ита	3,95 „	№ 78, стр. 80.
3	Маинпур	4,54 „	№ 78, стр. 609.
4	Сахаранпур	от 2—7 акров	№ 42, стр. 114.
5	Азимгарх	от 2—6 „	№ 42, стр. 125.
6	Мозаффарнагар	от 2—7 акров	№ 42, стр. 114.

Отсюда видно, что в среднем участок бесправного арендатора составлял приблизительно 4 акра, будучи на 20% меньше участка наследственного арендатора.

Экономическое положение бесправного арендатора было ещё бедственнее, чем наследственного. Даже без арифметического подсчёта очевидно, что доходом с участка в 4 акра нельзя было обеспечить семью на год и одноразовым питанием в день.

Дефицит семейного бюджета превысит в этом случае 50% дохода и быстро приведет крестьянина в долговую кабалу к ростовщику. Выплата процентов последнему ляжет дополнительным бременем на хозяйство и сделает безнадежными всякие попытки избавиться от долгового рабства.

Неизбежность такой конечной участи долгового рабства для крестьянина-общинника, а затем—арендатора, станет еще яснее, когда мы проследим изменения в уровне ренты, которая неуклонно увеличивалась.

Английскими законами было предусмотрено, что после увеличения земельного налога с землевладельцев суды обязаны удовлетворять иски последних к наследственным арендаторам об увеличении ренты. При „временном заминдари“ („махальвари“) налог при каждом пересмотре обложения увеличивался. Немедленно вслед за этим росла и рента.

После повышения в 1872 году в Ите земельного налога на 21% в течение ближайших 1—1½ лет на площади в 30 тыс. акров рента увеличилась на 50% (№ 78, стр. 84). Единственным „ограничением“ роста ренты, если это можно назвать „ограничением“, был закон от 24 ноября 1873 года, по которому иск об увеличении ренты мог быть принят судом лишь по истечении 10 лет со дня предыдущего увеличения (№ 47, стр. 23).

Лицемерие „сочувствия“ индийцам английских чиновников и писателей ярко проявилось и в этом случае. Колониальные чиновники удивлялись „медленности увеличения ренты“, несмотря на повышение налога, и посвящали целые разделы исследованию причин этого явления.

При изучении докладов колониальных чиновников о причинах „замедленного“, сравнительно с повышением налога, роста ренты, обнаруживается, что прославление буржуазной историографией мнимой

„благодетельности" закона 1859 года для крестьянства является очередной фальсификацией.

В действительности, наоборот, после закона 1859 года началось в СЗП быстрое повышение ренты. В докладной записке о результатах пересмотра земельного обложения секретарь налогового ведомства СЗП Колвин Ауклэнд указывал, что в первой половине XIX века в провинции действовало обычное право, определявшее размер ренты, которая „редко или никогда не оставлялась на полное усмотрение заминдара" (№ 42, стр. 112).

Относительно же арендаторов с наследственными правами он присоединялся к мнению главы судебного ведомства Ауда мистера Кари: „По закону, бывшему в силе до опубликования Акта X 1859 года, (как этот закон понимали и осуществляли в Северо-Западных провинциях), постоянных арендаторов считали арендаторами **на фиксированной ренте**; фиксированной, если не навсегда, то, по крайней мере, **на срок действующего обложения**. Акт X 1859 изменил все это и вызвал полный переворот в рентных законах. Фактически, этот акт, который его создателями и, я могу сказать,—законодательным органом, который провёл его, был предназначен быть „великой хартией" для арендаторов, на практике доказал, что он является „великой хартией" для землевладельцев" (№ 42, стр. 112; ср. № 78, стр. 83).

Вот признание другой официальной публикации по этому поводу: „... Идея об увеличении ренты совершенно новая мысль для заминдаров, и была почти создана Рентактом. Даже после того, как Акт был проведен, землевладельцы медлили оценить или в какой-либо мере использовать власть, таким образом им предоставленную. Потребовалось давление новых обложений, чтобы насильственно убедить их, что они имеют в этом законе инструмент большой силы против своих арендаторов, и что в их собственных интересах этот инструмент использовать" (№ 78, стр. 347).

Закон 1859 года отразился в не меньшей мере и на положении бесправных арендаторов. До этого закона существовал взгляд, вытекавший из обычного права, что уровень ренты и для временного арендатора не должен изменяться хозяином произвольно, а этот последний может взимать лишь традиционные ставки ренты, принятые в данной местности.

В докладной записке К. Ауклэнда о пересмотре налогового обложения в Северо-Западной провинции в 1860—1872 г. г. так освещается этот вопрос: „...Эти так называемые „обычные ренты" являются тем, что я называю налоговыми ставками" (№ 42, стр. 111). „Деревенские арендные ставки устанавливаются соответственно древнему обычаю, а не изменяются по желанию и произволу заминдара". Несколько ниже он заявляет: „... настоящий рентный закон теперь поставил старого бесправного арендатора, которого обстоятельства раньше защищали, полностью во власть землевладельца. В то же время этот закон даёт землевладельцу большие возможности для сведения всех арендаторов на положение бесправного арендатора" (№ 42, стр. 113).

Для действия закона 1859 года на материальное положение крестьянства показательно, что за 5 лет после введения этого закона в дистрикте Каннур впало в неоплатные долги столько же крестьян (около 20%), сколько за всю предшествовавшую 1859 году историю дистрикта (№ 83, стр. 92)

Отсюда следующие выводы:

1) Первой причиной увеличения ренты являлось увеличение земельного налога с землевладельцев;

2) англичане искусно направили давление налогового пресса не против феодалов и других землевладельцев, с которыми они заключили союз на базе прокламации королевы в 1858 году, а против крестьян;

3) давление налогового пресса на крестьян осуществлялось, главным образом, руками землевладельцев, вследствие чего возмущение крестьянства обращалось прежде всего против рентополучателей. В этом видна известная уже нам политика „разделяй и властвуй";

4) закон 1859 года, прославляемый апологетами колонизаторов, как якобы „покровительствующий" арендаторам, на деле оказался в СЗП средством для усиления эксплоатации крестьян землевладельцами, орудием выкачки значительной части необходимого продукта в пользу англичан и помещиков;

5) этот закон явился в СЗП отправной точкой для усиления эксплоатации крестьянства, для безграничного увеличения ренты, роста задолженности райотов и их быстрого разорения, обезземеливания и пауперизации;

6)пресловутое „покровительство" закона 1859 года т. н. „наследственным" арендаторам не что иное, как изобретение пропаганды колонизаторов; сами английские чиновники вынуждены были признать, что он предоставлял большие возможности для сведения всех арендаторов на положение бесправного арендатора;

7) колониальный режим—основная причина разорения и пауперизации индийского крестьянства.

Особенно тяжёлым было положение земледельцев, принадлежавших к низшим кастам. К. Ауклэнд сообщал: „Талукдары осуществляли безответственную власть внутри своих владений, и я согласен с теми чиновниками, которые видят в положении проживающих в них земледельцев низших каст подобие положения рабов или крепостных" (№ 42, стр. 112).

* * *

К низшим кастам, кроме части краткосрочных арендаторов, принадлежали все „деревенские рабочие".

По Северно-Западным провинциям нет и таких недостаточных сведений о положении этой группы населения, как по Пенджабу. Имеющиеся данные говорят за то, что большая часть общинных рабочих никогда не имела годовой обеспеченности и одноразовым питанием. Например, горшечник мог получить до 2000 фунтов зерна в год, что обеспечивало одноразовым питанием его семью самое большее в течение 7—8 месяцев года. Самые высоко оплачиваемые из них—кузнецы и плотники не могли получить одноразового питания своей семье на весь год (№78, стр. 86).

Некоторые из этих общинных рабочих имели от обслуживаемой общины участки земли, в большинстве случаев освобождавшиеся от налога. Эти участки были крайне малы. В дистрикте Ита они равнялись в среднем 1,17 акра, в Маинпуре—0,941 акра. (№78, стр. 79, 609).

Участки низшим кастам отводились, как правило, худшие. Вследствие этого урожай с одного акра не мог помочь обеспечению семьи общинного рабочего даже полуголодным рационом. Значительная часть из них добывала пропитание подённой работой, а зачастую и нищенством. Очень часто приходилось семьям общинных рабочих

жить на съедобных травах и кореньях, подобно животным, чтобы не умереть с голоду.

* * *

Не менее тяжёлым было положение крестьянства при системе „постоянного заминдари", введённой в Бенгале, Бихаре, Ориссе и округе Бенареса в СЗП. Такие апологеты сохранения феодальных порядков в Индии, как считавшийся лучшим специалистом ИНК по аграрному вопросу Ромеш Чандра Датт пытаются „доказать", якобы в районах „постоянного заминдари земледельцы более состоятельны и не страдают от голода, как крестьяне в других частях Индии".

Основоположник научного коммунизма дал научную, основанную на изучении документов оценку действия этого закона. „Как в Бенгалии при земиндарской системе, так и в Мадрасе и Бомбее при системе райотвари крестьяне... подверглись ужасающей пауперизации".[1]

Эта пауперизация крестьянства при системе „ постоянного заминдари" явилась следствием и измельчания участков в связи с семейными разделами и увеличения ренты, чему способствовало законодательство английских колониальных властей. Такой отнюдь не враг колониального режима, как капитан Троттер, вынужден был признать, что большая часть бенгальского крестьянства „едва поддерживает свою жизнь беспрестанным тяжёлым трудом на участках, которые в среднем равняются 3 акрам на каждую семью" (№ 113, стр. 131).

Особенно сильно ухудшилось положение крестьянства, когда в 1859 году был введён закон о „постоянной аренде". Участие крестьян Патны, Дакхи, Читтагонга, Чхота Нагпур в восстании 1857—59 годов напугало вице-короля возможностью всеобщего крестьянского восстания в окрестностях его резиденции. Закон 1859 года был предназначен закрепить привилегированное положение сельской верхушки и раскол крестьянства и обеспечить привязанность к колониальному режиму как состоятельных крестьян, так и заминдаров.

Все земледельцы по закону 1859 года были разделены на три категории:

1) обрабатывавшие участки, полученные их предками до 1793 года, получали право аренды на неизменных ставках ренты;

2) обрабатывавшие свои участки более 12 лет не могли быть лишены их, но рента могла быть повышена по решению суда;

3) все остальные арендаторы в отношении сгона с участков или повышения ренты зависели от произвола землевладельцев.

При самом беглом рассмотрении видно, что этот закон вопреки уверениям апологетов колониального режима не предназначался быть „великой хартией" для райотов. Получить права аренды на фиксированной ренте было крайне трудно из-за трудности доказать более чем 20-летнее владение участком и из-за различных форм уклонения и обструкции, применявшихся заминдарами (№ 41, т. 63, стр. 110-111; № 113, стр, 131).

К 1872 году в округе Бардвана смогли получить права аренды на фиксированной ренте лишь 4% райотов (№ 41, т. 54, стр. 186).

Количество арендаторов 2-й группы ограничивалось теми земледельцами, которые арендовали свои участки более 12 лет к 1859 году. Вновь получить это право хотя бы и более длительной арендой 3-й категории после 1859 года было нельзя. Таким образом, эта группа, как и 1-я, была ограничена в росте и обречена на постоянное умень-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, том IX, стр. 344.

шение по мере разорения или вымирания потомства той или иной семьи первоначального арендатора (№ 46, с. 19; № 41, т. 63, с. 110-111; ср. № 89, с. 263; № 113, стр. 131).

За эту видимость уступки в пользу ограниченного круга крестьян англо-индийское правительство щедро заплатило рентополучателям за счёт райотов же, облегчив возможности повышения ренты не только с бесправных, но и с наследственных арендаторов (№ 41, т. 66, с. 364; № 110, с. 18). Рента росла и до этого закона, но теперь она начала возрастать много быстрее. Со времени реформы Корнвалиса, т. е. с конца XVIII века, и до закона 1859 года рента возросла в среднем в два раза. Со времени закона 1859 года к 1872 году она возросла за несколько лет ещё в два раза. (№ 41, т. 54, с. 187).В результате этого бенгальский райот разорялся и нищал, пополняя ряды тысяч голодных и полуголодных кули и подёнщиков.

Проф. И. П. Минаев писал, что в Бихаре земледелец, арендующий 6,5 акров, считается более, нежели достаточным. В самом Бенгале участки варьируются от 2 до 10 акров, (№ 41, т. 59, с. 184) но преобладают площадью около 3-х акров (№ 113, с. 131). Большая часть райотов—в неоплатном долгу. (№ 41, т. 54, с. 185; т. 59, с. 184). Оплата процентов тяжёлым бременем ложится на хозяйство крестьянина. Не меньшим бременем являются косвенные налоги. Один налог на соль уносил до 5% дохода крестьянина (№ 46, стр. 8).

Тяжёлое положение бесправных арендаторов в Бенгале вынуждены были признавать даже такие рупоры колонизаторов, как газета „Таймс": „По всему Бенгалу—можно сказать—Индии—бесправный арендатор принимает горячую пищу один раз в день... „Горох стоит слишком дорого, а молока мы никогда не видим",—скажет он вам... Вот что бенгальский труженик получает со своими 8 или 12 шиллингами в месяц для себя, жены и детей, которых он должен одеть для защиты в самые холодные зимние ночи: „Немного рису с тем, что называется растительным „кари", но состоящим из 6 или 8 читтак саги—примерно 1 фунта безвкусной травы и полунции масла для всей семьи." (см. 23-II-1873).

Приведенные факты достаточно красноречивы, чтобы говорить за себя, но они далеко не исчерпывают всех страданий бенгальского крестьянства.

Проф. И. П. Минаев во время своего третьего путешествия записал рассказ англичанина о том, как он, охотясь, случайно всадил весь заряд дроби в старушку-бенгалку.

Охотник утешил раненую, дав ей 10 рупий. Когда в следующий раз он пошёл на охоту, то около того же места наткнулся на другую старушку, спрятавшуюся под кустом.

И рассказчик и его слушатели смеялись над индийцами, издевательски подчёркивая, что те готовы за малую сумму итти под выстрелы вместо дичи.

Не смеялся лишь русский учёный, который гневно и скорбно записал в своём дневнике, что эти люди даже не поняли того ужаса, до которого они довели этот прекрасный народ, когда за 10 рупий люди готовы подвергнуться опасности членовредительства или смерти.[1]

* * *

Колониальный режим привёл к разрушению индийское сельское хозяйство и беспрестанно низводил крестьян на положение рабов,

[1] Архив И. П. Минаева, 106 $\frac{605}{1 \text{ из } 4}$ запись 14. 3. 1886 г.

осужденных на тяжёлую работу при вечном голодании и без малейших перспектив выбиться из бедственного положения. Индийцы начинали понимать это.

Начинали понимать и сознавать опасность для их господства в Индии такого положения вещей и наиболее дальновидные колониальные чиновники. Налоговый чиновник дистрикта Итава писал по этому поводу: „Прибыли, выпадающие на долю заминдаров, которы соединяют таким образом ростовщичество со сдачей земли,—огромны. Если ростовщик является отдельной личностью, результат для земледельца тот же самый. Совокупность доходов от его земледелия идёт за проценты, особенно, если расчёты обусловлены в доле урожая.

Арендаторы, как они говорят о себе сами, „являются муравьями под ногой слона"... „Я могу предполагать, что если правительство не придумает какие-либо меры, чтобы предохранить массы населения от такой жизни рабства и угнетения, народ скоро научится сам помогать себе" (№ 78, стр. 336).

В. И. Ленин писал о политике английского правительства в Индии:„ ...Ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства... доводили население до отчаяных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии..." [2]

Приведенные выше сведения подтверждают, что к 1870-м годам бедствия крестьянства в Северной Индии достигли крайнего предела. Рост ренты особенно после закона 1859 года и после пересмотра земельного обложения, начатого в начале этого десятилетия, свёл большую часть арендаторов на положение долговых рабов ростовщиков. Под гнётом земельного налога разорялись и обезземеливались последние крестьяне-общинники. Беспрерывно голодали общинные и полевые рабочие.

Естественно, что среди крестьянства зрело и копилось недовольство. Притеснения заминдаров и их агантуры, гнёт колониального режима и ростовщиков начинали вызывать возмущение даже среди привыкших к тяжёлой жизни индийских райотов. Перечисленные обстоятельства являются основной причиной, почему в 70-х годах XIX века долина Ганга, подобно другим местностям, Индии, явилась ареной целой серии антианглийских и антифеодальных выступлений индийского крестьянства.

---

[2] В. И. Ленин. Соч. т. 4, стр. 348, изд. 4.

ГЛАВА III.

РАЗОРЕНИЕ И ПАУПЕРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПОД ДЕЙСТВИЕМ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА В Ю. ИНДИИ И ДЕКАНЕ В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА.

(*Бомбейское и Мадрасское президентства.*)

В двадцатых годах XIX века английские колонизаторы ввели в Мадрасском президентстве т.н. систему „райотвари", лишь в северной его части оставив „заминдари". По системе „райотвари", колониальные власти отстранили от сбора налогов местную верхушку (раджей, откупщиков) и ликвидировали выплату налогов сельской общиной в целом. Отныне каждый крестьянин должен был выплачивать ренту—налог с участка, закрепленного за каждым из них индивидуально. Размер обложения регулярно, через каждые 20-30 лет пересматривался.

Теоретически рента—налог была установлена в размере половины „чистого дохода". В действительности она достигала пятидесяти, а иногда и больше процентов валового дохода. Под действием новых способов колониальной эксплоатации крестьянство начало быстро беднеть и разоряться.

В 1817 году Махараштра стала окончательно английской колонией. Райоты немедленно почувствовали перемену управления. В течение трех лет земельный налог возрос в Махараштре более, чем в два раза (№ 89, стр. 65). „Торговая компания вела дела управления также по торгашески",—замечает по этому поводу один индийский автор.[1]

Но и повышенный в два раза сравнительно с махраттским налог не удовлетворил заморских хищников. В 1824—25 г. г. они начали вводить в Бомбее систему „райотвари" по мадрасскому образцу. Действие этой системы на положение крестьянства и здесь было не менее гибельным, чем в Мадрасской провинции.

Даже правительственный отчёт об управлении провинцией за 1892—93 год был вынужден так охарактеризовать положение крестьянства под управлением Ост-Индской компании в Бомбейской провинции во второй половине двадцатых годов XIX века: „Всякие меры,

---

1 Сиддханатх Мадхав Лондхе. Организация и развитие конгресса. Калькутта, 1922. В Мадрасе соответственно налог возрос в полтора раза. См. Прананатх Уктар. Бхаратийя сампатти шастра, Каннур, 1923, стр. 394 (на хинди).

законные и незаконные применялись, чтобы выжать все, что возможно, из несчастного крестьянства. Райоты подвергались пыткам—в некоторых случаях жестоким и возмутительным сверх всякого описания,— если они не могли или не хотели дать то, что с них требовали. Многие покинули свои дома и бежали в соседние туземные княжества; большие площади земли перестали обрабатываться, и в некоторых дистриктах не больше, чем треть, распаханной площади оставалась занятой "(№ 88, стр. 43—44).

Таким образом, колониальные власти в служебной переписке вынуждены были подтвердить оценку „райотвари", которую дал этой системе К. Маркс: „Что касается бессрочной крестьянской аренды в Мадрасе и Бомбее, то этот порядок быстро выродился в систему принудительных полевых работ и земля потеряла свою ценность". „В Мадрасе и Бомбее мы имеем французского крестьянина собственника, который в то же время является крепостным и арендатором—испольщиком.... государства. Недостатки всех этих разнообразных систем нагромождаются друг на друга и не смягчаются ни одним из их положительных свойств. Мадрасский и бомбейский крестьянин является, подобно французскому крестьянину, жертвой лихоимства частных ростовщиков, но у него нет никаких наследственных, постоянных прав на землю, как у французского крестьянина. Подобно крепостному он должен обрабатывать землю в принудительном порядке, но он не обеспечен, как крепостной от нужды в самом необходимом. Подобно арендатору испольщику, он должен делить свой продукт с государством, но государство не обязано снабжать его в виде аванса средствами, как это обычно делается по отношению к испольщику. Как в Бенгалии при заминдарской системе, так и в Мадрасе и в Бомбее при системе райотвари крестьяне... подверглись ужасающей пауперизации"... [1]

Английские налоговые чиновники в течение нескольких лет после аннексии так опустошили Бомбейское президентство, как мог сделать лишь варварски жестокий враг в чужой стране, как делали фашисты на оккупированных территориях и как продолжают их традиции в настоящее время американские колонизаторы в Ю. Корее и других колонизируемых странах.

В ответ на усиление гнёта в 1826 году вспыхнуло крестьянское восстание. Бегство части крестьян в вассальные индийские княжества, запустение в связи с этим огромных территорий и сопротивление партизанских отрядов вызвали резкое падение доходов. Ост-Индская компания в 1829—30 году была вынуждена прекратить обложение крестьянства по мадрасскому образцу.

Бомбейское президентство с большим трудом оправлялось от опустошений, причиненных налоговым ведомством. В течение пяти лет по прекращении нового обложения местные власти не смогли добиться повышения налоговых поступлений до уровня 1820—21 года.[2]

Подавив в 1832 году крестьянское восстание и благодаря отмене нового обложения допустив некоторое восстановление опустошенных местностей, провинциальное правительство в 1835—36 году опять вернулось к намеченной ломке системы землевладения и налогообложения, но на основе теперь уже несколько отличавшейся от мадрасского райотвари.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, том IX, стр. 344.

[2] В 1834—35 году оно составило 1.534 тыс. ф. ст. сравнительно с 1.818 тыс в 1820—21 году.

Отличие бомбейской системы от мадрасского „райотвари" заключалось в том, что здесь не разыгрывался вовсе фарс определения „чистого дохода", как это делалось в Мадрасской провинции. Все остальные основные признаки „райотвари" в этой системе сохранились полностью: а) были устранены всякие посредники между правительством и крестьянином; б) участок каждого крестьянина был закреплен за ним в бессрочное пользование до тех пор, пока он выплачивал подать правительству; в) разверстка земельного обложения производилась не на общину, а на каждого отдельного крестьянина; г) община не несла никакой ответственности за недоимки её членов; д) крестьянин потерял право требовать свой участок обратно, если он его оставлял; правительство передавало его другому лицу, не считаясь с общиной; е) все общинные земли, не поделенные райотам, правительство присваивало себе; ж) размер обложения устанавливался чиновниками произвольно.

Руководство для налоговых чиновников, объясняя систему землевладения в Бомбейском президентстве, указывало, что ею являлось здесь „райотвари", то есть чиновники правительства взимают ренту непосредственно от земледельцев без вмешательства какого-либо посредника или откупщика"(№ 49, с. 98).

Дистриктные чиновники в переписке по поводу создания „голодного фонда", которая имела место после голода в Ориссе в 1866 году, не стесняясь называют государство при „райотвари" помещиком, а райотов—его арендаторами (№ 74,с. 97, 104, 105, 106, 109, 114, 115).

Из сказанного вытекает со всей несомненностью, что введением системы „райотвари" английская Ост-Индская компания отобрала все земли двух президентств в свою пользу, превратив всех крестьян в своих арендаторов. Следовательно, здесь так же, как и в Бенгале и в других областях Индии произошла „экспроприация крестьян" с той разницей, что при других системах (кроме „патвари"), земля конфисковалась у райотов в пользу местной знати, а здесь она была конфискована компанией в свою пользу. Поистине, как писал В.И. Ленин, „нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией".[1]

Определяя характер введения „системы бессрочной крестьянской аренды"[2], следует обратить внимание на то, что, даже официальные английские документы признавали, что введением этой системы новые хозяева вернулись к самым старым феодальным формам землепользования. И если владение землей со стороны государства было до английской аннексии чисто номинальным, англичане сделали землевладение своей компании лондонских купцов и рантье действительным, ограбив подлинных собственников—крестьян.[3]

Земельный налог перестал быть налогом, а стал являться рентой. Таким образом, при системе „райотвари" крестьяне стали испытывать от иноземной грабительской организации двойной гнёт—и национальный и феодальный. В результате этого антианглийское движение в областях райотвари, кроме национально-освободительного, являлось и антифеодальным.

---

1 В. И. Ленин. Сочинения, том 15, стр. 160—161, изд. 4.

2 Выражение К. Маркса. Сочинения, том IX, стр. 344.

3 Примечательно, что именно так оценивают введение „райотвари" Ост-Индской компанией и некоторые из индийских учёных. „Английское правительство ввело свою собственность на землю народа",—пишет д-р Прананатх. („Бхаратийя сампатти шастра", стр. 402).

К моменту прихода англичан в будущих областях „райотвари" община уже разлагалась и намечалась даже тенденция к превращению земли в товар, в предмет купли-продажи, хотя и не успевшая ещё в достаточной мере развиться. Английское завоевание, повлекшее за собою введение самых беспощадных методов феодальной эксплоатации в пользу иноземных захватчиков, насильственной рукой смяло эту тенденцию к развитию по капиталистическому пути и отбросило провинцию в условия средневековья.

Этот путь концентрации в сельском хозяйстве Бомбейского и Мадрасского президентств предстояло райотам переживать при колониальном режиме, пройдя через многие годы мучений со стороны колонизаторов и ростовщиков, в крайне уродливой форме. И до сих пор райоты подвергаются феодальному угнетению.

Почему же англо-индийское правительство ввело в Южной Индии и Декане не систему „заминдари" или ему подобную по испытанным в Сев. Индии образцам, а систему „райотвари"?

Причинами были соображения и экономического и политического порядка.

Экономические соображения заключались в том, что а) при системе „райотвари" все поступления шли в правительственную казну, а при „заминдари" значительная часть доходов оставалась у посредников; б) при взыскании налога-ренты по принципам местных правительств трудно было обеспечить поступление налогов полностью. Очень часто общины недоплачивали налоги. В этом случае тоже часть пропадала для правительства, так как недоимки, как правило, не взыскивались; в) Ост-Индская компания при введении системы „райотвари" нажилась на продаже земли. Все крестьянские земли, находившиеся в общинном, а не индивидуальном пользовании, которые до английского завоевания отдельно не облагались, она отобрала совсем у крестьян; г) с лесов Ост-Индская компания начала получать тоже теперь новые доходы, взимая с райотов отдельную плату за пользование лесом на топливо, за пастьбу скота и т. д.

Не менее важными были политические соображения. До английского завоевания размер налога определялся ежегодно, когда становился более или менее ясным уровень урожайности. Тогда происходил своеобразный „торг" между правительственными чиновниками и пателями деревень. Патель обычно отказывался подписать обязательство в оплате налога, если размер его, требуемый чиновниками, превышал предел, на который он был уполномочен деревенским „панчаятом". В случаях таких расхождений патель отправлялся в свою общину за дополнительными инструкциями. Если и в этом случае „панчаят" не давал согласия на увеличенный размер налога, патель вторично отказывался подписать обязательство, и тогда в деревню высылались представители налогового ведомства для разбора конфликта на месте. Очень часто при этом спор решался в пользу сельской общины. В противном случае последняя оказывала коллективное сопротивление вымогательствам (№ 73, стр. 289—291).

При системе „райотвари" правительственные чиновники имели дело с каждым райотом отдельно. У отказавшегося от платы райота участок отбирался. Возможность коллективного отпора со стороны общины и её органов самоуправления при этом пропадала. Таким образом, введение системы „райотвари" было ловким маневром опытных колонизаторов, и здесь осуществивших свою политику „разделяй и властвуй".

С другой стороны, на юге Индии и в Декане единственной силой,

способной оказать сопротивление завоевателям, было крестьянство. Предотвратив возможность коллективного сопротивления, колонизаторы значительно уменьшили способность крестьянства к массовым выступлениям, тем самым достигнув большего закрепления своей власти.

Решению английских завоевателей экспроприировать на юге землю в свою пользу способствовали еще два обстоятельства:

1) Ко времени введения системы „райотвари" почти вся территория Индии была уже завоевана. Крестьянские восстания на юге не могли слиться с организованной в государственном масштабе борьбой независимых государств, которые оставались только на северо-западе в лице сикхского государства и Афганистана. Следовательно, территории районов „райотвари" не нужны были колонизаторам в качестве плацдарма для дальнейших захватов, как это имело место несколько позднее в отношении Пенджаба.

2) Наконец, создание социальной опоры в виде мощного слоя феодалов, как это было на севере, не было необходимо на полностью покоренном юге полуострова, окруженном отовсюду морями, на которых господствовал английский флот.

Несомненно, что на решение расколоть общину повлиял опыт предыдущих десятилетий, когда наибольшее сопротивление завоевателям оказали крестьяне Махараштры и телугу. Расколов сельские общины, английские торгаши надеялись, благодаря перечисленным особенностям, удержать страну в повиновении без помощи местных феодалов.

Со времени введения в 1836 году новой системы землевладения и налогообложения дистрикт за дистриктом Бомбейского президентства начали иссякать под гнётом чрезмерных размеров ренты, наложенной англичанами. Пытаясь поддержать поступления на прежнем уровне, колониальные власти в течение т. н. „среднего райотвари" (до 1855 г.) провели ряд реформ в формах землевладения и налогообложения.

„Однако",—вынуждена признать даже „Кембриджская история" (том VI, стр. 48—49),—„различные изменения, которые привели теорию райотвари к её современной форме, оставили в неприкосновенности главный дефект—чрезмерное, неадэкватное и несистематическое обложение".

Попрежнему и в 40-х и в 50-х годах XIX века крестьяне Декана и Ю. Индии „подвергались ужасающей пауперизации".

Несмотря на и без того подавляющее чрезмерное обложение, рента с крестьян систематически повышалась. Ограничений к ее повышению в сущности никаких не было. Издевательством над крестьянами лишь можно назвать такие „ограничения", как воспрещение повышать обложение отдельного участка, более, чем на 100%, деревни—на 66%, и талуки—на 33%.

Ничем иным, как издевательством можно назвать и „основания" к повышению ренты, в качестве которых указаны развитие путей сообщения и „общий прогресс" страны.

В 1850-х годах крестьянство Бомбейского президентства дошло до крайних пределов истощения. Большая часть его находилась уже в долговой кабале у ростовщиков. Среди райотов зрело возмущение, которое начало уже перерастать в открытые выступления. Известно, что во время восстания 1857—59 года в Северной и Центральной Индии в Бомбейском президентстве провинциальным властям удалось предотвратить лишь выступление сипаев. Крестьяне же восстали в довольно значительном количестве. В это время в Декане действовали партизанские отряды, численностью в несколько тысяч человек.

Факт крестьянских выступлений в значительном масштабе в конце 1850-х годов позволяет предположить, что уже в 60-х годах по ходу событий должны были развернуться массовые крестьянские возмущения, которые в действительности произошли в 1870-х годах.

Начало крестьянской войны было отсрочено хлопковым „бумом" в Индии во время гражданской войны в США, вследствие которой прекратилось поступление американского хлопка в Европу. Повышенная потребность в хлопке, в результате которой цены на хлопок повысились, облегчила временно положение крестьян Декана и многих местностей Южной Индии.

Во время гражданской войны в США большие успехи в Индии сделало железнодорожное строительство. Проникновение железных дорог в глубь страны вызывало бóльшую товаризацию сельского хозяйства, одновременно давая „основания" для повышения ренты.

Бойкая деловая жизнь в Бомбее в первой половине 60-х годов, быстрое железнодорожное строительство и отсутствие недоимок внушили налоговому ведомству желание попытаться еще больше выжать средств из крестьянина. В дистриктах Декана, в которых производился пересмотр обложения, налоговые чиновники повысили обложение на предельную высоту—30—32%[1]. По отдельном талукам повышение достигало 70—199% (№ 89, стр. 330—331).

Приведенные цифры показывают, что в течение 1860-х годов налоговый пресс был сжат до крайних пределов. И пока хлопок был дефицитным и дорогим товаром, крестьяне всегда имели возможность найти кредит в счёт будущего урожая, когда наступал срок уплаты налога.

Перестройка земледелия на рельсы товарного хозяйства, монокультурность, система ссуд под залог урожая, без которых крестьянин не мог обойтись из-за несоответствия сроков уплаты ренты со сбором урожая, привели к тому, что прекращение хлопкового „бума" ударило по хлопкоробам с удвоенной силой. В 1866—67 г. сумма экспорта хлопка составила всего лишь 46% к 1865—66 г. г.

Крестьяне Южной Индии и Декана лишились в 1866—67 году более, чем половины, своих денежных доходов. Результатом явились бедствия, которые уже испытывало крестьянство перед хлопковым „бумом", но во много крат увеличившиеся в размере.

Бедствия, принесённые Декану и Ю. Индии колониальным режимом, отражались не на всех слоях населения в одинаковой мере. Для того, чтобы проследить воздействие колониального режима на различные слои деревни, необходимо разобрать классовую структуру сельского населения.

По документам 1860—70-х годов можно установить деление сельского населения на следующие группы:

1) Талукдаров сохранилось очень немного (главным образом в Ахмедабаде и Броче).

2) Кхоты южного Конкана, которые сначала были откупщиками, а впоследствии получили свои округа в наследственное владение.

3) Деревенская верхушка—торговцы, ростовщики, учётчики и т. п.

4) Члены деревенских общин „бхагдари" или „нарвадари"—совладельцы общинной земли, закреплённой за некоторым количеством деревень в Кэйре и Броче.

---

[1] Уткар Прананатх, Бхаратийя сампатти шастра. Каннур, 1923, стр. 408 (на хинди).

5) Зажиточные крестьяне, арендующие у государства крупные участки, часть которых обрабатывали сами, а часть сдавали в аренду.

6) Рядовые земледельцы, арендующие у государства небольшие участки, обрабатываемые личным трудом.

7) Общинные рабочие.

8) Полевые рабочие, кули, поденщики и др. внекастные.

Старая феодальная знать в Бомбейском президентстве во второй половине XIX столетия играла небольшую роль.

* * *

Хозяевами Бомбейской деревни вместо старой знати в это время стали уже полностью сельские торговцы и ростовщики. В противоположность ростовщикам Сев. Индии здесь они обычно в 60-х и 70-х годах неохотно брали на себя юридическую ответственность за выплату ренты правительству. Фактически же они, как писал в своей докладной записке правительству первый помощник коллектора Пуны, „стали во многих случаях действительными собственниками земли“ (№ 74, стр. 117—118).

Большая часть ростовщиков в Бомбейском президентстве были марвари или гуджаратцы. Такой делец приезжал в деканскую деревню и поселялся в ней на 5, 10, 15 лет. Накопив желательную ему сумму, он передавал остатки долгов какому-либо земляку или родственнику и возвращался в свои края.

Такой ростовщик вовлекал крестьян в неоплатные долги и обращал большую часть райотов в долговых рабов. Сняв урожай, крестьянин отдавал его ростовщику в уплату долга. На выплату налогов и прожитие райот брал в долг вновь. С долга все время шли проценты, которые быстро увеличивали его размер. Таким образом, отстранив старых феодалов, английские завоеватели не ограничились экспроприацией земли в свою пользу, а насадили ещё институт полуфеодалов в лице ростовщиков.

Свою деятельность ростовщики проводили в тесном контакте с местными властями. Последним ростовщик помогал выколачивать из крестьян налоги. В свою очередь колониальные власти помогали ростовщикам вовлекать крестьян в долги, установив сроки внесения податей раньше времени сбора урожая, а также введя законы о долгах, помогавшие быстро увеличивать их размер процентами. Гражданские суды взыскивали долги ростовщикам.

При ужасающем размере эксплоатации и её полуфеодальной форме ростовщик был необходимой составной частью колониального режима. Он сосредотачивал в своих руках весь доход должников, и в нужный момент выплачивал ренту колониальным властям, (хотя и руками самих райотов). Этим же последним он оставлял лишь столько, чтобы они не умирали даже в благоприятный год от голода. Не будь ростовщика, вечно нуждающийся и голодный крестьянин неминуемо израсходовал бы на свои минимальные нужды и ту долю дохода от земледелия, которую намерены были в виде ренты отобрать колониальные власти, поскольку они при системе „райотвари“ отбирали не только прибавочный, но и заметную долю необходимого продукта.[1] Ростовщик же отбирал у крестьянина сверх этого другую долю необходимого продукта.

Что касается пателей, учётчиков и других представителей сель-

[1] Вот характеристика роли ростовщика властями (№ 104, стр. 97): „Как посредник между земледельцами и правительством, который обеспечивает пунктуальную выплату земельной ренты, ростовщик является ценным государственным служащим“.

ской администрации, то в тех случаях, когда они не соединяли с земледелием торговли или ростовщичества они тоже были в долгах у ростовщиков.

Экономическое положение тех крестьян, которые владели участками бóльшими, чем могли обработать, приближалось или к положению ростовщиков и торговцев, если они соединяли земледелие с их занятиями, или к положению прочих райотов, если занимались только сельским хозяйством. Разница в их положении с последними заключалась лишь в том, что получаемая от сдачи в аренду остающейся от личной обработки земли рента компенсировала им часть необходимого продукта, отбираемого у них ростовщиками и правительством. Но и из них очень небольшая доля являлись состоятельными людьми, не имевшими задолженности.

Уже из краткого описания деятельности ростовщиков очевидна тяжесть положения основной массы райотов. Проф. И. П. Минаев писал в своих записках: „Кунби платят $2^1/_2$ рупи податей и получают 4 рупи дохода".[1]

Даже местные колониальные чиновники, запрошенные правительством после голода в Ориссе в 1866 г. о возможности введения нового налога для создания „голодного фонда", были вынуждены протестовать против его введения, доказывая правительству нереальность и невозможность его выплаты по причине существующего переобложения.

Коллектор дистрикта Насик писал, что „люди обложены до самой высокой степени какую они могут выдержать" (№ 74, стр. 103). Первый помощник коллектора Пуны писал: „Земля теперь арендуется в огромном большинстве случаев мелкими арендаторами с очень ограниченными средствами... Продукция, которую они выращивают, находится из года в год в распоряжении местных лавочников, от которых они получают авансы, чтобы вести свое хозяйство, и в долги которым быстро и глубоко вовлекаются, так что фактически эти последние стали во многих случаях действительными собственниками земли. Поэтому, если увеличим земельный налог, то возложим дополнительное бремя на класс, который во время голода зависит еще больше, чем всегда, от ростовщика. Лучшие слои земледельцев, несомненно, более способны платить голодный налог, чем вышеописанные... однако, их число мало" (№ 74, стр. 117—118).

Приведенные цитаты из донесений правительственных чиновников показывают, что даже они вынуждены признать факт разорения и обнищания бомбейского крестьянства. А они, безусловно, далеко не раскрывают полностью картину жизни райотов, хотя и признают факт обращения крестьян в долговых рабов ростовщиков.

Такова была неполная и в значительной мере скрытая картина бедствий крестьянства в Декане накануне 1870-х годов. А в этом десятилетии под влиянием аграрного, затем—промышленного кризисов и усиления гнёта колониального режима положение крестьянства еще больше ухудшилось.

В 1870-м году началось общее падение цен на сельскохозяйственную продукцию в связи с мировым аграрным кризисом. В 1873 году к аграрному кризису присоединился промышленный кризис.

В 1873 году общая сумма экспорта хлопка составила едва 37% к 1865—66 году в то время, как хлопок являлся основной товарной куль-

[1] Архив И. П. Минаева: $21\frac{605}{\text{из } 30}$ запись 5 февраля 1880 г.

турой Бомбейского президентства. Поэтому, цифра в 37% экспорта является показателем падения на 63% уровня доходности крестьянства.

* * *

В своём отчёте за 1878—79 г. г. бомбейское правительство признавало большой размер задолженности крестьян ростовщикам, особенно же в дистриктах Пуна, Ахмеднагар, Шолапур и Сатара. Относительно причин задолженности отчёт сообщал: „По мнению правительства сравнительно малая часть всего бремени долга райотов может быть приписана социальным обрядам, так как в Декане, как во многих других областях, количество и стоимость браков, наиболее дорогой церемонии среди маратского крестьянства, варьируется в соответствии с урожаем"[1]. Наряду с другими причинами, отчёт признает, что большое значение для роста задолженности имела процедура в гражданских судах, когда можно было решать дело в отсутствие ответчика. Кроме того, „ростовщик до недавнего времени имел право по такому решению не только овладеть всем имуществом должника, но также действовать против него путём ареста и заключения" (№ 70, стр. XXIV).

Проф. И. П. Минаев писал в своих записках: „Говорили о положении земледельческого класса. Оно ужасно. Земледельцы под гнётом налогов положительно голодают".[2]

А вот свидетельство одного из руководителей буржуазно-националистического движения. Адвокат из Пуны и один из руководителей „Пуна Сарваджаник Сабха" Ганев Васудев Джоши в своем показании перед комиссией по голоду 1878 г. заявил: „Главной причиной задолженности райотов является то, что правительственный налог взимается в деньгах, а не в натуре. А так как поля дают только маис и другие продукты, райот вынужден доставать деньги от ростовщика залогом или продажей своего зерна, чтобы удовлетворить требования правительства. Прежде правительственное обложение взималось в четыре срока, но затем это было прекращено и теперь взимается в два срока. И эти сроки также падают точно, когда урожай не сжат или на току. В такой момент райот вынужден просить помощи от ростовщика или занимать деньги у него за обещание продать свой урожай ему по самой дешевой цене соответственно его желанию. Таким образом вся продукция райота идет только на оплату правительственного налога. Там, где обложение удвоено или повышено в четыре раза, продукция поля не покрывает суммы налога, и поэтому райот вынужден занимать деньги, чтобы покрыть дефицит. Раньше райот имел возможность свободно пользоваться лесной продукцией и дровами, а теперь, по лесным законам, ему воспрещено делать так, и таким образом он не имеет дохода от леса. Райот не может теперь достать деньги работая по перевозке, так как открыты жел. дороги; если же он вздумает следовать профессии обычного рабочего, нет достаточного спроса на работу. И тогда он вынужден оставить свой дом и ехать за границу в поисках работы. А так как по причине высоких цен, он не может скопить сколько-нибудь денег, чтобы помочь своим старым родителям, жене и детям, те остаются беспомощными дома. Таким путём райот приводится к нищете". (№ 44. стр. 83).

---

[1] (№ 70 стр. XXI). До какой степени колонизаторы привыкли лгать, забывая даже сказанное, видно из сопоставления цитированного места официального отчёта Темпля—губернатора с Темплем—писателем (см. № 112, стр. 227).

[2] Архив И. П. Минаева 106 $\frac{605}{\text{из } 42}$ запись 22/II-1880 г.

Несомненно, что не всегда ростовщики ограничивались превращением райотов в своих фактических крепостных. Безусловно, что в годы неурожаев, когда не было возможности что-либо выжать из крестьян, а была перспектива превратить их в дальнейшем в безземельных издольщиков или батраков, ростовщики шли иногда в 1870-х г. г. и на отбор земли у своих должников, и без того крепко скованных долговыми обязательствами.

Отчёт по Бомбейскому президентству за 1878-79 год сообщает сведения о судебных гражданских делах, переданных к принудительному взысканию и о „добровольных" продажах недвижимой собственности, которые могут дать представление о процессе обезземеливания.

Наименование принудительных мер	1877	1878
Просьбы о выдаче судебных исполнительных листов . .	282.401	265.562
Исполнительные листы полностью и частично выполненные	84.468	75.297
Приказы, исполненные вступлением во владение	2.734	2.722
Применение тюремных заключений	3.612	3.828
Описано движимой собственности	13.577	13.361
Продано „ „	5.113	4.512
Описано недвижимой собственности	22.725	18.845
Продано „ „	15.971	11.139

Только за два года в порядке принудительного взыскания описана была свыше чем у сорока тысяч домохозяйств недвижимая собственность и почти у тридцати тысяч—принудительно отобрана.[1]

Между тем, кроме „принудительных" продаж были и „добровольные". Сведения о нотариальной регистрации сделок показывают такую картину (№ 70, прил. стр. XCVIII—XCIX):

Наименование сделок	1878
Залоги недвижимой собственности стоимостью свыше 100 рупий	37.686
Залоги недвижимой собственности ценностью до 100 рупий	6.922
Всего залогов	44.608
Продажа стоимостью свыше 100 рупий	24.178
„ „ ниже 100 рупий	8.507
Всего продаж	32.685
Вся стоимость переданной недвижимой собственности в рупиях	43.917.548

Приведенные сведения показывают, что только за два года до 60 тысяч крестьянских хозяйств лишились своей земли окончательно. Эти цифры говорят, что ростовщики в 70-х годах уже перестают довольствоваться фактическим владением землей, а начинают оформлять и юридическое право на владение ею.

1 Превышение количества аукционов в 1877 г. объясняется тем, что в 1878 г. голод пошёл уже на убыль. Одновременно эта зависимость аукционов от интенсивности голода свидетельствует, что описи и продаже подвергалось имущество бедноты.

Для полноты освещения вопроса о взаимоотношениях райотов и ростовщиков следует процитировать примеры из доклада „комиссии по расследованию причин волнений крестьян Декана".

1) „Джан, старая вдова, заняла 150 рупий много лет назад для свадьбы сына, позднее умершего. Тринадцать лет тому назад она дала залоговое обязательство на 300 рупий и передала владение своей землей (около сорока акров с колодцем). Ростовщик с тех пор все время пользовался доходом с земли и ни восстановил землю и не дал отчёта.

2) „Двадцать лет назад Анду занял 17 рупий деньгами и маунд зерна. Уплатил в разные сроки в погашение долга 567 рупий и оформил ряд новых обязательств, два из которых на 875 руп. и теперь еще остаются неоплаченными" (№ 98, с. 48—49).

Из приведенных примеров видно, что английское долговое право сыграло большую роль в окончательном разорении и пауперизации бомбейского крестьянства и превращении его в долговых рабов ростовщиков.

Первоначально законы в Индии, установленные англичанами, представляли из себя причудливую смесь некоторых элементов древнего индийского права и английских законов, также носивших на себе пережитки средневековья.

В 1860-х годах были введены в действие—новый гражданский процессуальный кодекс, закон о гербовом сборе и ограничении срока исковой давности. По закону 1860 года резко возросли судебные расходы, судебные пошлины, оплата свидетелям и адвокатам, за регистрацию документов; сократился с 12 до 3-х лет срок исковой давности.

Судебные пошлины по Индии в результате введения нового закона поднялись с 1860 к 1877 году в шесть раз. Тяжесть судебных расходов была установлена обратно пропорционально сумме иска. Например, новые судебные расходы для признанных дел, которых было 80-90%, достигали для исков до 10 рупий—35% к исковой сумме, а до 20 рупий —20% иска. Увеличение расходов для дел до 20 рупий достигало 100% по сравнению с законом 1827 года. За иск в указанной сумме расходы по закону 1827 года составляли руп. 2-12-1, а по последнему закону 1870 года—4-13-1 (№ 44, стр. 80—84).

Отсюда видно, что судебные расходы своей тяжестью падали много больше на бедняка, чем на состоятельного человека, достигая 20—30% на мелкие суммы которых было в судах подавляющее количество (80% дел было за суммы менее 100 рупий (№ 70, прил. XCII).

Ещё более губительное влияние на положение крестьянства оказал закон об ограничении срока исковой давности.

С одной стороны, это ограничение повело к увеличению количества исков с 91.245 в 1860 году до 312.080 уже в 1861 году (№ 44, стр. 80—84). Даже при прежних судебных пошлинах это повело бы почти к учетверенному расходу. При увеличенных вдвое пошлинах—это привело к увеличению судебных издержек в 6—8 раз.

Но этого мало. При возобновлении документа через каждые три года проценты присчитывались к основному долгу и в дальнейшем нарастали не только на первоначальную ссуду, но и на проценты прежних сроков. Джоши приводит такой пример: „... Если будет занята сумма в 5 рупий, она удвоится в размере в 3 г. достигнет четырехкратного размера через 6 лет и увеличится в восемь раз

через 9 лет; и каждый раз документ составляется заново; так что через 12 лет первоначальный главный долг из 5 рупий вырастет в 40 рупий основного и 40 рупий процентов, а всего 80 рупий. В таком размере долг увеличен за счёт „закона ограничения" (№ 44, стр. 81).

Иными словами говоря, в результате нового закона об ограничении срока исковой давности первоначальный долг только в результате переоформления документа и присчитывания новых процентов каждые три года к основному долгу в течение 12 лет увеличивался без дополнительных ссуд в шестнадцать раз.

„Г-н Шамбху Прасад, член комиссии по расследованию причин волнений крестьян Декана" исследовал фактическое состояние задолженности райотов в некоторых из деревень дистриктов Пуны и Ахмеднагара перед и после введения в действие „закона ограничения" и нашел, что в короткий срок задолженность увеличилась в шесть раз (№ 44, стр. 84).

На приведенных примерах ярко видно действие судебной надстройки, поставленной английскими правящими классами над изуродованной колониальным режимом экономикой Индии. Гражданские суды много сделали зла несчастным индийским райотам, приводя их к разорению, обезземеливанию, нищете и голоду.

Комиссия по расследованию причин крестьянских волнений в Декане в 1875 г. писала: „Есть, однако, положение ниже, чем изгнание или бедность. Иногда несчастный должник заключает соглашение, которое почти открыто делает его долговым рабом ростовщика" (№ 98, стр. 48—49).

О примерах широкого распространения юридически оформленного долгового рабства писал б. бомбейский чиновник Молит:

„ ... За несколько рупий или за несколько бушелей зерна райоты обязывались сами на гербовой бумаге служить своим ростовщикам в течение всей жизни. Эти случаи назывались личной службой, подобной обычному слуге, но это не соответствовало действительности: они получали пищу, одежду и жилье, но не плату" (№ 98, стр. 49).

Приведенные свидетельства самих колониальных чиновников показывают путь, по которому толкали индийских райотов их заморские господа, и участь, какую они им приготовили. Английские завоеватели отбросили Индию назад в отношении форм землевладения и насадили самые отсталые формы феодальной эксплоатации, которые заботливо консервировали. Они отбросили Индию к границам рабовладельческого строя, превращая массы райотов в долговое рабство и даже узаконивая последнее юридически.

Таково было положение рядовых райотов при системе „райотвари".

Что касается общинных рабочих, полевых рабочих и т. н. „внекастных", их положение с трудом поддается описанию. Даже такой ловкий и беззастенчивый лжец и фальсификатор в пользу колониального режима, как Р. Темпль был вынужден признать, что эти категории сельского населения „живут частично полевой работой, частично другими видами работы и частично всеми видами непрочных источников, таких, как сбор диких трав и тому подобные" (№44, стр. 32).

Хотя здесь и назван „источником" средств существования сбор диких трав, приведенная цитата подтверждает, что эти категории жителей деревни были сведены колониальным режимом почти до положения травоядных животных. Их жизнь трудно определить и

описать. Это—постоянная голодовка, прозябание на грани истощения и смерти.

Приведенный краткий обзор положения различных слоев сельского населения под гнетом колониального режима в Бомбейском президентстве показывает, что и здесь как выше показано было в отношении Северной Индии „крестьянство подверглось ужасающей пауперизации“ [1]. Даже в урожайные годы крестьяне находились на грани истощения и голода. Какие же мучения должны были испытывать крестьяне, если их область посещал неурожай?

* * *

Апологеты колониального режима пытаются представить дело таким образом, будто бы голод исключительно—следствие засухи, а колониальные власти являются даже „благодетелями“ индийского крестьянства, спасающими его от голодной смерти. Например, если послушать Р. Темпля, то окажется, что дистрикты Бомбейского Декана „процветают морально и материально“, и лишь „частое возвращение засухи делает их источником беспокойства“ (№ 44, стр. 30).

В действительности голод является не обязательным следствием засухи и неурожая, а следствием предшествовавших обстоятельств. Голод—могучий обличитель иноземных угнетателей. Отождествление же засухи, неурожая и голода—один из приёмов фальсификации действительности. Ещё А. Е. Снесарев, разоблачил этот приём английских фальсификаторов. Он писал: „...Оба явления, совпадающие одно с другим, т. е. неурожай и голоды, оказываются подлежащими на данном периоде наблюдения разным законам. Смешивать эти два явления или ставить вторые в исключительную зависимость от первых отнюдь не надо“. „Недород и голод находятся между собою в некоторой зависимости, но только явление недорода не есть причина, а лишь резкий повод к появлению голода; коренная же причина последнего лежит в полнейшем экономическом истощении страны по милости англичан“[2].

Не случайно, что голод с особой силой проявился в тех дистриктах, где в 1860-70-х годах прошло повышение обложения.[3]

Тот факт, что голод следствие не засухи, а истощения страны, признавали и отдельные колониальные чиновники. Цитированный уже выше Молит писал: „Теперь, когда стоимость жизни поднялась и очень мало продовольствия запасено в деревнях, райоты сразу оказываются в бедственном положении, если пропадает годичный урожай“ (№ 98, стр. 49).

Таким образом, первой причиной голода являлось истощение страны, бедность и нищета населения, причиненные колониальным режимом. Отсутствие всяких запасов приводило к тому, что население не могло прожить нисколько, если пропадал урожай.

Под английским управлением любой недостаток дождей приводил к неурожаю. Но это не значит, что обязательно каждая засуха должна была вызывать неурожай. Следовательно, и смешивание засухи и неурожая производится апологетами колониального режима для фальсификации действительности. Если бы имелась достаточная система орошения, засуха не влекла бы за собою неурожай. Ф. Энгельс писал в одном из своих писем К. Марксу о странах Востока: „Пер-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., том IX, стр. 344.
[2] А. Е. Снесарев. Цит. раб. стр. 106—107.
[3] Это признает даже „Отчёт об управлении Бомбеем в 1878—79 г. Следует сравнить стр. IV отчёта и Прил. стр. XXVII (см. № 70)

вое условие земледелия здесь—это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны) война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии организовало № 1 и № 2, несколько на филистерский лад, а № 3 совсем забросило, в результате чего индийское земледелие гибнет. Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная сисгема приходила в упадок"[1].

До английского завоевания, как правильно указывал Ф. Энгельс в своем письме К. Марксу, местные правительства заботились об орошении. Это обстоятельство и служило одной из причин отмеченного первым губернатором Бомбея—Эльфинстоном явления: „При всех дефектах страна маратгов процветала, и народ казался избавленным от некоторых из зол, которые наблюдаются под нашим более совершенным управлением" (№ 34).

Другой крупный колониальный чиновник признавал, что до англичан, большие исторические голодовки в этой части Индии были причиняемы скорее рукою человека, чем „божьим посещением" (№ 74, стр. 109). Чем дольше страна была под колониальным управлением, тем больше она истощалась, тем больше разрушалась оросительная система и тем чаще и интенсивней возвращались голодовки. Из таблицы голодов, приводимой А. Е. Снесаревым видно, что с 1800 по 1860 год, т. е. за 60 лет голодало 15 провинций. С 1860 по 1880 год, т. е. за срок в три раза меньший, голодало 19 провинций[2]. Из сведений, собранных Ламанским, обнаруживается, что с 1840 по 1859 год, за 20 лет, неурожай и голод охватывал площадь в 55,4 тыс. кв. миль с населением в 6,2 млн. человек. С 1860 по 1879 г., т. е. за такой же срок, голод охватывал площадь в 841,6 тыс. кв. миль с населением в 193 млн. человек.[3] В течение двух десятилетий рассматриваемого периода голод охватывал площадь в шестнадцать раз большую, и с населением в тридцать раз большим, чем в предшествовавшие два десятилетия.

Следовательно, английские колонизаторы не только сломали и изуродовали экономику Индии, не только насадили средневековые формы эксплуатации, но они разрушили и тот уровень развития производительных сил, какой был к моменту завоевания.

В 1870-х годах в Бомбейском президентстве только 2,97% обрабатываемой площади было орошено. Налоги же в 1878 году составляли 3.712.600 фунтов стерлингов, (№ 70, с. 287, 289, 334) т. е. увеличились более, чем в четыре раза, сравнительно с последним годом махратского управления. „Пуна Сарваджаник Сабха" писала в октябре 1876 года о Кармале (Бомбейское президентство): „Никаких зерновых запасов. Налоги оплачивались в течение последних трёх лет за счёт займа у кредиторов... Население не имеет никаких денежных сбережений по причине тяжелого пересмотренного обложения, наложенного в 1873—74 году" (№ 97, т. I, стр. 264).

Ничего нет удивительного в том, что голод 1876—78 г. г. был самым жестоким из всех, какие до тех пор случались в Индии. Свыше 50% населения оставило свои деревни и вместе со своим скотом

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о „Капитале". Госполитизд. 1948, стр. 43.

[2] А. Е. Снесарев, Цит. раб. стр. 112.

[3] Ламанский, Индия, стр. 56.

отправилось искать места, менее пораженные засухой и голодом (№ 97, т. I, стр. 266). По всем дорогам шли истощенные люди со своим бедным скарбом и исхудавшим скотом в поисках пищи для себя и травы для скота и не находили.

Открытые колониальными властями „работы для помощи голодавшим" не оказывали им действительной помощи. Здесь больше было криков о мнимой заботе о населении, чем действительной заботы. Работы организовывались и велись лишь настолько, чтобы правительство имело возможность лицемерно рекламировать свои мнимые заботы.

Васудев Балвант Пхадке писал по этому поводу в своей автобиографии: „... Внутренняя политика англичан предательская. Едва один индиец будет назначен на высокий пост, газеты звонят, что много назначений дано индийцам. Тысячи примеров таких обманов. Они открыли работы для помощи голодающим и т. п. Брал ли кто-нибудь на себя заботу исследовать это? Оказали „милость" каждому голодающему, который получает полторы анны в день, когда зерно продается по 5 сир за рупию.[1] Требуют выполнить определенный резмер работы прежде, чем оплата 1½ анны на человека будет выдана. Это „благодеяние" нисколько не лучше, чем болтовня или лесть. Это значит—говорят „ешьте пищу", а знаками показывают, что если будете есть, то будете побиты" (№ 53, стр. 11).

Для иллюстрации фактами приведенных слов революционера—демократа и патриота следует напомнить, что в то время, когда на юге уже тысячи и десятки тысяч людей умирали от голода, в Дели состоялся торжественный дурбар для провозглашения королевы Виктории императрицей Индии. Проходили торжественные процессии с убранными в драгоценности людьми, проводились пышные церемонии и празднества, на которые затрачивались тысячи рупий, собранных по анне и пайсу с голодающих райотов.

Мало того, в то же время расходовались колоссальные суммы на подготовку завоевания Афганистана. На военные расходы тратились средства „голодного фонда", собранного на случай голода с этого же голодающего населения. Одновременно сразу же из Дели вице-король Литтон, узнав, что мадрасское правительство закупило некоторое количество зерна для голодающих, послал в качестве своего уполномоченного Темпля с инструкцией прекратить закупки зерна и сократить расходы на помощь голодающим. Деньги „голодного фонда" были нужны вице-королю для войны с Афганистаном, а закупки зерна могли помешать хлеботорговым фирмам спекулировать зерном, наживая барыши за счёт умирающего от голода населения.

Р. Темпль успешно выполнил задание правительства, обрекая новые миллионы индийцев на голодную смерть, а вице-король Литтон и его министр финансов Джон Стрэчи начали придумывать, какие еще можно извлечь выгоды из народного бедствия.

И они придумали. Под предлогом увеличения „голодного фонда" был введен патентный сбор и увеличен налог на соль в 1878 году в голодных Бомбейской и Мадрасской провинциях. Эти налоги всей своей тяжестью пали на самые бедные, умиравшие в это время от голода слои населения.

Васудев Балвант Пхадке писал по поводу этих мероприятий правительства: „Импортируя зерно для прокормления и сохранения на-

---

[1] Т. е. на дневной заработок главы семьи можно купить один фунт зерна—половину рациона для него самого и нисколько для семьи.

рода, правительство принимает на себя фальшивую личину милосердия и благотворительности. Затем оно, под предлогом, что были произведены большие затраты на принятие мер для предотвращения вымирания населения от голода, налагает новые налоги—патентный сбор" (№ 53, стр. 15).

Положение общинных рабочих и „внекастных" было еще более худшим, чем положение рядовых райотов во время голода. Об них даже Р. Темпль признавал: „Это те классы, которые при возникновении голода неизменно обращаются за помощью. Они составляют, я полагаю, большинство рабочих на вспомогательных работах при каждом голоде, и именно среди них, особенно низших каст, превалирует смертность" (№ 44, стр. 32).

Этой смертности, которая достигала во время голода 1876—78 года пяти миллионов человек, немало помог и сам автор цитированных строк своей деятельностью в качестве правительственного уполномоченного по голоду.

Садистское отношение колонизаторов с особенной яркостью проявилось в 1877 году во время стачки на работах. Литтон приказал не идти на уступки—не улучшать плату и другие условия, даже если от этого начнется смертность.

Несомненно, что в числе пяти миллионов умерших от голода было большое количество тех, которые были лишены работы вследствие перечисленных мероприятий правительства.

Эти факты произносят суровый обвинительный приговор „цивилизованным" людоедам. К. Маркс писал о британской колониальной политике: „Все хозяйничанье британцев в Индии—свинство и остается таковым по сей день"[1].

К бедственному материальному положению индийцев присоединялась расовая дискриминация. Сербский учёный Милан Иованович писал в конце XIX века о своих наблюдениях в Бомбее: „Белые и цветные люди не сообщаются друг с другом. О знакомстве между ними не может быть и речи. Если какой-нибудь белый берет цветную жену, он исключается из своего общества, и протянуть руку такому человеку считается унижением. Англичанин смотрит на цветного человека, как на вьючное животное, он и у себя в доме своего цветного слугу избегает называть по имени, а зовет просто „чули". Домашний попугай и обезьяна пользуются в доме большим почетом, нежели этот человек другой расы"[2].

* * *

Мадрасское крестьянство, дольше находившееся под английским господством, страдало под действием колониального режима еще больше бомбейского. Способ определения налога-ренты здесь был также совершенно произвольный. По инструкциям правительства оплате подлежала половина „чистого дохода" (т. е. половина остатка от вычитания из валового дохода затрат на обработку). Налоговые чиновники не утруждали себя вычислениями, а принимали затраты в размере до одной трети валового дохода, определенного с завышением. При „обосновании" такого „бюджета" крестьянина, по которому налог-рента не мог снизиться ниже трети валового дохода, даже при справедливом исчислении последнего, стоимость содержания семьи

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Письма о „Капитале", стр. 45.

[2] Бомбей. Из путевых очерков Милана Иовановича. Перевод с сербского. Москва. 1897, стр. 27.

райота совсем не принималась во внимание. Известный русский востоковед А. Е. Снесарев писал по этому поводу: „... В перечень необходимых издержек не включается пропитание райота и его семьи, иначе говоря, государство вступает в дележ не в пределах этой суммы, которая остается у земледельца на второстепенные нужды и на удовлетворение культурно-религиозных потребностей, а в пределах суммы насущной, неизбежной для самого существования земледельца, т. е. оно берет себе ломоть от насущного хлеба райота... Разве это не прием самого бессердечного хищника!"[1] Такими приемами колониальные чиновники подняли обложение в 2,5 раза выше, чем в Пенджабе, в то время, как орошенной площади здесь было на 7% меньше (№ 64, прил. XIV—XV; № 61, прил. XXII—XXIII; № 71, прил. стр. VI—VII).

Ростовщический гнёт ощущался в Мадрасе не меньше, чем в других провинциях. По сообщению журнала „Калькатта ревью" (том 60 стр. 277) проценты по долгу—достигали 75—100% в год. „Под ужасным бременем долга жизнь и энергия сокрушаются у него", (крестьянина—А. Б.)—сообщал тот же журнал (т. 60, стр. 278).

Отражением быстрого процесса обнищания крестьянства являлось уменьшение земельных участков. К 1870-м годам средний размер крестьянского участка в Мадрасской провинции снизился до двух акров, т. е. до 0,8 га на семью (№ 46, стр. 23). Беднейшие крестьяне и того не имели.

С начала 1870-х годов население Мадрасского президентства, как и других провинций Индии стало испытывать увеличение и без того тяжелого налогового гнета. В 1871 году были введены местные сборы по „децентрализованной схеме" лорда Майо. В 1875 году было возобновлено взимание налога „абкари" на производство „тодди" (местного опьяняющего напитка).[2] Сумма „абкари" достигала $^1/_7$ к земельному налогу (№ 41, т. 60, стр. 279).

Вполне естественно, что ужасный голод 1876-78 г. г. наиболее жестоко поразил истощенное колониальным режимом мадрасское крестьянство. Из пяти миллионов жертв этого голода в Индии по официальным данным, в мадрасском президентстве погибло три миллиона жизней. В некоторых округах погибло до четверти населения (№ 113, стр. 38).

В разгар этого голода правительство начало новое повышение прямых и косвенных налогов. Под предлогом создания „голодного фонда" был введен патентный сбор, тяжело ударивший по сельским кустарям, общинным рабочим и ремесленникам.[3]

Налог на соль уже к 1871 году был поднят до крайней степени, что вынужден был признать мадрасский губернатор Гобарт (№ 47, стр. 9). Во время голода 1876—78 г. г. опять-таки под предлогом создания „голодного фонда", этот невыносимый налог был повышен еще на $^1/_3$, увеличив страдания беднейших слоев населения.

И до того тяжёлый земельный налог правительство в 1870 годах еще повысило. Повышение земельного налога не прекращалось и в голодные годы. В талуке Малкангири дистрикта Визагапатам, население которой присоединялось к восстанию „Рампа", в 1877 году обло-

---

1 Снесарев А. Е. Цит. раб. стр. 95.

2 По данным отчёта Мадрасского правительства за 1879—80 г. перепечатанным газетой „Таймс оф Индия" 21/IV—1881 г.

3 Фактически „голодный фонд" был истрачен правительством Литтона на афганскую войну 1878—80 г., а не на помощь голодающим.

жение было повышено однажды. Не довольствуясь этим, колонизаторы повысили его еще раз в 1878 году. (№ 108, стр. 280). С расположенной в районе восстания деревни Дорачинталаполам в 1879 году налог был повышен на 40% (№ 109, стр. 268).

Быстро повышался и налог „абкари". В талуке Рекапили дистрикта В. Годавари, на которую также распространялось восстание, в короткий срок этот налог был утроен (№ 109, стр. 264).

Естественно, что усиление и без того тяжелого гнета вызывало острое недовольство среди населения. Проф. И. П. Минаев писал: „...Причины недовольства сводятся все к одной главной—высокие налоги, доходящие до 4 ш. с человека. Побочные причины: запрещение пользоваться лесом, патентный сбор. Цырюльник в деревне, иногда не получающий и трех рупи в месяц, обязан платить гораздо больше. Высокие налоги на землю. Плата податей деньгами, а не натурой...". „Налог на соль. Запрещение производить соль из морской воды. Собирать листья и хворост в лесу... подати тяжки и не смягчаются даже в голодные годы"[1]...

К невыносимому налоговому гнёту присоединялись вымогательства феодалов и полиции.

В дистриктах Годавари, явившихся очагом восстания „Рампа" 1879—80 г. г., крестьяне испытывали гнёт со стороны крупных феодалов—„мансабдаров", из них вымогали средства мелкие полуфеодалы, подчиненные мансабдарам,—муттадары, откупщики налога „абкари". Издевательски к крестьянам относилась полиция. Даже официальные публикации английских властей вынуждены были признать, что поведение полиции было безобразно (№108, стр. 280). Мансабдары обязаны были взимать твердо установленную сумму налога с муттадаров, но нарушали это обязательство. Взимание сверх установленной суммы мансабдаром Чодаверама явилось причиной восстаний в этом районе в 1858 и 1862 г. г. (№109, стр. 272). Субарендатор деревни Бирампалли, который сам платил 40 рупий, вымогал с крестьян 300 рупий (№109, стр. 267).

Гнёт колониального режима, который приводил индийское крестьянство к невыносимым мучениям в обычное время и к гибели миллионов людей при неурожае, не мог не вызывать недовольства и возмущения. Этот рост возмущения был настолько очевиден, что его замечали и наиболее дальновидные из колонизаторов, хотя и отгораживавшиеся от индийцев расовым пренебрежением. Один из чиновников писал: „Вследствие увеличения земельного налога, гражданских судов, жадности ростовщиков и невежества народа в течение многих лет уже надвигается большая социальная революция"(№98, стр. 49).

Сведения об ужасном положении индийцев и нарастании революционной ситуации проникали, таким образом, на страницы европейской печати. Консервативный вице-король Литтон приказал раздувать версию, якобы недовольна лишь индийская интеллигенция. Вместо принятия мер к облегчению положения крестьянства, он заботился лишь о том, чтобы сведения о положении в Индии не проникали в печать, а индийцы были бы лишены возможности борьбы. Отсюда и исходили такие меры Литтона, как цензура над индийской печатью, воспрещение носить оружие, снижение возрастного ценза для поступления в „Индийскую гражданскую службу".

Этими мерами, конечно, не удалось ни предотвратить нарастание

---

[1] Архив И. П. Минаева. 21 $\frac{605}{\text{из } 30}$.

возмущения ни закрыть доступ сведениям о положении индийцев в Европу. Проф. И. П. Минаев отмечал в дневнике своего путешествия по Индии в 1880 году: „Убеждение англичан, что в Индии недовольны только образованные классы ложно. Недовольны земледельцы".[1] Подытоживая свои впечатления от этого путешествия по Индии, профессор писал, что настроение индийского общества „действительно тревожное и положение британской власти может быть названо критическим... Наибольшее недовольство вследствие тяжести налогов, голодов следует признать в сельском или земледельческом населении, особенно в южных частях Бомбейского президентства"[2].

К. Маркс, который внимательно следил в это время за положением в Индии, дал непревзойденную по остроте и яркости характеристику внутренней обстановки в стране, оценивая последнюю как нарастание революционной ситуации:

„...То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев—в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр. то что они берут у них **без всякого эквивалента**, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, т. е. **стоимость одних только неоплачиваемых продуктов**, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, **превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии!** Это—настоящее кровопускание, это вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причём голод достигает размеров, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают. Среди населения зреет настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане".[3]

---

[1] Архив И. П. Минаева. $106\frac{605}{из\ 42}$ записи 31/I—5/II—1880 г.

[2] Там же, 21 $\frac{605}{из\ 30}$.

[3] Переписка К.Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Госполитиздат, 1947, стр. 90.

Часть вторая

АНТИАНГЛИЙСКАЯ И АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА В ИНДИИ В 70-х ГОДАХ XIX ВЕКА

ГЛАВА IV

АНТИАНГЛИЙСКАЯ И АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ В 70-х ГОДАХ XIX ВЕКА.

(Пенджаб. Северо-Западные провинции и Ауд. Бенгал).

Индийское крестьянство занимало важнейшее место среди всех сил, боровшихся против английского господства в Индии в 70-х годах XIX века.

После прокламации королевы Виктории (1858 года) средние и крупные феодалы окончательно превратились в раболепных слуг колониального режима. Из их числа лишь отдельные единицы осмеливались по временам выходить из беспрекословного повиновения английским хозяевам. Из числа крупных феодалов в 70-х годах лишь гаэквар Бароды осмелился в какой-то форме проявить недовольство. Оппозиция средних феодалов и буржуазии не шла дальше низкопоклонных петиций парламенту. Рабочий класс был ещё очень слаб.

И лишь героическое крестьянство развернуло в 70-х годах широкое антианглийское и антифеодальное движение. Его выступления в этом десятилетии достигли небывалой дотоле остроты и напряженности. До этого периода крестьянские выступления были небольшими и разрозненными во времени и пространстве. Начав крепнуть и расширяться в 60-х годах они достигли своего наивысшего подъёма в 1879 году.

Крестьянское движение в Индии в 70-х годах XIX века показало значительные изменения в своих формах и содержании. Если до 70-х годов преобладали мелкие и одиночные выступления, теперь преобладали мощные и широкие крестьянские движения. Если ранее преобладала борьба за экономические требования, в 70-х годах начинают большее место занимать движения под политическими лозунгами, особенно же—под лозунгом независимости родины. И если до 70-х годов сколько-нибудь крупные движения проходили под религиозной оболочкой, в этом десятилетии отмечается появление крестьянских союзов без этого пережитка средневековья; теперь союзы райотов часто организуются исключительно для целей экономической или политической борьбы.

* * *

Из всех местностей Индии лишь в Пенджабе и Бенгале и то лишь в начале исследуемого десятилетия отмечаются движения в религиозной оболочке. Такими движениями были „намдхари" в Пенджабе и „ваххабиты" (фараизиты) в Бенгале.

Проповедь ваххабизма со стороны его основателя Сеид-Ахмада начиная с 1819—1820 г. г. нашла особенно благодарную почву в Н. Бенгале, благодаря особенностям религиозной и социальной принадлежности различных слоев его населения. Местные феодалы здесь являлись и являются индусами, а рядовые райоты и внекастные—мусульманами. По этой причине антифеодальная борьба крестьян в Вост. Бенгале и вылилась сначала в форму религиозной борьбы.[1]

Сеид Ахмад обличал неверие, испорченность мусульман, продажность духовенства. Он требовал возврата к первоначальной чистоте ислама, результатом чего должно было явиться освобождение от ига неверных. Главным требованием новый „пророк" выдвигал догму ислама о неподчинении иноверной власти, с которой следует вести священную войну.

Набранные среди низших каст Бенгала людские кадры центр выххабитов, находившийся в Патне, по нелегальному этапному тракту переправлял через всю сев. Индию в горный лагерь Ситана на границе с Афганистаном. Основу финансов секты составлял 2 ½% сбор с доходов членов секты.

Преемники Сеид-Ахмада в руководстве ваххабитов наладили стройную иерархическую систему управления. Опираясь на укрепленный лагерь Ситана и поддержку окружающих горных патанских племён, ваххабиты десятки лет вели борьбу против английских захватчиков.

В периоды подъёма крестьянского движения ваххабиты выступали и в самом Бенгале, несмотря на трудности борьбы по соседству с резиденцией правительства. В 1831 году только после наступления регулярных войск с артиллерией и слонами было подавлено выступление под руководством Титу Мийяна. Это выступление было антианглийским и антифеодальным. Попытки представить его лишь проявлением религиозно-общинной розни со стороны буржуазных историков несостоятельны, т. к. даже английские колониальные чиновники признавали, что в этом случае восставшие крестьяне „врывались в дома землевладельцев, совершенно не разбирая мусульман и индусов" (№106, стр. 109). Колониальные власти в 1843 году и 1851 г. ввели специальные законы, а в 1852 году — создали должность особого уполномоченного по борьбе с крестьянским движением. Несмотря на репрессии, количество ваххабитов росло. В 1853 году было осуждено значительное количество сипаев за связи с повстанцами.

Вопреки распространённому мнению, в 1857—59 г. г. ваххабиты не остались безучастными зрителями народного восстания. В 1857 году ваххабиты из Ситаны совместно с горцами произвели большой набег в Пенджаб. Правительство снарядило большую карательную экспедицию, которая разрушила Ситану. Повстанцы отступили в горы. В г. Патне организованное восстание было предотвращено превентивным арестом вождей ваххабитов. Но в Шахабаде повстанцы были хозяевами дистрикта с апреля по декабрь 1858 года. Их сопротивле-

[1] „Партия сформирована из низших внекастных"—сообщал „Отчёт об обложении дистрикта Пешавар" (№ 68 стр. 39).

ние было подавлено лишь после сосредоточения более 7 тысяч регулярных войск (№ 105, стр. 459—463).

Борьба крестьян в Бенгале против феодального и колониального гнёта возобновилась в 1859 году. В этом году бенгальские райоты, которых плантаторы-англичане заставляли сеять и за бесценок сдавать им индиго, принесли на это коллективную жалобу властям. Опасаясь возобновления волнений колониальные власти сначала признали справедливость жалобы райотов. Но затем под давлением плантаторов и их друзей из числа влиятельных колониальных чиновников провинциальное правительство предписало крестьянам выполнить те контракты, которые были уже подписаны. Сотни райотов предпочли пойти в тюрьму, чем продолжать принудительно сеять индиго. Одновременно райоты начали опустошать плантации и нападать на фактории плантаторов. В такой обстановке проводила расследование обстоятельств дела с мая по август 1860 года правительственная комиссия, которая была вынуждена в связи с этим вынести решение в пользу райотов (№110, стр. 15—17). Комиссия решила, что, если плантаторы нуждаются в индиго, они должны платить соответствующую цену.

Ассоциация плантаторов добилась отдачи под суд и осуждения переводчика на английский язык книги, разоблачающей бесчеловечную эксплоатацию на индиго плантациях („Нил дарпан")—Лонга и снятия с поста секретаря бенгальского правительства, который возглавлял комиссию по индиго (№113, стр. 133—134; №110, стр. 20). Плантаторы пытались добиться отмены решения комиссии по индиго. В результате сопротивления райотов в конце 1860 года борьба между ними и плантаторами возобновилась.

В такой ситуации губернатор Бенгала Грант указал плантаторам, что они могут компенсировать себя за повышение цен на индиго, если в полной мере используют возможности для сгона бесправных и повышения ренты постоянных арендаторов, предоставленные им законом 1859 года. В этих целях бенгальское правительство установило в районах выращивания индиго т. н. „суды по малым делам" с ускоренной процедурой.

Плантаторы пытались пойти по пути, рекомендованному правительством. Один плантатор из Кишнагарха, удвоив цену за индиго, в три раза увеличил ренту. Райоты отказались уступить и отказывались и сеять индиго и платить теперь не только увеличенную, но всякую ренту. Началась едва ли не первая, известная нам, стачка крестьян.

Боясь угрожающего им разорения, плантаторы потребовали введения военного положения и военных судов. Но и такие меры не заставили крестьян уступить. Борьба длилась весь 1861 год. В 1862 году стало ясно, что упорство и настойчивость райотов победили. Одна за другой начали закрываться индиговые фактории. Плантаторы продавали имения и избирали себе другое поле деятельности (№110, стр. 20; №113, стр. 133—135).

В нашем распоряжении нет исчерпывающих сведений о руководителях борьбы крестьян против плантаторов индиго. Можно полагать, что это руководство осуществлял ваххабитский конспиративный центр. Известно, что отец виднейшего лидера ваххабитов—Эмир-уддина организовал фонд для защиты крестьян от притеснений плантаторов и помогал им в защите от судебных преследований со стороны землевладельцев.

Одновременно с выступлениями на индиговых плантациях усилилась борьба на северо-западной границе Индии. В 1861 году ваххабиты вернулись в Ситану и восстановили здесь свой укреплённый

лагерь. Преемники Сеид-Ахмада (халифы—наместники) усилили переброску людских и материальных ресурсов из Бенгала в Ситану.

К 1863 году вооруженные бои на северо-западной границе достигли большой остроты и напряженности. Англичане направили в горы всю бенгальскую армию. В союзе с горцами-патанами ваххабиты окружили основные силы англо-индийской армии в горном проходе Амбейла в середине октября 1863 года. Англичанам не удалось достичь победы военными средствами. Но путём подкупа и провокаций к средине декабря 1863 года английские агенты откололи от коалиции большую часть горных племен. Англо-индийская армия оттеснила ваххабитов, разрушила их укрепленные лагери Ситану и Малку, но нанести решающее поражение ваххабитам не смогла.

Несравнимо бо́льших успехов в подавлении ваххабитского движения достигли англичане после того, как их разведке удалось выследить и разгромить организационные центры ваххабитов в 1864 году.

Последовала серия процессов. В течение 1864—1871 г. г. не только главные, но и второстепенные руководители ваххабитов были осуждены и сосланы. После подъёма борьбы ваххабитов в 1863—64 году, хотя и был ряд крупных выступлений (в 1868, 1871 г. и т. д.), но никогда больше их движение не достигало такого размаха.

В начале 1870-х годов ваххабиты перешли к индивидуальному террору. 20/IX—1871 г. верховный судья Норман, осудивший ваххабитского вождя Эмир-уд-дина и присуждавший других ваххабитов к тяжелым наказаниям, был убит на лестнице суда. Убийцу повесили.

Не прошло и трех месяцев, как 9/II—1872 г. во время инспекционной поездки на Андаманах был убит вице-король лорд Майо. Хотя правительственные сообщения утверждали, якобы убийство не имело политической подкладки, источники подтверждают связь убийцы с вождями ваххабитов, местом ссылки которых были как раз Андаманы. Два из них присутствовали даже на вечере, который устроил убийца (расконвоированный заключенный-мусульманин) пред своим удачным покушением на вице-короля. По приезде в Калькутту преемника Майо по городу были расклеены листовки, призывавшие расправиться с новым вице-королем так же, как расправились с лордом Майо.

Несмотря на поражение ваххабитов в 1860-х г. г., они продолжали свою борьбу. Их участие в горной войне в конце XIX и начале XX века ещё ждёт своих исследователей.

Движение ваххабитов, хотя и было облечено в религиозную форму, являлось борьбой крестьянства Сев. Индии против феодального и колониального угнетения. Наряду с таким пережитком средневековья, как религиозная форма, это движение имело ряд черт политической конспиративной организации, отражая на себе особенности национально-освободительной и антифеодальной борьбы в условиях Индии 1860-1870-х г. г.

* * *

Пенджабское крестьянство всегда славилось своим свободолюбием, храбростью и упорством в борьбе с угнетателями. Их борьба против власти феодальной империи Великих Моголов в средние века была облечена в религиозную форму, как многие другие движения средневековья. В ходе борьбы сложилась сикхская религия, провозглашавшая равенство людей и отрицавшая сословно-кастовые деления ортодоксального индуизма. Под знаменем новой религии сикхи добились и независимости Пенджаба.

Ко времени английского завоевания (1845—1949) чистота первоначальной сикхской религии была утрачена в связи с развитием в Пенджабе феодальных отношений. У сикхов появилась выделившаяся из их числа феодальная верхушка. Обострение классовой борьбы явилось одной из главных причин падения сикхской державы.

Среди пенджабских патриотов появилась идея о необходимости возрождения первоначальной чистоты сикхизма, что, по мысли свободолюбивых сикхов должно было вернуть им былую силу и независимость. Этим и объясняется возникновение в 1847 году религиозной секты „намдхари" („воспламененные именем"),—реформаторского течения в сикхизме (см. № 64, стр. 213; №48 d, § 326; № 46, стр. 131-133 и др.).

Основателем „намдхари" считается уроженец дистрикта Равальпинди Балак Синг.

В 1863 году взамен умершего Балак Синга руководителем—„гуру" секты стал плотник из деревни Бхайни в окрестностях Лудхианы Рам Синг. (№ 48d, § 326). В связи с экспроприацией земли у крестьян Пенджаба и усилением гнета в 1860-х годах количество членов „намдхари" стало быстро увеличиваться за счёт беднейших слоев деревни и сипаев. Последнее обстоятельство, несмотря на внешне чисто религиозный характер секты, встревожило правительство. Рам Синг был поставлен под гласный (1863), а затем под негласный надзор полиции (1867). По армии был отдан приказ, воспрещающий вступление сипаев в „намдхари". Были стеснены действия секты и среди гражданского населения.

Открыто проповедуемые догмы секты заключали в себе поучения морального порядка. Но в связи с таинственностью, какой были окружены собрания секты, англичане предполагали в „намдхари" (или „куках", как они их называли) глубоко запрятанные политические цели Русская пресса считала „намдхари" приверженцами Дулиб-Синга, последнего махараджи Пенджаба, находившегося в английском плену.

Предположение об антианглийской направленности „намдхари" подтверждалось не только составом секты (из низших каст деревни и „внекастных"), но и тщательно охраняемой ими тайной своей переписки и собраний, созданием своих школ и стройной военного типа организацией управления. Во главе дистриктной организации секты стояли подчинявшиеся непосредственно Рам Сингу „суба". В каждом городе делами секты управляли два „джатхедара", а во главе деревенских организаций стояло по одному „грантхи". За пределами Пенджаба (например, в Кабуле) Рам-Синг имел представительства. Свои циркуляры и внутреннюю переписку „намдхари" не доверяли англо-индийской почте, а посылали со специальными курьерами. Для опознавания друг друга „намдхари" имели пароли и другие известные им признаки.

Вопреки полицейским стеснениям, количество „намдхари" возрастало.

Несомненно, что „намдхари" принимали активное участие в волнениях 1868-69 г. г. против экспроприации земли, которые начались в окрестностях священного города сикхов—Амритсара. Как известно, англичане прибегли в связи с этим к маневру, своим законом о „постоянной аренде" замаскировав и замедлив экспроприацию крестьянской земли в Пенджабе.

Под влиянием бедствий Пенджабского крестьянства во время голода 1868-69 года активность „намдхари" возросла. Вице-кородь Лоуренс

приказал усилить негласный надзор за всеми руководителями секты, а в Лудхиане поставил сильный гарнизон. По его требованию начал борьбу с „намдхари" князь соседней Патиалы, где особенно много в конце 1860-х годов вступило новых членов в секту.

Проводя в это время борьбу против ваххабитов и опасаясь выступления быстро укреплявшихся „намдхари", колониальные власти усилили свою политику разжигания религиозно-общинной розни, перешли к грубым провокациям индо-мусульманских столкновений.

Уже в 1870 году, по словам одного наблюдателя, „Пенджаб был в неспокойном и реально опасном состоянии". А в 1870 году колониальные власти предприняли действия, которые имели ещё более значительные последствия.

До английского завоевания в священном городе сикхов Амритсаре не только под страхом смерти было воспрещено убийство священных животных индусов—коров, но была воспрещена даже их продажа.

В 1847 году англо-индийские власти, опасаясь восстания сикхов, воспретили забой коров в Амритсаре и его окрестностях. Теперь, в 1870-м году, колониальные власти построили в Амритсаре бойню, оскорбляя религиозное чувство сикхов (а тем более—их крайнее крыло „намдхари") и провоцируя их на преждевременные выступления (№ 93, с. 308).

Перед руководством „намдхари" встала дилемма: или допустить безнаказанно убийство коров в Амритсаре и тем ослабить, а может быть совсем потерять свое влияние, или выступить в их защиту и быть разгромленными. В такой обстановке с 14/VI-1871 года начались тайные убийства мясников на бойнях (а ими могли быть лишь мусульмане) членами секты „намдхари". Начались индусско-мусульманские столкновения. Власти начали уничтожать „намдхари", но не как за политические выступления, а как уголовных преступников-убийц.

Факт постройки бойни в Амритсаре в 1870 году является доказательством, что уже тогда англо-индийские власти считали провоцирование общинной розни условием сохранения своей власти над Индией.

В обстановке возбуждения, в котором находились „намдхари" под влиянием столкновений с мусульманами, казней их единомышленников, в любой момент новая провокация могла вызвать более массовые выступления. Такой провокацией явилась ссора членов секты в княжестве Патиала с полицией г. Малер-Котла из-за мучений, а затем убийства священного для индусов животного—быка.

На очередном съезде в Бхайни этот случай стал известен. Поднялась буря возмущения. Наиболее ревностные и горячие головы требовали наказать владетеля Малер-Котла вооруженной рукой. Рам Синг, понимавший бессмысленность и вредность для его секты такого выступления, не смог убедить наиболее фанатичных последователей, которые вышли из его повиновения.

„Гуру" попытался спасти свою секту от грозившего разгрома, отмежевавшись от будущих повстанцев, а м. б. предотвратив их выступление при помощи колониальных властей. Ещё за 2-3 дня до событий он сообщил властям о выходе части секты из повиновения и о готовящемся выступлении. „Что предприняла полиция в этом случае,—неизвестно",—писала газета „Таймс. (19/II-1872). Бездействие властей после полученного сигнала показывает, что они не были заинтересованы в мирном исходе инцидента.

Выступление безоружных или плохо вооруженных сектантов вблизи от собранной к Дели на летние маневры бенгальской армии во главе с главнокомандующим и наличие гарнизонов в окрестностях Бхайни исключало возможность даже временных успехов „намдхари". Выступление же с оружием в руках части секты давало властям предлог разгромить всю секту.

В ночь с 13 на 14 января 1872 года один отряд повстанцев, (численностью до 200 человек, по сообщению „Таймса") атаковал форт (замок) Малодх (около 20 миль к ю.-в от Лудхианы). Целью нападения было—добыть оружие для дальнейших действий, одновременно наказав владетеля Малодха—сардара Бадан Синга (родственника и вассала махараджи Патиалы) за помощь властям в связи с делами об убийствах мясников и преследования их единомышленников. „Намдхари" удалось ворваться в Малодх. Они ворвались даже в покои владетеля и ранили сардара, но затем были вытеснены из города, не успев добыть оружия.

Невзирая на неудачу и недостаток оружия, увеличившиеся в числе „намдхари" к вечеру 14/I подступили к г. Малер-Котла. Здесь они при удаче могли не только наказать местные власти, но и запастись оружием, включая артиллерию.

В действиях „намдхари" проявилась однако медленность и нерешительность, явившаяся результатом отсутствия настоящего руководства и организованности. Эта медленность и нерешительность предопределила их скорое поражение. Вместо того, чтобы атаковать город с ходу вечером 14/I, повстанцы остановились в поле перед городом. Тем самым они дали возможность властям Малер-Котла сообщить о нападении в Патиалу, Дели и Лудхиану и в соседние округа, собрать дополнительные силы и подготовить гарнизон к отражению штурма.

На рассвете 15/I „намдхари" начали атаку. Им удалось форсировать устаревшие укрепления Малер-Котла и оттеснить гарнизон внутрь города. Но на площади перед казначейством их атака была отражена. Понеся значительный урон и при недостатке огнестрельного оружия не имея возможности продолжать наступление, повстанцы начали отход из города, а затем рассеялись.

При штурме Малодха и Малер-Котла власти потеряли убитыми и ранеными до 30 человек, а повстанцы-около 40. Преследуя отступавших, правительственные войска настигли лишь группу, прикрывавшую раненых, вместе с которыми и взяли ее в плен в количестве 68 человек. Общее количество штурмовавшего отряда может быть оценено в связи с этим в 250-300 чел.[1]

При получении известия о выступлении „намдхари" англичан объяла паника. Главнокомандующий лорд Непир спешно направил в Лудхиану $2^1/_2$ пехотных, 1 кавалерийский полки, $2^1/_2$ батареи артиллерии.

В Малер-Котла прибыл 16/1 пом. начальника округа Кован. Под влиянием слухов о новых отрядах „намдхари", направлявшихся к городу, он приказал 49 пленных расстрелять 17/1 из орудий.

Прибывший вслед за ним начальник округа Форситц расстрелял остальных 16.[2] Рам Синг и его „суба" были немедленно арестованы.

---

[1] Хотя „Туркестанские ведомости" считают до 500. См. 15/V 1872 г.

[2] В числе 68 пленных было 2 женщины. Один пленный, оказавший сопротивление во время расстрела был изрублен клинками.

После оказалось, что никаких новых отрядов повстанцев не было. Массовый расстрел из пушек без суда и следствия выглядел или излишней жестокостью или позорной трусостью и паникой.

В ответ на возмущение общественного мнения правительство отыгралось на Ковane, уволив его со службы (хотя действия последнего были одобрены и его начальником округа и губернатором Пенджаба).

Однако, арестованное руководство секты англичане не освободили. Рам Синг со своими „суба" был сослан в Рангун (в Бирме), где и умер в 1888 году. Все „намдхари" подверглись репрессиям и ограничениям, включая воспрещение отлучаться из своей деревни. Деятельность „намдхари" после этого надолго замерла.

Высказанные выше замечания об особенностях движения ваххабитов в основных чертах справедливы и для „намдхари". Но последние были спровоцированы на выступление, не успев укрепиться, и были разгромлены.

* * *

В январе 1872 года была разгромлена колониальными властями также крестьянская организация племени санталов.

Санталы давно были известны своим свободолюбивым и независимым характером. Восстание санталов в 1855 году навело ужас на колонизаторов и явилось грозным предвестием событий 1857-1859 г.

Восстание санталов в 1855 году вспыхнуло в ответ на притеснения со стороны ростовщиков и заминдаров. В нём участвовало до 30 тыс. сантальских воинов. С большим трудом правительство подавило это восстание при помощи значительных отрядов регулярных войск. История этого восстания настолько мало известна, что даже длительность его исчисляется различно—от семи месяцев до двух лет.

После подавления этого восстания сантальские парганы были изъяты из обычного колониального управления. Они были выделены в отдельный дистрикт, управляемый британскими чиновниками, которые были наделены такими правами, что их управление приближалось к режиму военного времени. Положение санталов улучшено не было.

Ободренные подавлением восстания и получившие по закону 1859 года еще большие возможности для эксплоатации райотов заминдары и ростовщики „сделали участь населения худшей, чем рабство". В 1866 году горцы созвали съезд, которым положили начало сантальской ассоциации райотов. Первоначально они надеялись добиться облегчения своей участи коллективной жалобой правительству. Во второй половине 1860-х годов состоялось еще два съезда представителей и один расширенный многотысячный митинг санталов, на котором присутствовало до 5 тыс. горцев.

В конце 1871 года было созвано ещё одно большое собрание, по решению которого представители санталов обратились с жалобой к местным колониальным властям в Нья Думка. Колониальные бюрократы не пожелали войти в положение райотов. Когда же представители сантальского союза проявили настойчивость в переговорах с чиновниками, доходя до угроз, то были арестованы. Последующие обращения санталов к британским властям в Бхогалпуре также не привели к положительным результатам.

Видя безрезультатность петиций, санталы ультимативно заявили, что будут ждать мер властей по своим жалобам два месяца, по истечении которых намерены, „если ничего не будет сделано, самим стать своими собственными судьями"(№ 81, 4/III-1872). Горцы открыто готовились к восстанию. В окрестностях Салтанабада царило возбуждение.

Уже были введены военные сигналы, пароли и условные знаки. С минуты на минуту могло вспыхнуть большое кровопролитное восстание.

Местные власти спохватились. Сведения о готовящемся восстании проникли в прессу. В дело вмешался сам губернатор Бенгала Кемпбелл. Среди санталов были произведены аресты. Деревенских старост отстранили с занимаемых должностей. Были приняты меры на случай восстания.

Одновременно Кемпбелл спешно разработал и добился утверждения вице-королем и его советом т. н. „Майских регуляций 1872 года". По этим „регуляциям" в сантальских парганах проценты по ссудам не должны были превышать 25% в год и никогда—всю сумму; права „постоянной аренды" предоставлялись и арендаторам, арендующим свыше 12 лет, участок которых был обменен в той же деревне; сельским старостам возвращались их должности (№ 81,5/VI-1872; № 101, т. VI, с. 102).

Это была, хотя и частичная, но победа крестьян. Британские власти испугались назревавшего восстания и организованности в его подготовке и пошли на уступки, хотя и успели арестовать ряд лидеров сантальского союза. Крестьяне поверили в обещанное улучшение их участи. Часть их была обманута обещаниями предоставить права „постоянной аренды". Выступление с оружием в руках не состоялось.

Вскоре санталам пришлось убедиться, что они обмануты. Их положение не улучшилось. Они продолжали погружаться „все глубже и глубже в долги и нищету". Теперь они на собственном опыте поняли, что не только землевладельцы и ростовщики, но и правительство является „прямой причиной нищеты, в которую они ввергнуты"(№ 80,1/I-1881).

В конце 1880 года санталы готовились вновь восстать под руководством вождя Хусейна Бабаджи. Колониальным властям удалось арестовать вождя и тем предотвратить массовое выступление.

Факт создания на рубеже 1860 и 1870 годов крестьянского союза среди одной из наиболее отсталых народностей Индии является свидетельством освобождения индийского крестьянства от средневековых форм борьбы и перехода к формам борьбы крестьянства, наблюдающимся в более развитых странах. В этом нельзя не усмотреть влияния развития в Индии, вопреки колонизаторам, капитализма и заметного к 1870 годам роста рабочего класса. Известно, что к этому времени Калькутта—столица Бенгала стала значительным промышленным центром. Санталы систематически поставляли в Калькутту многотысячные отряды кули-грузчиков, поденщиков, чернорабочих и т. п. Значительная часть крестьян-санталов перебывала на отхожих промыслах. Только этим и можно объяснить, что первый крестьянский союз без религиозной оболочки с открытой целью борьбы за свои экономические интересы организовался среди народности, которую К. Маркс называл „полудиким племенем"[1].

* * *

Переход индийского крестьянства в 1870 гг. от средневековых форм борьбы к более развитым подтверждается тем, что сантальский союз не был единичным случаем. В 1872 г. в бенгальских дистриктах Пабна и Богра вспыхнули крупные крестьянские волнения. Причиной волнений послужило то, что, используя закон 1859 года, который „позволял землевладельцу увеличивать ренту, даже когда она доволь-

[1] К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии. Госполитиздат, 1947, стр. 151.

но выгодна, если он сможет доказать, что в окрестностях за подобные участки взимают бо́льшие суммы", (№ 72, с. 103) „заминдары попытались незаконно осуществить большое увеличение ренты" (№ 47, с. 17). В ответ на это райоты „начали организовываться для систематического сопротивления в то, что они называют „бидрохи" (союз), под руководством мелкого земледельца. Их требованием было—самая большая „бигха" для измерения и самая низкая рента. Были сформированы большие отряды из селян" (№ 47, с. 17).

В результате карательных действий бенгальских властей эти волнения были подавлены. По официальным данным арестовано было 300 человек, 147 из которых были осуждены (№ 47, с. 17).

Волнения в дистриктах Пабна и Богра достигли таких грозных для колонизаторов размеров, что англо-индийское правительство не решилось оставить требований крестьян без последствий, несмотря на поражение повстанцев.

Англо-индийское правительство приступило к разработке нового аграрного закона. По словам Кембриджской истории именно волнения 1872-73 года в Пабне и Богре явились причиной выработки и введения „Бенгал Тенэнси Акт" 1885 года, заменившего закон 1859 года. По закону 1885 года круг „постоянных арендаторов" был расширен. Были изменены и некоторые другие положения закона 1859 года.

Значение событий 1872-1873 года в Пабне и Богре не только в том, что они заставили англо-индийское правительство сделать частичные уступки крестьянам и ввести в свою практику ещё больше политику маневров. Несравнимо большее значение эти события имели для крестьянского движения в Бенгале в дальнейшем. Опыт создания союзов и достижение крестьянами в результате организованной таким образом борьбы некоторых успехов привёл к тому, что „юнионистское движение распространилось. Очевидно, что такие локальные союзы райотов являются совершенно обычными в Восточном Бенгале"(№ 47, с. 17). Положить начало крестьянским союзам—в этом главнейшее значение восстания в Пабне и Богре для истории Индии.

* * *

В течение 1870-х годов в Северной Индии происходил ещё ряд крестьянских выступлений меньшего масштаба. В конце 1871 года в Ауде забастовали сельские ночные сторожа—„чаукидары" в связи с задержкой причитавшейся им от правительства оплаты.

В связи с введением подоходного налога и без того влачившие тяжёлое существование крестьяне ряда деревень Бенгала оставили родные места и ушли в Непал. Такая мера борьбы оказалась действенной. Правительство повысило необлагаемый минимум с 50 сначала до 75, а затем—100 фунтов стерлингов.

В 1874 году около Дарджилинга происходили „голодные бунты", подавленные регулярными войсками. Количество убитых и раненых было значительно. В 1873-74 г. крестьяне 16 деревень дистрикта Монтгомери оказали сопротивление увеличению обложения.

В начале 1879 года в дистрикте Фаридпур появился самозванец, провозгласивший себя падишахом. К нему примкнуло значительное количество райотов, которым он обещал в краткий срок свергнуть английское иго (№ 80, 31/III-1874). В результате отсутствия огнестрельного оружия восстание было подавлено в зародыше.

Героическое сопротивление захватчикам оказывали горные племена „лушаев", „дафла", „Нага". Особенно упорное сопротивление оказы-

вало племя „Нага". Его воины проводили в 1850-60-70-х годах десятки рейдов против английских военных и полицейских постов. В январе 1875 они уничтожили полностью один и нанесли значительные потери другому воинскому отряду, истребив 80 солдат и офицеров противника. Отправленная в марте 1875 года против „нага" карательная экспедиция разрушила 7 деревень, получила обратно вооружение и имущество уничтоженного отряда, но не добилась подчинения племени. В декабре того же года „Нага" уничтожили ещё один отряд (кап. Батлера). Только за 2 года (с 31/III-1874 по 31/III 1876 г.) „нага" провели 13 рейдов, уничтожив 225 правительственных чиновников, солдат и офицеров.

Англичане расставили на территории „нага" гарнизоны. Попытка заставить горцев переносить на руках снабжение для последних привела к новому крупному выступлению „нага" в конце 1879 года. Горцы уничтожили один отряд сипаев и осадили гарнизон Кохима.

Англичане подавили восстание лишь при помощи сосредоточения гуркхских войск и контингента князя Манипура в марте 1880 г.

Иным результатом закончилось в феврале 1878 г. восстание 5000 крестьян в княжестве Сукет (около Симлы). Выведенные из терпения притеснениями и вымогательствами пьяницы-раджи, его визиря и других чиновников, крестьяне захватили столицу княжества, арестовали княжеских чиновников, хотели убить визиря, но тот успел скрыться. Обеспокоенный такими событиями в 9 милях от его летней резиденции вице-король низложил раджу и изгнал визиря и его клику.

Наряду с массовыми выступлениями непрестанно происходили акты индивидуальной расправы с колониальными чиновниками, землевладельцами и ростовщиками. В 1870-х годах Индия находилась в состоянии непрерывной борьбы с английскими захватчиками. В ответ на предложение министерства по делам Индии ликвидировать бюджетный дефицит за счёт сокращения армии, вице-король Майо ответил, что „в настоящую критическую минуту" этого сделать никак нельзя, ибо „пушки—главное средство для поддержания спокойствия в Индии"[1].

* * *

Крестьянские восстания 1860 и 1870-х годов, которые до 1875 года развертывались главным образом в Северной Индии оказали значительное влияние на политику правительства и местной верхушки. Пенджабские помещики, объединившись в „Энджумен-и-Панджаб", протестовали даже против незначительного ограничения произвольного сгона крестьян, которое вводил закон 1868-69 года.

Перед лицом мощного подъёма крестьянского движения индийские феодалы забыли свои небольшие разногласия с правительством, не посмевшим по причине этого же подъёма открыто и безоговорочно выполнить все требования помещиков. Не кто иной, как помещик из Лудхианы—Сардар-Сахаб донес правительству о секте „намдхари"[2]. Влиятельные сикхские феодалы после выступления и разгрома „намдхари" поспешили представить губернатору Пенджаба адрес, в котором заверяли в своей лойяльности правительству и отсутствии связи между сикхской верхушкой и „намдхари". Местные князья и другие феодалы активно помогали в подавлении последних.

---

[1] Цит. по газ. „Туркестанские ведомости" 4/VII, 25/VII-1872.

[2] Архив И. П. Минаева 106 $\frac{605}{1 \text{ из } 42}$.

Эти замечания относятся и к индусским феодалам. Раджа Бардвана помогал англичанам в подавлении восстания санталов. Раджа Манипура все свои войска бросил на подавление восстания „нага". Индийские князья наперебой угодничали перед принцем Уэльским, посетившим в 1875 г. Индию.

Ещё большее влияние крестьянское движение оказало на мусульманскую верхушку. Мусульманские помещики, купцы и чиновники подобно сикхской и индусской верхушке поспешили отмежеваться от ваххабитов и заверить правительство в своей лойяльности. Влиятельный мусульманский феодал и колониальный чиновник Саид-Ахмад-хан Бахадур по выходе в свет книги В. Хантера „Индийские мусульмане" выступил против положения автора о борьбе ваххабитов с англичанами. Вопреки очевидной истине Саид-Ахмад-хан заявлял, якобы ваххабиты не мусульмане, а „кучка проходимцев" боровшихся будто бы не с англичанами, а только с сикхами.

Не довольствуясь такими заверениями, Саид-Ахмад-хан развернул широкую агитацию среди мусульманской верхушки. Он убеждал её представителей, что для них выгодно английское господство, ибо за его поддержку против индийского национально-освободительного движения английское правительство может предоставить мусульманским помещикам и купцам бóльшие привилегии, чем они получили бы от индусского большинства в свободной Индии. Желая придать больше значения своей поддержке англичанам и получить за измену родине больше должностей, титулов, орденов и имений, Саид-Ахмад-хан стремился повести за собою трудящихся мусульман. В этих целях он демагогически отрицал классовые противоречия среди мусульман и первый выдвинул лозунг „мусульмане—нация".

Позднее Саид-Ахмад-хан активно боролся всеми мерами против вступления мусульман в ИНК. Для этого он организовал одновременно с сессиями конгресса мусульманские съезды. Он яростно агитировал в пользу оценки ИНК, как индусской организации, противопоставляя ему мусульманские общинные организации. Своей деятельностью Саид Ахмад-хан заложил основы проанглийского общинного движения мусульманской верхушки, которое в дальнейшем развитии привело к образованию в 1906 году Мусульманской лиги, а в 1947 году—Пакистана.

Индийская буржуазия, тесно связанная с ростовщичеством и полуфеодальным землевладением относилась к крестьянскому движению резко отрицательно. Показателем позиции индийской буржуазии является заявление Д. Наороджи, якобы Индия „нуждается в британском мудром и благодетельном управлении" (№ 95, с. 226). В угоду своим хозяевам индийская буржуазно-помещичья интеллигенция фальсифицирует историю. Оценка событий в „Истории Пенджаба" С. М. Латифа ничем не отличается от официальных правительственных отчетов. Р. К. Ладжванти идет еще дальше, изображая выступление „намдхари" взрывом религиозного фанатизма с целью мести за убийство священного животного. Индийская буржуазно-помещичья интеллигенция в своей оценке англо-индийского правительства не шла дальше робкой критики „крайностей" карателей вроде расстрела из пушек нескольких десятков „намдхари" без суда и следствия. Притом не потому индийская буржуазно-помещичья интеллигенция осуждала эти „крайности", что сочувствовала своим соотечественникам, а потому, что опасалась возбудить такими мерами „крайне недовольное чувство, которое в любое время может отломить остриё от рукояти" (№ 41,т.54, с. 330).

В дальнейшем эти взгляды были восприняты Индийским национальным конгрессом, который появился на свет вскоре после описываемых событий и в значительной мере отражал расстановку сил, создавшуюся в результате крестьянской войны 1870-х годов в Индии.

Крестьянские восстания 1870-х годов, которые в I половине десятилетия развертывались главным образом на севере Индии, оказали свое влияние и на политику английского правительства. В первые годы десятилетия они оказались одним из существенных факторов, препятствовавших английскому правительству проводить более агрессивную внешнюю политику. В течение 1870—1873 года Англия была вынуждена расстаться с планом порабощения Средней Азии, после ряда дипломатических неудач признав Пяндж границей сфер влияния с Россией. Активным сопротивлением России была отражена английская попытка подчинения государства Якуб-бека в Зап. Китае. Франция помогла китайскому правительству ликвидировать английскую попытку подчинения Юньнани через связанного с Англией султана Сулеймана. Не смогла Англия воспрепятствовать и закреплению Франции в Индокитае.

Во внутриполитической жизни Индии английское правительство проводило курс союза и опоры на феодалов, провозглашенный прокламацией королевы в 1858 году. Англичане издали выгодный для феодалов закон 1859 года и предоставили им в Ауде и Пенджабе в 1860 году право сеньёриальной юстиции. В 1870-х годах они экспроприировали у нескольких сот тысяч пенджабских крестьян землю в пользу сардаров. Эти факты изобличают консервирование, а порой и насаждение англичанами в Индии докапиталистических порядков и с головой обличают предательскую сущность т. н. „теории деколонизации", которую проповедывал ренегат Рой.

В то же время сопротивление крестьянства мешало колонизаторам всегда открыто проводить свою политику союза с феодалами. Они были вынуждены в законе 1859 года уделить внимание деревенской верхушке. В конфликте на индиговых плантациях правительственная комиссия вынесла решение в пользу райотов. Волнения 1868—69 гг. в Лахорском и Амритсарском округах заставили правительство перейти к маневрам. Законом 1868-69 г. немедленная экспроприация земли у крестьян была растянута на ряд лет. Выступление санталов привело к „майским регуляциям" 1872 г., а волнения 1872-73 года в Пабне и Богре побудили правительство заменить закон 1859 года законом 1885 года.

* * *

Характерными чертами крестьянского движения в 70-х годах XIX века в Сев. Индии являются следующие:

1) перерастание крестьянских выступлений из стихийных вспышек и союзов в средневековой форме религиозных организаций в более высокую форму союзов чисто классовых и политических без религиозной оболочки под влиянием развития капитализма и распространения пролетарских методов борьбы растущего рабочего класса Индии;

2) понимание крестьянами связи феодального гнета с колониальным, а отсюда—переход от борьбы лишь только с местными угнетателями к сочетанию антифеодальной и антииностранной борьбы;

3) переход крестьян в ряде местностей Сев. Индии от борьбы за узко экономические требования к борьбе под лозунгами освобождения родины от иноземного господства, хотя и представляя себе это освобождение еще „царистски";

4) вместе с тем оно продолжало носить основные черты, присущие крестьянским движениям: локальность, отсутствие твердого руководства, стихийность.

Значение крестьянского движения в Сев. Индии в рассматриваемое десятилетие заключается в следующем:

1) крестьянские выступления этого периода способствовали окончательному закреплению начавшего складываться значительно раньше союза англичан с индийскими феодалами;

2) перед лицом широкого крестьянского движения, угрожавшего ее классовым интересам, индийская буржуазия отбросила имевшуюся ранее некоторую оппозиционность английскому управлению и охотно пошла на сговор с англичанами, желая сохранения их господства для подавления восстаний;

3) крестьянское движение 70-х годов является для отдельных местностей вехой, когда английские колонизаторы в проведении политики „разделяй и властвуй" начали прибегать к использованию, кроме классовой, кастовой и этнической раздробленности, и религиозно-общинной розни;

4) крестьянское движение также влияло на английскую внутреннюю политику, заставив сделать некоторые временные уступки крестьянам, приведя объективно также к уступкам англичан в пользу местной верхушки, и

5) ослабляло роль Индии, как базы для дальнейших колониальных захватов в Азии, способствуя неудачам на поприще этих захватов в первой половине 1870-х годов.

ГЛАВА V

ВОССТАНИЕ „РАМПА" В ГОРАХ ГОДАВАРИ

В январе 1950 года Индия была провозглашена независимой республикой. В действительности она попрежнему осталась под игом империализма, господство которого приняло более завуалированные, менее обнажённые формы. В проекте новой программы коммунистической партии Индии говорится: „...Наша независимость в решающей степени всё ещё находится в руках британского империализма".[1] Попрежнему перед Индией стоит задача национально-освободительной антиимпериалистической борьбы. Солидное место занимает в этой борьбе индийское крестьянство, составляющее 80% населения страны.

Буржуазно-помещичье правительство Индийского Национального конгресса не разрешило аграрный вопрос в Индии—основную задачу демократической революции на Востоке. „Миллионы наших крестьян, которые составляют 80 процентов нашего народа, задавлены эксплуатацией, как и прежде"...[2] „Сельское хозяйство и крестьянский вопрос имеют для жизни нашей страны первостепенное значение",[3] указывает программа компартии Индии. Попрежнему перед Индией стоит задача аграрной революции.

Задачи укрепления союза пролетариата и крестьянства и руководства со стороны индийского пролетариата антифеодальной и антиимпериалистической борьбой крестьянства настоятельно требуют изучения уроков крестьянского движения в Индии в прошлом. Исследуя крестьянское движение на юге Индии во время и после второй мировой войны, доктор исторических наук А. М. Дьяков заметил, что „на характер национального движения наложили свой отпечаток и исторические традиции..."[4] Совсем не случайно „наибольшей остротой и широтой размаха отличается движение народа андхра. В отношении остроты антифеодального и антиимпериалистического движения андхра стоят на первом месте в Индии."[5] Не случайно Теленгана, населённая народом андхра, оказалась в Индии первым районом, где впервые в истории последней возникли очаги народно-демократической власти.

---

[1] Журнал „Большевик" № 9 за 1951 г. стр. 59.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же, стр. 63.
[4] А. М. Дьяков. Национальное движение на юге Индии. Учёные записки Института Востоковедения, т. I. М.-Л. 1950, стр. 17.
[5] Там же.

Ряд лет пять миллионов андхра управлялись своими „панчаятами", неизменно отражая все наступления войск феодального правителя.

Изучение традиций борьбы народа андхра является вопросом актуальным и своевременным. Уроки восстания крестьян андхра в 1879-80 г.г. в области „Рампа" в горах Годавари, когда оно охватило территорию около 13 тысяч кв. клм и длилось свыше полутора лет, представляют несомненный политический и научный интерес.

* * *

В области „Рампа" волнения начались в 1835 году после смерти старого мансабдара. Лишь в 1848 году новый мансабдар фактически вступил во владение этой областью. Он немедленно начал притеснять население. Возмутительно себя держала и полиция. Вновь быстро начало возрастать не переставшее копиться недовольство.

Когда в 1875 году в области „Рампа" было возобновлено взимание налога „абкари", оно было отдано на откуп. Самый факт введения налога поднял недовольство населения до крайней степени, а в дополнение к этому мансабдар объявил, что будет взимать налог и в свою пользу. Вымогательства мансабдара вызывали недовольство и крестьян и муттадаров. Этим и объясняется присоединение многих из числа последних к восстанию 1879-80 г.г.

В накалённой политической атмосфере области „Рампа" после голода 1876-78 г.г., сопровождавшегося вместо уменьшения налогов их увеличением, достаточно было искры, чтобы вспыхнул пожар восстания. Такой искрой явились действия откупщиков „абкари". В качестве откупщиков „абкари" здесь подвизалась часть местных чиновников, широко используя подвластную им полицию.

Один из правительственных чиновников—откупщиков „абкари-такс" пытался при помощи полиции выколотить жестокими мерами недобранные по его развёрстке 400 рупий платы за надрезы на деревьях. В ответ на это крестьяне возмутились и напали на полицейских. Этот случай и явился началом восстания в „Рампа" в первых числах марта 1879 года

Свободолюбивые традиции горцев Годавари и наличие некоторого количества оружия, оставленного англичанами не отобранным у населения из-за обилия в области диких зверей, способствовали быстрому распространению восстания. В дальнейшем запасы вооружения и боеприпасов пополнялись с разгромленных полицейских станций, отбитых обозов и убитых или пленных солдат и полицейских.

Восстание быстро распространилось по территории „Рампа". Газета „Индиан Дейли Ньюс" писала: „От ссоры к бунту, от бунта к драке, от драки к возмущению одной или двух деревень, от маленького возмущения к небольшому восстанию, от небольшого восстания к тревожному беспокойному восстанию, от внушающего тревогу восстания к небольшой горной войне,—так прогрессировали дела в „Рампа".[1]

Уже 15 марта 1879 года газета „Мадрас Таймс" поместила статью об этих событиях под многозначительным заголовком: „Серьёзные беспорядки в Раджамандри". В этой статье сообщалось следующее.

Полицейский отряд, высланный неделю назад внутрь дистрикта, не даёт о себе никаких известий. Подозревают, что он полностью уничтожен повстанцами, которые в больших количествах окружили главные полицейские станции около Раджамандри. Горцы недавно обстреляли правительственный отряд. К восставшим уже присоедини-

[1] Цит. по газ. „Таймс оф Индия" 25/VII—1879 г.

лось полудикое племя мутахов. Повстанцы оказывают сопротивление полиции, которая пытается добиться подчинения исполнительным властям. Положение последних стало весьма опасным из-за отсутствия достаточного количества вооружённой поддержки.

В горы выехал помощник начальника дистрикта из Раджамандри Джонсон и начальник полиции Морис с 30-ю полисменами. Этот отряд смог продвинуться лишь до Чодаверама. Здесь путь им преградили массы повстанцев. Остановившийся в Чодавераме отряд был окружён горцами. Всякое сообщение и снабжение было отрезано; и осаждённые с трудом отбивали атаки повстанцев.

Немедленно по получении призыва о помощи в Чодаверам был выслан отряд полисменов под командой инспектора Врея. Последнему удалось пробиться в Чодаверам и освободить осаждённых[1].

Сопротивление, оказанное горцами отряду Врея, показало властям, что дело обстоит ещё серьёзнее, чем предполагали. Оказалось, что повстанцы имеют большие силы и действуют уверенно. Их стремления направлены к тому, чтобы привлечь к восстанию все недовольные деревни. Сообщение с Чодаверамом поддерживалось лишь со значительными трудностями. 24 марта газета „Таймс оф Индия" передавала слух из Мадраса, что восстание распространилось до Джагджиарета—деревни около Масулипатама. Последнее сообщение корреспондент закончил словами: „Вследствие более или менее враждебной позиции, воспринятой окружающими деревнями в области „Рампа" по отношению к нам, стало трудно оценивать точный размер недовольства".

Всеобщее сочувствие и поддержка повстанцам со стороны окружающего населения бесспорны. Проф. И. П. Минаев писал, что сельское население в области „Рампа" или само укрывало повстанцев или помогало им скрываться от преследования[2].

В Раджамандри была сконцентрирована полиция с нескольких дистриктов уже ко времени событий в Чодавераме. После тяжёлого для полиции похода карательного отряда инспектора Врея на выручку Джонсону всерьёз обеспокоенное правительство направило в Раджамандри подкрепление, состоящее уже не из полиции, а из регулярной пехоты—сипаев 39 полка.

В конце марта 1879 года объединённые силы пехоты и полиции повели наступление на деревню, в которой помещалось руководство и главные силы восставших, штурмовали её и нанесли повстанцам серьёзное поражение. Корреспонденция из Мадраса сообщала в конце марта 1879 года: „Некоторые, если не все, из главных заговорщиков восстания в „Рампа" были захвачены и пленены в главной квартире. Область с этого времени приняла сравнительно спокойный вид"[3].

Англичанам казалось, что восстание подавлено окончательно. В действительности кончился лишь первый период восстания, когда до прибытия значительного количества регулярных войск повстанцы действовали открыто, большими отрядами и даже осаждали гарнизоны в населённых пунктах. Поражение показало им, что с прибытием регулярных войск такая тактика является гибельной. Крупные отряды повстанцев исчезли. Это обстоятельство создало видимость подавления восстания.

---

[1] „Таймс оф Индия" 17 марта 1879 г.

[2] Архив И. П. Минаева 2I $\frac{605}{\text{из } 30}$.

[3] „Таймс оф Индия", 31 марта 1879 г.

* * *

Не прошло и двух недель со времени поражения повстанцев в их главной квартире, как англичанам пришлось убедиться в своей ошибке. Восстание в области „Рампа" продолжалось с прежней силой. 7 апреля был обстрелян отряд полиции из Визагапатама, находившийся в Годавари для помощи в подавлении восстания. Несколько дней спустя произошла стычка повстанцев с полицией. Около середины апреля повстанцы сожгли Вадапили. Попрежнему никто из властей не смел показаться из города без сильного конвоя.

Местные власти пытались повторить мартовскую операцию. В область вышел полковник Робертсон с сильным отрядом. Он прошёл до Гадалы, Недалура и Дорапили, не встретив сопротивления. Вожди повстанцев учли урок и не хотели повторять мартовской ошибки. Отныне они начали уклоняться от открытого боя с регулярными войсками.

Беспрепятственный поход полковника Робертсона ободрил полицию. Она попыталась вновь выйти в дистрикт немногочисленными партиями. Первая же из них подверглась нападению со стороны повстанцев. В стычке погиб сам командир карательного отряда.

В начале мая полиции удалось захватить в плен двух повстанцев, которых направили в тюрьму под сильным конвоем. Смелой атакой повстанцы освободили товарищей. Полиция в панике бежала, бросив вооружение, снаряжение и даже одежду.

Полиция начала производить аресты по одному лишь подозрению в помощи повстанцам. Так, например, был арестован некий Джотам с сыном.

В середине мая правительство направило в Раджамандри и Нурсипатам новые военные подкрепления.

Наряду с переброской подкреплений, мадрасское правительство начинает производить нажим на местных князей, владения которых кольцом окружали область „Рампа", требуя их содействия в подавлении восстания. Первым дал согласие раджа Питтапура, обещав навербовать и выслать в область „Рампа" за свой счёт 1000 сипаев.

Между тем, с помощью прибывших подкреплений полицейскому инспектору Милету удалось в начале июня настигнуть и разгромить в Джаддангхе отряд повстанцев, убив и ранив по одному и захватив в плен 16 человек. Однако, повстанцы успели взять реванш, разрушив полицейскую станцию Натаверам.

Мадрасское правительство не преминуло применить в борьбе с восстанием обычные средства английских колонизаторов: премии за убийство вождей и систему заложников. В начале июня полиции удалось захватить брата, жену и других членов семьи известного вождя повстанцев—Чендрии. Одновременно были объявлены суммы вознаграждений за арест руководителей движения. Значение последних отчасти может быть определено по суммам объявляемых наград: за Карема Таман—Дхору правительство предлагало 1000 рупий, за арест и сдачу Дхараконда Чендрии—200 рупий и Джампы Пондая—100 рупий. Соответствующее вознаграждение было объявлено за информацию, которая приведёт к их аресту.

Две неудачи подряд не обескуражили восставших. Действия одарённого вождя повстанцев Чендрии начали принимать всё более широкий размах. Неуловимый партизанский командир казался англичанам вездесущим. Только что сообщат шпионы, что Чендрия с 200 бойцов угрожает полицейской станции в Джаддангхе, куда едет спешно

инспектор Милет, а Чендрия уже за 30—40 миль оттуда громит полицейских. Быстрые переходы, короткие внезапные удары являлись отличительными чертами тактики этого вождя крестьянского восстания. По мере успехов росла и его популярность. Вместе с успехами расширялся и район восстания.

Корреспондент из Визагапатама сообщал, что восстание „Рампа" в июне месяце достигло гор на 100 миль выше Нурсипатама. Трудности же для войск и полиции возрастали ещё в большей мере, чем расширялся район восстания.

Развитие восстания облегчалось нежеланием полицейских-индийцев подавлять его. Когда отряду из 80-ти полисменов приказали отправиться в горы для борьбы с повстанцами, они отказались подчиниться. Они не изменили своего решения даже тогда, когда шесть полицейских офицеров—англичан обнажили палаши. Полисменам было приказано уйти в отставку, что те немедленно и сделали. Кроме того, из 450 вышедших в поле полицейских 250 слегли в госпиталь больные лихорадкой. Положение мадрасских властей усложнялось всё больше и больше.

* * *

Англичане начали после этого шире привлекать к подавлению восстания местных князей. 200 человек пехоты выслал в область „Рампа" раджа Визианаграма. Его же конники поддерживали сообщение с полицейским лагерем в горах. Примеру раджи Визианаграма последовали владетели других соседних княжеств—Туни, Питтапура. Одновременно в Нурсипатам из Визианаграма были отправлены 4 роты 17-го пехотного полка.

Прибытие сильных подкреплений в Раджамандри в июне месяце не создало перелома в ходе кампании в пользу англичан. Мало того, повстанцы к этому времени настолько усилились, что начали по временам проводить опять большие операции. Когда инспектор Милет, окрылённый предыдущей победой, прошёл вперёд в Аддатигалу, его здесь встретил Чендрия и после стычки заставил полицейский отряд отказаться от движения вперёд, затем его блокировал в Аддатигале. К Чендрии здесь присоединился Таман-Дхора. Они захватили запасы полицейских и отрезали их от всякого сообщения с внешним миром. Положение Милета было отчаянное. С трудом удалось ему сообщить о своём гибельном положении. От неминуемой гибели осаждённых полицейских спасло прибытие посланных на выручку отрядов полковника Канлифа и подполковника Фрейзера.

В горы Годавари были отправлены, кроме войск, отряды специально горной полиции, посланной в качестве подкрепления из соседних дистриктов—Визагапатама и Ганджама в количестве свыше 200 человек.

Увидев трудности борьбы с восстанием, раджа Питтапура ограничился высылкой одного небольшого отряда вместо 1000 обещанных сипаев. Отряды раджей сплошь бездействовали. В борьбе с сородичами они оказались англичанам бесполезны. Пассивно наблюдали борьбу сипаи Питтапура. Отказались сражаться и джейпурские „паики".

Отказ полицейского отряда выйти на подавление восстания и уклонение войск местных князей от столкновений с повстанцами показали англичанам, что прошло уже время, когда индийцы не осознавали совершенно национального единства. Перед заморскими хищниками вставало воспоминание о восстании 1857—59 г. г.

В действиях полицейских-индийцев и войск местных князей выражался пока ещё не осознанный достаточно, а стихийный протест, против английской политики „разделяй и властвуй". Этот протест являлся зародышем позднейшего единства индийского народа и армии в борьбе против иноземных завоевателей, нашедшего своё наиболее полное выражение в восстании моряков индийского флота в феврале 1946 года.

Значительное влияние на расширение района восстания имела победа повстанцев над отрядом капитана Блекслэнда. Этот отряд, состоявший из 60-ти полисменов и некоторого количества паиков, был послан из Джейпура в Чодаверам. В лесной долине его внезапно остановили повстанцы, и после ожесточённого боя отряд Блекслэнда был 3/VI-1879 г. разбит и отброшен назад в дистрикт Визагапатам. В июне месяце восставшие очистили от гарнизонов и сожгли все полицейские станции в области Рампа. Инспектор Пентакотты—Канния с трудом успел бежать, бросив свой отряд в начале боя. Последний был частично уничтожен и частично рассеян повстанцами.

Итогом операций в июне месяце 1879 года было очищение от правительственных чиновников, полиции и войск огромного района по реке Годавари и полный крах всех попыток англичан не только подавить, но даже локализовать восстание. Ход событий показал, что местная полиция и вспомогательные отряды из княжеств бесполезны англичанам для борьбы с восстанием.

Через четыре месяца после начала восстания и карательных операций, вместо подавления, британские господа имели перед собой вышедшую из-под их контроля огромную область, разгром ряда карательных экспедиций и необходимость признать невозможность подавления восстания только лишь силами полиции, местных князей и гарнизонов. Мадрасское правительство перешло тогда к применению регулярных воинских частей всех родов оружия. Одновременно оно создало единое командование.

* * *

В середине июня в Раджамандри выехал вновь назначенный командующий всеми вооружёнными силами в области „Рампа"— полковник 29-го пехотного полка Раммел.

Единое командование и крупные силы регулярных войск были тем новым фактором, с которым пришлось встретиться повстанцам с начала второго полугодия 1879 года.

У восставших райотов не было единого руководства. Повстанцы были разделены на множество небольших отрядов во главе с отдельными командирами. Некоторые из них подчинялись более крупным вождям, хотя зависимость иногда была чисто номинальной. Самые крупные вожди были провозглашены „магараджами", а их подчиненные— „раджами". Число последних установить довольно трудно. Нам известны лишь несколько имён: Амал-Редди, Рама-Редди, Какур-Редди, Бедукур-Редди, Джампа Пондайя и другие. Известны имена двух магараджей: Таман-Дхора и Дхараконд-Чендрия. У нас нет сведений о Таман-Дхоре. Основные сведения о Чендрии имеются.

Дхараконд Чендрия по праву считается самым выдающимся из вождей восстания. Доказательством этому является тот факт, что лишь о нем газеты сообщали биографические сведения. Проф. И. П. Минаев вообще из числа руководителей восстания называет лишь его имя.

В начальный период восстания наибольшей известностью и авторитетом пользовался Таман Дхора. Чендрия присоединился к восста-

нию позднее, когда значительная часть полицейских постов была уже уничтожена. Через некоторое время он выдвинулся на первое место среди руководителей восстания. Значительная часть партизанских отрядов в „Рампа“ признавала его своим главным вождём.

Этот отважный борец против чужеземных угнетателей происходил не из рядовых райотов. До начала восстания он являлся пателем одной из деревень недалеко от области „Рампа“. Когда все горные полицейские станции Койюра, Аддатигала, Котах и др. были уже безлюдными, он поднял знамя восстания. К нему немедленно же присоединились большие отряды горцев из соседних горных племён.

Имеются сведения о том, что Чендрия и сам лично был из числа пострадавших от произвола колониальных властей[1].

Во второй половине июня правительство повысило вознаграждение до 500 рупий за первых четырёх только что перечисленных вождей восстания. Одновременно правительство усилило заброску шпионов и провокаторов в ряды восставших и отправку подкреплений. В „Рампа“ была выслана половина 29-го пехотного полка, охранявшего до сих пор различные объекты в Раджамандри, и был вновь набран отряд полицейских в 200 человек.

В июле месяце сообщение с полицейским лагерем в горах прекратилось совершенно. Официально этот факт был объяснён истощением и загнанностью коней и дороговизной сообщения при помощи конников из Визианаграмма. В действительности причиной являлось полное господство повстанцев во всей области вне городов. Подтверждением этому является нападение Таман Дхоры 9 июля на деревню около Раджамандри. В описании этого эпизода наиболее интересным является то, что борьбу с восставшими корреспонденты начали называть словом „фронт“.

Свидетельством бессилия полиции и войск охранить сельскую верхушку является тот факт, что начиная с 10 июля, т. е. после подхода прекрасно вооружённых отбитым оружием отрядов Таман Дхоры в окрестности Раджамандри, из деревень в центр дистрикта в ужасной панике бросились бежать сотни людей. Бежали все, кто имел причины бояться гнева повстанцев и мести райотов. Этот факт показывает, что действия повстанцев были направлены не только против английских колонизаторов, но и против местных эксплоататоров, особенно же ростовщиков и откупщиков.

* * *

Во второй половине июля в дистрикте Годавари операциями повстанцев остался руководить лишь Таман Дхора. Чендрия, видя всю область объятой восстанием, решил расширить свои операции и перешёл в дистрикт Визагапатам. Здесь немедленно запылало восстание на границе дистрикта Гудем. Восстала талука Малкангири.

В середине июля полковник Рамел, установивший свой штаб в Котапили, решил обезопасить путь по Годавари, очистив её от повстанцев. Вверх по реке была послана экспедиция на двух пароходах в составе более 150 человек под командой Фосета и Бриггса. Около устья Сапри экспедиция была остановлена и атакована повстанцами. Смелой и решительной атакой последние захватили один из кораблей („Шамрок“) и разграбили его. Объятые паникой каратели на уцелевшем пароходе бежали в Раджамандри.

Эта блестящая победа повстанцев немедленно сказалась на ходе

[1] „Таймс оф Индия“, 11 июля 1879 г.

восстания. Сообщение по Годавари прекратилось полностью на всём её протяжении. На верхнем течении реки восстали талуки Рекапили и Бадрачалам, т. е. восстание распространилось и на дистрикт Верхнего Годавари. Среди чиновников последнего распространилась паника. И таксилдары и другие чиновники бежали в соседний Хайдарабад. На смену им по приглашению райотов пришёл Чендрия.

Паника объяла и Раджамандри. Полковник Рамел запросил подкреплений в больших количествах. Теперь и герцог Букингем, губернатор Мадраса, серьёзно забеспокоился. Требуемые подкрепления были высланы: половина 10-го пехотного полка, около 300 сапёров и минёров, 4-й пехотный полк из Бангалора, несколько орудий и даже личная конная охрана герцога Букингема. Теперь в распоряжении Рамела было до 2500 человек пехоты, около 300 сапёров и минёров и губернаторская полусотня конников. В дополнение к ним имелись полицейские силы из 3-х дистриктов и специально набранные сотни новых полисменов. Пришли войска из Хайдарабада в составе 120 сабель конницы низама. Ожидался оттуда и пехотный отряд численностью в 400 человек. Из войск соседних раджей вокруг восставшей области был создан настоящий кордон. С запада действовали полицейские отряды, двинутые из Центральных провинций. В Визагапатаме, Хайдарабаде и других княжествах начали принимать меры предосторожности против возможности восстания.

Одновременно с этими мерами мадрасское правительство ещё раз повысило вознаграждения за арест и выдачу вождей повстанцев. За арест Чендрии теперь предлагали 1000 рупий, как за Таман-Дхору, за Джампа-Пондая—300 рупий, а за остальных, имена которых перечислены выше—по 500 рупий.

* * *

Получив все подкрепления, (кроме 4-го полка), Рамел перешёл в наступление. Свои силы он распределил на отряды величиной приблизительно по роте и расставил в наиболее важных местах: Насавераме, Кистнадавипетте, Койюре, Аддатигале, Котапили, Гокараме, Раджамандри и один отряд отправил вверх по Годавари для очищения речного пути от повстанцев и расстановки постов. Первым заданием для войск являлось обезоружить жителей дистрикта, отобрав огнестрельное оружие, оставленное для обороны от диких зверей.

В середине августа повстанцы понесли первое серьёзное поражение после мартовского разгрома. Майор Янг настиг один из отрядов Чендрии и нанёс ему поражение, захватив до полусотни пленных.

Вверх по Сапри и Годавари были направлены военные отряды на судах. Вскоре на судно, отправившееся вверх по Сапри, напали повстанцы. Полиция высадилась и напала на обстрелявший её небольшой отряд. Последний не принял боя и отошёл от реки, что дало повод командиру полицейского отряда провозгласить о победе. Посланный вверх по Годавари отряд 10-го пехотного полка прибыл в восставшие талуки Бадрачалам и Рекапили в дистрикте Верхнего Годавари. В Рекапили повстанцы оказали сипаям упорное сопротивление. Несмотря на это восставшие и здесь не смогли сопротивляться регулярным войскам, которые везде начали теснить партизан.

Регулярные войска, расставленные сильными гарнизонами по всей области, стеснили повстанцев, а население крупных населённых пунктов находилось под наблюдением. Руководители восстания собрали крупный отряд общей численностью до 400—500 бойцов. Эта была самая крупная операция со времени разгрома флотилии у устья Сапри.

С этими силами повстанцы атаковали один из трёх отрядов инженерных войск, находившийся в Вудагудиеме. Бой длился несколько часов. Несмотря на отвагу и настойчивость повстанцев, дисциплина и выучка регулярных войск одержали верх, и атака была отбита.

Неудача ещё раз подтвердила невозможность разгрома сколько-нибудь значительного отряда регулярных войск силами партизанских крестьянских отрядов в открытом бою в условиях Индии XIX века.

В конце августа положение повстанцев стало весьма тяжёлым. Они начали поиски союзников. Такими союзниками, по их мнению, обладавшими военной силой, были князья. Руководители восстания не понимали действительного места, какое занимали феодалы в английской колониальный системе в Индии. Восстание крестьян в Годавари заставило князей опасаться возмущения своих подданных. Поэтому, проекты союза с князьями должны были остаться и остались мечтой вождей восстания. Корреспондент бомбейской газеты писал: „Очень к счастью, что все раджи по соседству с восставшими дистриктами оказались лойяльными, иначе последствия могли бы быть серьёзными".[1]

Руководители восстания предпринимали и практические попытки привлечь князей к участию в восстании. Один из помощников Чендрии—Амал-Редди провозгласил себя раджей и направил посольство к владетелю Бастара с поручением убедить его присоединиться к восстанию. Последний, конечно, отказался. Раджа Питтапура посылал своих людей уговаривать восставших прекратить борьбу и положить оружие. Повстанцы отказались слушать эмиссаров и продолжали борьбу. Окрестные феодальные владетели не только остались лойяльными английским колонизаторам, но активно помогали правительственным войскам подавлять восстание.

Правильным выходом из затруднительного положения было бы—перенести войну на территорию соседних княжеств. Это расширило бы площадь и размах восстания и не только лишило князей возможности помогать англичанам, но отвлекло бы часть сил последних на подавление восстания в княжествах.

Стеснив действия повстанцев занятием важнейших населённых пунктов, командование английскими войсками приступило к систематическому окружению и „прочёсыванию" местности подвижными отрядами. Особое внимание правительства было обращено на дистрикт Верхнего Годавари. В талуку Рекапили были сразу двинуты войска из Мадраса, Хайдарабада и Центральных провинций.

Концентрированное наступление правительственных войск, начатое во второй половине августа, поставило повстанцев талуки Рекапили в чрезвычайно тяжёлое положение. В ряде стычек с отрядами Янга, Батлера и Блекслэнда они потерпели поражения, потеряв несколько десятков партизан только пленными. В середине сентября в деревне Йенгатада около Чинтура был застигнут капитаном Бриггсом отряд самого Чендрии. В результате внезапного нападения партизаны были разбиты и рассеяны. Сам Чендрия, впервые захваченный врасплох, едва успел спастись.

При подавлении восстания в Рекапили правительство в ещё более широких размерах и жестоких формах применило систему заложников и репрессий к мирному населению. Газеты сообщали в октябре месяце:„ ... В деревнях была помещена прокламация, что

[1] „Таймс оф Индия", 5 сентября 1879 г.

если 4 главных вождя не будут сданы в течение некоторого времени, каждая деревня в талуке будет сожжена..."[1]

* * *

Со времени неудачного боя с инженерными войсками повстанцы систематически уклонялись от столкновений с крупными отрядами регулярных войск. В начале октября отряд повстанцев занял деревню Стирамгири около Вудагудиема. Против них были двинуты отряды войск низама и 10-го пехотного полка под командой лорда Гиламора и капитана Стивенсона. При подходе последних к Стирамгири партизаны очистили деревню, не принимая боя.

Вскоре после стычки в Йенгатада Чендрия, жестоко страдавший от боли в ноге, которую невозможно лечить в климате Рекапили, сдал командование одному из своих помощников, а сам отправился в горы. По его отъезде среди партизан Рекапили водворилась анархия. Новый командир не имел авторитета Чендрии. Ему не подчинялись. Едва Чендрия уехал, он бежал, и движение в талуке замерло. Люди стали сдавать оружие в Чинтур. Приведённый факт говорит об отсутствии крепкого руководящего ядра в движении и наличии разногласий.

После отъезда Чендрии и прекращения партизанской войны в Рекапили и у правительства и у прессы сложилось мнение, что восстание подавлено и больше не восстановится. Затишье в операциях остальных отрядов, вызванное в значительной мере периодом дождей, ещё больше закрепило это представление. И если в сентябре месяце отряды повстанцев подходили иногда к самому Раджамандри, операции партизан в октябре свелись к тому, что Таман Дхора, преследуемый по пятам отрядом лейтенанта Кенни, быстрыми и большими переходами стремился оторваться от настигавшего противника. О Чендрии и об Амал-Редди, раненом в ногу, и о других вождях ничего не было слышно. Повстанцы частично отошли в Гудем и Визагапатам, а частично разбились на мельчайшие группы. Газеты писали в октябре, что „Рампа остаётся спокойной в других местах". Полковник Рамел выехал в Мадрас ещё в середине сентября после поражения Чендрии в Рекапили. Следом за ним вернулась туда артиллерия.

* * *

В конце октября затишье кончилось. Из гор вернулся Чендрия и вновь взял на себя командование. К восстанию присоединились другие „дхора". 23 октября было произведено нападение на дер. Нелипиду. На следующий день повстанцы создали угрозу Мулараму. Но около Танкиконда партизаны подверглись внезапному нападению отряда майора Янга, и, вместо разгрома Мулараму, они сами потерпели поражение, потеряв некоторое количество оружия. Нападения на деревни и стычки с войсками начали учащаться: Вомесги, Толападем, Кеддерджи и т. д.

От беспрестанных переходов, стычек с повстанцами, от лихорадки и местной болезни—паралича, правительственные войска весьма ослабели. В госпиталях находилось к ноябрю до 700 больных. Командование операциями против повстанцев вновь затребовало подкреплений. Правительство направило из Мадраса в Раджамандри половину 39-го пехотного полка. Деятельность правительственных

[1] „Таймс оф Индия", 13 октября 1879 г.

войск усилилась, но попрежнему не приводила к решительным успехам в борьбе с партизанами.

Значительно больших результатов карательные силы и правительственные органы достигли обходными путями, главным образом, в результате внесения разногласий в лагерь противника и действия шпионов и провокаторов. В конце мая правительственный отряд наткнулся на партизан, действовавших в полицейской форме. Войскам удалось захватить в плен одного из этих повстанцев. Доставленный в Раджамандри этот пленник оказался агентом полиции, засланным в ряды повстанцев. В частности, именно по его доносу был арестован мансиф дер. Челапили, хранивший деньги Чендрии. В июне Чендрия выявил и уничтожил другого шпиона полиции.

Англичане всегда стремились использовать колеблющиеся и неустойчивые элементы в среде противника. Таким путём им много раз удавалось добиться успеха в колониальной политике. В данном случае, кроме засылки шпионов и провокаторов, правительство систематически соблазняло неустойчивых повстанцев, обещая награду и прощение тем из них, которые выдадут своих вождей. В ноябре карателям добились первого серьёзного успеха такими методами. При подходе отряда 29-го пехотного полка под командой Свита, среди партизан Амала Редди возник заговор. Заговорщики схватили командира отряда, его помощника—Джампу Пандию и 6 активных повстанцев и выдали англичанам.

Ликвидация одного из лучших отрядов не изменила общего положения в области „Рампа". Несколько дней спустя после пленения Амала Редди англо-индийская газета констатировала, что восстание нисколько не затихло и меланхолически добавляла: „Как или когда это кончится никто сейчас не может предсказать"[1].

В начале декабря опытный вождь повстанцев Чендрия ещё более активизировал свои операции. Положение в области „Рампа" достигло прежнего напряжения. Успехи англичан, достигнутые ими ценой огромных усилий перед сезоном дождей, были, в сущности, сведены к нулю. Мало того, в боях с регулярными войсками приобревшие опыт повстанцы начали по временам проявлять упорство. Правда, чаще они попрежнему уклонялись от открытого боя. Так было при столкновении с отрядом 27-го пехотного полка под командой лейтенанта Кенни в Чиннорполуме. Видя неблагоприятные условия, после короткой стычки партизаны Чендрии без потерь скрылись в джунглях.

Иначе прошли события в дер. Доналунка. Отряд Чендрии, занимавший деревню, внезапной атакой сипаев был оттуда выбит. Вместо отхода, как привыкли наблюдать правительственные войска, прославленный вождь повстанцев быстро собрал своих партизан и начал бой за овладение деревней. Необычное поведение противника, его упорство заставили англичан опасаться повторения событий в Аддатигала. Войска оставили Доналунку в руках Чендрии и отступили. Получив сильные подкрепления, сипаи вновь атаковали деревню. К своему удивлению, английские офицеры обнаружили, что приближение и затем наступление значительного отряда регулярных войск не заставили партизан удалиться. Повстанцы стойко отбивали атаки правительственных войск до вечера. Ночью, под покровом темноты, они очистили деревню, не тревожимые правительственными войсками.

---

[1] „Таймс оф Индия", 8 декабря 1879 г.

* * *

Такой оборот событий заставил полковника Бакка—преемника Рамела, задуматься. Он решил немедленно ликвидировать известные ему укреплённые базы повстанцев. На горе в Лукконде находились укреплённые позиции последних. При упорной и умелой обороне их можно было оборонять длительное время. Полковник Бакк приказал отряду 5-го пехотного полка штурмовать и взять укреплённые позиции в Лукконде. В результате повстанцы вынуждены были оставить эти позиции.

Потеря главных укреплённых позиций была, безусловно, чувствительной для восставших. Действовать их отрядам становилось всё затруднительней. Правительственные войска занимали все значительные населённые пункты и держали под наблюдением остальные. Одновременно подвижные отряды „прочёсывали" местность. Невыгодное соотношение сил с каждым днём всё сильнее чувствовалось повстанцами. Несмотря на умелые действия, в конце декабря 1879 и начале января 1880 года их хорошо задуманные операции систематически срывались. 27-го декабря англичанам удалось спасти небольшой отряд сипаев, посланный за продовольствием и окружённый в пути партизанами. 19 декабря был предотвращён захват деревни Ладди повстанцами. Окружение одного карательного отряда в деревне Гуру поставило его на край гибели. Своевременная помощь и здесь спасла правительственный отряд от уничтожения. Эти факты показывают, что действия повстанцев в январе 1880 года были почти парализованы подавляющими силами правительственных войск и полиции.

* * *

Англичанам было ясно, что наибольшие результаты при подавлении восстания дали не военные действия, а умелое применение древнего римского правила „разделяй и властвуй". Заняв главные населённые пункты и укрепления повстанцев, они прекратили активные действия. Мало того, если раньше все силы употребляли на поиски и захват вождей, то теперь отряд 5-го полка стоял недалеко от отряда Чендрии, хорошо знал об этом, и не делал попыток его схватить. Лишь когда сами повстанцы попытались пройти в область между Гудем и Гуртерн, дорогу им преградил Вилок при Рамануре. Такая тактика привела к забвению Чендрией основного правила партизанской войны—не оставаться долго на одном месте, а находиться по возможности всегда в движении. Это забвение привело в дальнейшем к гибельным последствиям.

В январе месяце случилось одно происшествие, вызвавшее со стороны английских газет нападки на мадрасские власти. При загадочных обстоятельствах из тюрьмы в Раджамандри бежал помощник Амала Редди— Джампа Пандия. Это был единственный случай побега из английской тюрьмы. Обстоятельства побега были настолько странны, что газеты высказывали подозрение о содействии бежавшим со стороны некоторых чиновников-индийцев.

После затишья в операциях в течение некоторого времени в конце февраля неожиданно в газетах появилась телеграмма: „Некоторые последователи Чендрии обезглавили вождя повстанцев „Рампа" несколько дней назад и доставили его голову в Чодаверам. Считают, что восстание идёт к концу"[1].

Обстоятельства гибели Чендрии были таковы. Он стоял со своим

[1] „Таймс оф Индия," 21 февраля 1880 г.

отрядом в феврале 1880 года в окрестностях Гуртерна, рядом с отрядом 5-го полка. Убедившись в безуспешности попыток поймать Чендрию, англичане не предпринимали активных действий, хотя знали, что его отряд стоит близко. Чендрия также стоял в бездействии. Один из участников движения—патель деревни Бемарам—Гул Синг имел личные причины желать гибели Чендрии, о чём последний не догадывался. Гул Синг начал составлять заговор против славного вождя повстанцев „Рампа". Ему быстро удалось склонить к участию в предательстве нескольких повстанцев из числа ближайших соратников Чендрии. Этот факт говорит не только о влиятельности пателя, но и о наличии разногласий среди повстанцев. Возможно и то, что некоторые из последних решили спасти свои головы путём выдачи вождя. Англичане делали уже многократные объявления о прощении тех повстанцев, которые решатся на такое предательство. В заговоре приняли участие в числе прочих Котхапили Рамаду и Джампа Пандия.

Последнее обстоятельство весьма знаменательно. Можно, конечно, предполагать, что, побывав в английской тюрьме, под угрозой виселицы, Джампа Пандия решил больше не подвергаться такой угрозе и отойти от восстания, выпросив предварительно прощение ценою измены и выдачи своего вождя. Однако,вероятнее преположить, что он в тюрьме уже согласился на предательство и получил обещание простить его, если он выдаст Чендрию. Бегство же из тюрьмы могло быть инсценировано, чтобы усыпить подозрения последнего. Действия пателя явились благоприятным обстоятельством.

Состояние наших источников—отсутствие английских архивных данных не позволяет выходить за рамки предположения. Однако, целый ряд соображений заставляет почти увериться в этом: Объявление англичан о прощении тем повстанцам, которые выдадут главных вождей; Джампа Пандия довольно долго был в тюрьме и не был ни осуждён ни казнён. Бежал лишь он с тремя товарищами и больше побегов из английской тюрьмы неизвестно. Другой крупный вождь восстания, которому тоже несомненно предназначалась виселица, взятый в плен вместе с Пандией, не сумел с ним бежать, хотя в побеге против желания англичан больше был заинтересован он, чем 3 рядовых пленника, с которыми бежал предатель.

Газеты, которые могли быть не посвящены в тайну, считали обстоятельства побега весьма сомнительными и вызывающими подозрение в соучастии против некоторых чиновников-индийцев. Отсутствует сообщение о привлечении кого-либо к ответственности за побег Пандии, хотя корреспонденции вообще очень подробны, и такое происшествие вряд ли могло быть упущено. В других случаях даже лица, допустившие неудачные попытки к побегу, подвергались наказанию. Английский отряд, стоявший рядом с Чендрией и знавший о месте его стоянки, не пытался напасть на деревню и захватить вождя. Напрашивается неминуемый вывод, что таковы были инструкции командиру отряда. Инструкции могли быть таковы лишь в том случае, если пассивная стоянка рядом содействовала подавлению. Ясно, что это могла быть ставка лишь на действия внутри лагеря Чендрии, т. е на измену внутри повстанцев.

Заговорщики решили завлечь вождя в засаду или убить, или пленить его при помощи отряда Хенса, который, судя по этому плану, вряд ли был оставлен заговорщиками в неведении относительно плана действий. По пути в лес, куда Чендрию пригласили подложным известием, последний заподозрил в измене Котхапили Рамаду.

„Магараджа" выстрелил в изменника, но промахнулся. Ответным выстрелом Рамаду ранил вождя в руку, и последний лишился возможности владеть ею. Не потеряв присутствия духа, Чендрия бросился в лес и, спрятавшись за деревом, начал отстреливаться. Он успел зарядить и выстрелить два раза в нападавших, сидя за деревом на земле, целясь при помощи поднятой ноги, выполнявшей роль левой руки, и ранил одного из предателей.

В то время, как Чендрия был занят тем, что было впереди него, Джампа Пандия обошёл далеко кругом и подкрался сзади к вождю, незамеченный им. Неожиданный удар топором рассек Чендрии лицо от уха до рта. Прославленный герой „Рампа" успел вскочить и обернуться на неожиданного врага, но в это время второй удар снёс ему голову. „Чендрия умер мужественно и сражаясь до конца, как он всегда обещал раньше",—так закончил корреспондент рассказ о гибели одного из замечательных вождей борьбы индийских крестьян против иноземных угнетателей.[1]

Гибель Чендрии, авторитет которого признавался всеми, была непоправимым ударом для восстания. После него не осталось ни одного человека, который мог в случае необходимости объединить или координировать действия отдельных отрядов. Это было началом конца.

* * *

Несмотря на гибель Чендрии и измену его ближайших помощников, первое время после февральских событий изменений в размахе восстания не ощущалось. Немедленно после гибели вождя в талуке Йеранагудием организовался ещё повстанческий отряд из 400 человек под руководством нового вождя. Однако, это были уже последние вспышки. Вслед за гибелью Чендрии подобные заговоры стали следовать один за другим, и в апреле месяце 1880 года газеты сообщили, что все основные повстанцы „Рампа" сданы властям или убиты. Остался один Таман Дхора, который скрылся.

Таман Дхора бежал в талуку Малкангири в Джейпуре (Визагапатам), где уже с 1879 года начались волнения. В этой талуке обложение было повышено в 1877 году, а в 1878 году—ещё раз, поведение полиции было безобразно, (№ 108, с. 280) и почва для восстания была готова не меньше, чем в „Рампа". С приходом „Великого вождя Койев" здесь вспыхнуло восстание. Таман Дхора разгромил ряд полицейских станций: Порех, Моту, Кондакомберу.

Для защиты полицейских станций, особенно Моту, был брошен отряд пехоты из Хайдарабада, силой около 100 человек под командой полковника Маккойда. Не дожидаясь подхода и нападения войск, Таман Дхора пошёл навстречу и 6-го мая 1880 года атаковал отряд Маккойда. Неожиданность, стремительность атаки, храбрость повстанцев и опытность вождя принесли победу. Отряд полковника Маккойда был полностью разгромлен и изгнан из талуки Малкангири.

Эти события вызвали тревогу мадрасского правительства, и в Малкангири были брошены значительные подкрепления. Вскоре после этого последовал разгром повстанцев на реке Сапри. Некоторое время спустя, под давлением превосходящих сил противника, Таман Дхора был вынужден отступить обратно в джунгли Рампа. В июле 1880 года Таман Дхора был окружён полицией. Ему предложили сдаться. Зная, что от озверелого врага пощады всё равно не будет,

[1] „Таймс оф Индия", 13 марта 1880г.

он отказался и погиб от пули полицейского офицера, сражаясь до конца.

Таман Дхора немногим пережил своих товарищей, попавших в руки карательных отрядов. Восемь видных деятелей восстания „Рампа" были повешены в июле того же 1880 года. Остальные, присуждённые к пожизненной ссылке или тюремному заключению, отправились отбывать наложенные на них наказания.

После гибели второго главного вождя, движение в Рампа не прекратилось ещё полностью. В области „Рампа" продолжали ещё действовать 2—3 разрозненных отряда. 9 октября 1880 года Йерра Редда Наюду с группой в 30 партизан разгромил богачей деревни Котапили. Недлур Рам Редди до ноября 1880 года держался в горах Гудема, после чего был вынужден бежать в Хайдарабад во владения низама.

Около этого же времени—в ноябре 1880 года была уничтожена последняя группа партизан в Гудеме. Во главе этой группы стоял Таги Вирая Дхора. С ним вместе действовал местный феодал—муттадар Гудема—Патавиди. Они пытались разгромить полицейскую станцию Кондакомберу, но были сами разбиты сипаями и полицией. Вирайя Дхора был убит 7 октября 1880 года.[1]

* * *

В этом восстании было проявлено много мужества и ума со стороны вождей и отваги со стороны повстанцев. Оно охватило большую площадь и значительное количество населения. И. П. Минаев так его оценивал: „Близость места возмущения ко владениям низама, где столько неспокойных элементов... придавала в феврале этому возмущению значение не только местное; при большей умелости предводителей оно могло разрастись до более значительных размеров."[2] Повстанцы не использовали эту возможность перенесения войны и во владения низама. Не поднимали они восстаний и в других княжествах, тесным кольцом окружавших место восстания. Наоборот, они тщетно пытались привлечь князей к борьбе с англичанами. Повстанцы не понимали ясно, что их враг не только британский „радж", а и местные князья. Тем самым они не выбили из рук англичан лишнее оружие против самих себя, и князья активно участвовали в подавлении восстания.

Переносом войны и на территорию княжеств не только были бы отвлечены княжеские войска от подавления восстания, но и привлечена вероятно часть английских войск. Факт привлечения князей англичанами на борьбу с восстанием в области „Рампа" говорит за то, что слабым контингентам князей без помощи англичан было бы не под силу справиться с восстанием в своих владениях, а тем самым из „Рампа", кроме княжеских войск была бы отвлечена и часть английских.

Приведённые сведения о том, что повстанцы ошибочно расценивали индийских князей не как врагов, а как потенциальных союзников против англичан, позволяет охарактеризовать движение „Рампа" как антианглийское, без соединения с антифеодальным. За последнее обстоятельство говорит и тот факт, что повстанцы „Рампа" были „царистами". По достижении успехов, повстанческие вожди немедленно провозглашали себя раджами, а Чендрию звали даже „мага-

---

[1] Там же, № 108, стр. 280.

[2] Архив И. П. Минаева, 21 $\frac{605}{\text{из } 30.}$

раджей".[1] Являясь в силу этого незрелым, движение было предопределено на ограниченность и обречённость на более скорое поражение, чем при соединении с антифеодальным движением.

Это восстание и не могло быть антифеодальным, в силу того, что у руководства находились мелкие землевладельцы, как Чендрия, Гул Синг, „муттадары": Аммал Редди, Патавиди и др., хотя состав основных участников был крестьянский. Сообщение о бегстве между 10 и 15 мая в Раджамандри значительного количества населения из деревни, постоянные сообщения газет о „грабежах" в деревнях, позволяют считать движение, кроме антианглийского, также и антиростовщическим; что-либо экспроприировать в деревне можно было лишь у ростовщиков, лавочников и других представителей верхушки. Они-то, безусловно, и бежали в город под защиту английских войск. Что же касается широких слоёв крестьянства, то выше показано с несомненностью, что часть крестьян участвовала в движении, а остальная помогала повстанцам.

Следует отметить, что это восстание не имело перспектив на конечную победу, поскольку не было руководства со стороны рабочего класса.

Это восстание носило и другие характерные черты крестьянских восстаний. Оно было стихийно. Не было следа даже такого союза и организованности, как в Сантальском союзе, не говоря о ваххабитах, хотя оно было более прогрессивным, чем последнее, не нося на себе религиозной оболочки. Восстание было локальным. Правда, оно стихийно совпало с рядом других вспышек и волнений в других районах Индии, но не прослеживается даже малейшей попытки связаться хотя бы с Деканом, где действовал в 1879 году Васудев Балвант Пхадке. Мало того, оно носило характерную черту локальности даже внутри восставшей области. Около своего дома крестьяне участвовали в боях. Если бывал выбит из данной местности предводитель с костяком повстанцев, большая часть местных крестьян отставала от отряда и возвращалась по домам.

Не было какой-либо программы. Крестьяне оставались „царистами" и мыслили свою жизнь строить по-старому, под властью лишь другого раджи. Отсутствовала организованность и дисциплина. И не меньший вред, тесно связанный с этим обстоятельством, проистекал из отсутствия единства командования, которое было у англичан. Иначе могла бы планироваться, например, одновременность операций в различных местах, не давая возможности англичанам перебрасывать свои силы.

Храбрость и мужество повстанцев и вождей, правильная тактика партизанской войны, приспособленность для этой последней горной и лесистой местности, случайное совпадение с рядом таких событий, как афганская война, движение Балванта и восстание „Нага", напряжённость отношений Англии и России явились теми факторами, которые помогали повстанцам держаться против подавляющих сил противника в течение 18-ти месяцев.

Есть, однако, в этом восстании одна черта, выгодно отличающая это движение от многих стихийных выступлений крестьянства в Индии, особенно в её северных провинциях. Это—много более развитое национальное сознание, чем в тех движениях. Наряду с ясно различимыми антиростовщическими чертами, движение носит ярко выраженный характер антииностранной борьбы за независимость.

---

[1] „Таймс оф Индия", 13 марта 1880 г.

Если царистские взгляды свидетельствуют, с одной стороны, об отсталости крестьян, факт провозглашения своего вождя раджей, в связи с этими взглядами является ни чем иным, как провозглашением независимости. Борьба под руководством провозглашённого крестьянами раджи была борьбой за независимость.

Участие в движении представителей различных каст, часто заменяющих для индийца понятие родины в областях, где не развито национальное чувство, служит новым подтверждением этому.

Последние обстоятельства вскрывают ещё одну новую черту в этом движении. За исключением крупных феодальных владетелей и компрадорских элементов, здесь можно наблюдать антианглийский блок различных слоёв населения—от мелких землевладельцев и чиновников-индийцев до беднейших арендаторов. Одновременно проявилась и неустойчивость попутчиков из состоятельной верхушки и чиновников.

Последние два обстоятельства показывают, что движение „Рампа" сыграло значительно бóльшую роль в истории Индии, чем придавалось ему до сих пор. Оно показало англичанам, что в Индии есть условия для складывания единого антианглийского блока, лишь без князей и компрадоров.

Восстание показало англичанам мужество и боеспособность индийских крестьян в Южной Индии. Это обстоятельство показывало, что при лучшей организации руководства и вооружении, в случае национального общенародного восстания англичане будут иметь против себя первоклассные войска. Тот факт, что индусская и магометанская полиция зачастую отказывались выступать против восстания, послужил грозным предостережением для англичан, что в случае общего восстания они могут и не найти карателей из среды индийцев. А если не удастся Индию, завоёванную руками и на средства самих индийцев, такими же средствами держать в повиновении, вряд ли её можно будет колонизаторам вообще удержать в подчинении.

Восстание „Рампа" сыграло крупную прогрессивную роль. Оно расшатывало устои английского колониального режима в Индии, одновременно разоблачая князей, как опору иноземного господства в стране. Движение различных каст и горных племён боровшихся против английских захватчиков рука об руку, воспитывало в них чувство единства и общности интересов, способствуя выработке национального и классового самосознания. Оно показало индийцам их силу и слабость англичан, лишь через 18 месяцев подавивших восстание почти невооружённых крестьян. Если перед индийцами вставал вопрос о создании народного единства, перед англичанами вставала угроза выпустить из рук управление Индией, если они не найдут в ней новой социальной опоры, кроме бессильных зачастую князей.

Эту опору англичане начали искать у индийской буржуазии и интеллигенции. В свою очередь, напуганная размахом антифеодальной и антианглийской борьбы крестьянства индийская буржуазия при небольших уступках со стороны правительства забыла оппозиционность и пошла на соглашение с английским правительством, предавая национально-освободительное движение. Результатом сговора явилась организация Индийского национального конгресса—ныне правящей партии в Индии.

Опыт, полученный крестьянами андхра в многолетней борьбе против феодального и колониального гнёта, способствовал тому, что они идут в авангарде национального движения в Индии. Он способствовал и тому, что именно на долю народа андхра выпала

честь впервые в истории Индии создать в 1943—1950 г. г. очаги народно-демократической власти. Используя уроки прошлого, крестьяне андхра и в настоящее время ведут успешную антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу. Руководство этой борьбой со стороны пролетариата, который становится гегемоном в освободительном движении, является вернейшим залогом победы индийского народа в этой вековой борьбе.

———

ГЛАВА VI

АНТИАНГЛИЙСКАЯ И АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА В ЗАПАДНОЙ ИНДИИ В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Наряду с Теленганой ведущее место в антифеодальной и национально-освободительной борьбе всегда занимала Махараштра. Махратты являются одной из самых развитых национальностей Индии. Единство махраттского народа начало складываться ещё в средние века. Сложение махраттской народности было ускорено освободительной борьбой против агрессии Великих Моголов. Государственное единство Махараштры, достигнутое в результате этого движения, закрепило единство махраттского народа. Последовавшая феодальная раздробленность не смогла нарушить этого единства, а английское завоевание—забыть свободолюбивые традиции.

К 70 годам XIX века в Бомбейской провинции вопреки завоевателям заметных размеров достигла промышленность и развитие махратского рабочего класса и интеллигенции. Среди последней особенно сильно сохранялись воспоминания о Шиваджи—вожде освободительной борьбы махраттов против делийских завоевателей. Его имя воодушевляло махраттов на борьбу за свободу и независимость. История взаимоотношений махраттов с англичанами является историей борьбы махраттского народа за свободу и независимость своей родины.

* * *

Свободолюбивый махраттский народ никогда не покорялся безропотно иноземным завоевателям. Несмотря на политическую раздробленность Махараштры, несколько десятилетий потребовалось англичанам, чтобы закончить её завоевание. Сопротивление, оказанное завоевателям махраттскими партизанами—„пиндари", явилось крупнейшим фактором в борьбе за свободу и независимость Махараштры.

После окончательного завоевания англичанами махраттских княжеств борьба с иноземными захватчиками не прекратилась. Попытки введения системы „райотвари", начатые в 1825 году, вызвали резкий отпор со стороны махраттского крестьянства. Уже в следующем 1826 году вспыхнуло крестьянское восстание. Несмотря на организацию новых полицейских корпусов для борьбы с восстанием, подавить его оказалось невозможным до прекращения в 1829-30 году нового обложения.

Во время великого народного восстания 1857-59 гг. вопреки распространенным представлениям, махратты не остались безучастными зрителями борьбы с угнетателями. Правда, англичанам удалось разгромить движение сипаев бомбейской армии в зародыше. Но им не удалось предотвратить крестьянских выступлений. В дистриктах Ахмеднагар, Насик и Пуна действовали партизанские отряды общей численностью свыше 7000 человек. Много усилий пришлось затратить англичанам, чтобы подавить это движение. Этот факт показывает, что среди крестьян Бомбея уже в конце 50-х годов назревало массовое возмущение.

Повышение спроса и цен на хлопок во время гражданской войны в США привело к временному облегчению материального положения деканских хлопкоробов. Начало массовых крестьянских волнений тем самым было отсрочено.

Пользуясь временным улучшением конъюнктуры, английские власти Бомбейской провинции более, чем в полтора-два раза, повысили обложение. До конца хлопкового „бума" хлопкоробы выплачивали увеличенную ренту-налог почти без недоимок, благодаря облегченным возможностям получения кредита под хлопок.

С окончанием гражданской войны в США оттуда в быстро увеличивающихся количествах начал поступать на мировой рынок хлопок и другие с/х товары. Доходы бомбейских крестьян упали ниже, чем до „бума". Им теперь не под силу было бы вносить и прежние налоги. Увеличенные же в полтора-два раза они были совершенно не в состоянии выплачивать. Уже в 1868 году было отмечено первое массовое выступление бомбейских крестьян, подавленное соединенными силами сипаев и конницы из Бароды.

Теперь деканские райоты в большей части окончательно превратились в долговых рабов ростовщиков, ставших полными хозяевами бомбейской деревни. Ростовщик отбирал у своих должников весь урожай в уплату долга. От его произвола зависело затем ссужать или нет своих должников на уплату налога и пропитание. Гнёт ростовщиков, выполнявших в этом случае роль хищных слуг колониального режима, возрос до крайней степени.

В 1870-х годах положение крестьян ещё более ухудшилось в связи с начавшимся мировым аграрным кризисом и возросшей конкуренцией Америки. Деканские райоты влачили жалкое существование долговых рабов ростовщиков.

По мере усиления колониальной эксплоатации и ухудшения положения райотов, усиливалась борьба свободолюбивого махратского крестьянства против иноземных господ и их хищных слуг из числа местных эксплоататоров. Первоначально эта борьба носила характер индивидуальных выступлений. С апреля 1871 г по октябрь 1874 года, в одном только дистрикте Ахмеднагар,—было отмечено 18 случаев нападений на ростовщиков.

В 1873 году действие начавшегося мирового аграрного кризиса было усилено началом промышленного кризиса, в результате которого резко сократилось потребление сырья европейской промышленностью. Экспорт хлопка—основной товарной культуры Бомбейской провинции—упал до 37% к 1865—66 году. И без того тяжелое положение крестьянства ещё больше ухудшилось. И не случайно, что именно в 1873 году началась более организованная борьба бомбейского крестьянства.

Один влиятельный коли—Хонья Бхагоджи Кенглия набрал отряд храбрых искусных бойцов и начал серию нападений на ростовщиков.

К 1874 году количество партизан Кенглии выросло до значительных размеров. Операции его отряда охватили западные части дистриктов Пуны, Ахмеднагара и Насика и восточные—Тханы. В период деятельности Кенглии ростовщики в районе его операций не смели притеснять крестьян. Несмотря на применение всех испытанных англичанами средств—объявление большой награды за арест, создание специального отряда для борьбы с партизанами под командой полк. Скотта и др., три года Кенглия был хозяином Декана. Лишь в июле 1876 года он был захвачен полицией. (№ 102, стр. 318, 420).

* * *

Рост крестьянских выступлений заставил колониальные власти и Бомбейской провинции перейти к маневрам. Отдельные снижения налогов, совершенно нереальных по окончании хлопкового „бума" для выплаты, не остановили роста недоимок, обнищания и развивавшегося обезземеливания крестьянства.

Пытаясь приостановить процесс обезземеливания, а одновременно—внести раскол в крестьянское движение, лишив Кенглию поддержки райотов, бомбейское правительство приняло „Постановление № 726, от 5 февраля 1875 года". По этому закону воспрещалось обращать взыскание за долги на землю прежде попыток их погашения за счёт движимой собственности и других источников.

Совершенно распоясавшиеся под покровительством колониальных властей ростовщики, отобрав у крестьян очередной урожай, отказались вновь ссужать на выплату налогов и пропитание. „Земледельцы, у которых была описана движимая собственность после того, как они передали своим кредиторам урожай, надеясь, что последние оплатят ренту, естественно почувствовали себя жертвами преднамеренного обмана"—вынуждены были признать колониальные власти (№ 102, стр.317).

Такие действия ростовщиков переполнили чашу терпения многострадального деканского крестьянства и послужили поводом для массового выступления бомбейских райотов против ростовщиков. 12 мая 1875 года в деревне Супа в дистрикте Пуна крестьяне—должники напали на дома ростовщика и торговцев, отобрали и сожгли долговые книги и обязательства, разгромили и сожгли 12 домов и лавок. Немедленно вслед за этим антиростовщические выступления охватили талуки Сирур, Бхимтхади, Хавели, Пурандхар и Индапур дистрикта Пуны; Парнер, Шригонда, Нагар и Карджат дистрикта Ахмеднагар и отдельные деревни в других дистриктах Декана. Волнения длились до сентября того же года.

Очевидной целью всех крестьянских выступлений было—получить и уничтожить долговые обязательства и книги. Если ростовщик выдавал их без сопротивления, райоты ограничивались сожжением бумаг. В противном случае применялись насилия, а иногда—разграбление и сожжение домов и других построек ростовщиков. В талуке Сирур преобладающей формой борьбы стал бойкот ростовщиков, к которым относились как к исключенным из общества, подвергали оскорблениям и преследованиям.

Немедленно после начала движения в охваченные им талуки были посланы войска и полиция. Энергичными действиями со стороны последней были предотвращены открытые выступления в самом Парнере и в ряде других населенных пунктов в перечисленных талуках. В охваченных волнениями местностях были введены порядки осадного положения. Возбужденных крестьян удавалось сдерживать лишь при помощи постоянного патрулирования улиц конными и пешими отря-

дами. В деревнях, охваченных волнением, размещались полицейские посты за счёт крестьян. Эти посты длительное время сохранялись и после подавления движения.

Несмотря на самые энергичные меры со стороны местных властей, в десятках деревень, им не удалось предотвратить открытых нападений на ростовщиков. Только в дистрикте Ахмеднагар открытые выступления произошли в 22-х деревнях.

В деревне Кхоргаон талуки Шригонда крестьяне отобрали у ростовщиков и сожгли все свои долговые обязательства. Показательным моментом событий в этой деревне является тот факт, что движением руководил патель деревни, впоследствии осужденный за это к отбыванию наказания. В нападении на ростовщика Нану Гуджара в деревне Кокруд дистрикта Сатара участвовали представители самых различных каст, профессий и социального положения, в том числе и члены семей пателей (№ 103, стр. 187—188).[1]

По некоторым данным за участие в антиростовщических выступлениях 1875 года было арестовано до 1000 человек, около половины которых было осуждено. В дистрикте Ахмеднагар было арестовано 392 и осуждено 200 человек; в дистрикте Пуна арестовано—559 и осуждено 301 (№ 102, с. 317-319; № 104,ч. III, с. 122).

Когда начались волнения, среди ростовщиков воцарилась паника. Из многих деревень „марвари" и „гуджары" бежали при первых сведениях о начале движения. В некоторых местах они открывали переговоры с крестьянами об уменьшении своих требований. В отдельных случаях, когда они добровольно соглашались на уменьшение долгов, не говоря уже о согласии выдать все книги и обязательства, такой ценой им удавалось предотвращать открытые нападения.

Не только деревенские ростовщики, но и состоятельные жители Бомбея и колониальные власти были перепуганы монолитностью и размахом движения, охватившего все основные дистрикты Декана. „Бомбейская газета", начиная со второй половины мая, в каждом номере настойчиво призывала правительство принять энергичные и быстрые меры для урегулирования разногласий между райотами и ростовщиками. В номере от 31 мая 1875 года она призывала правительство добиться прекращения движения, хотя бы даже за счёт ограничения ростовщиков. Тон газеты с каждым номером повышался по мере расширения движения. В номере от 4 июня 1875 года „ Бомбейская газета" проговорилась о причинах своего „заступничества" за райотов. Вновь призывая правительство вмешаться энергичнее в события, она указала что считает это вмешательство необходимым для предотвращения распространения и углубления классового конфликта.

Боязнь расширения классового конфликта видна и в деятельности объединения бомбейских либеральных помещиков, чиновников, интеллигенции и буржуазии—„Пуна Сарваджаник Сабха". В письме, помещенном в „Бомбейской газете" за 9 июля 1875 года „Сабха" отмечала:

> ...„Первая особенность, которая наблюдалась в недавних беспорядках,—это та, что они являются результатом организованного замысла среди райотов, походящего на подобные стачки и союзы среди рабочего класса в других странах. Следующим примечательным моментом является размер беспорядков, которые охватили все коллектораты Декана, первое место среди которых за-

---

[1] Участие в движении деревенской администрации, по признанию колониальных властей, было повсеместным в охваченных волнениями талуках. (См. № 104, ч.III стр. 122—123 и др).

нимает Пуна, за которой следуют Ахмеднагар, Шолапур, Сатара и Насик. Третьей особенностью является то обстоятельство, что беспорядки восприняли наиболее насильственные формы в тех районах провинции, где были введены пересмотренные ставки налога"[1].

Подмеченное „Сабхой" сходство форм, в которые вылилось волнение, с пролетарскими формами борьбы отражает, несомненно, влияние пролетариата Бомбея, состав которого в связи с жуткими размерами колониальной эксплоатации беспрерывно обновлялся за счет крестьянства провинции. В деревнях Декана было много рабочих, вернувшихся из города, когда они, истощенные работой, были выброшены с фабрики или сокращены в связи с начавшимся кризисом. Значительное число крестьян Декана кроме того ежегодно проводило по нескольку месяцев в городе на отхожих заработках.

Примечательно, что прежде всего крестьянское движение в формах, характерных для пролетарских методов борьбы, и здесь, как в Бенгале, появилось в районах, тяготеющих к крупному промышленному центру и поставляющих для него рабочую силу.

Организованное выступление деканского крестьянства, объективно направленное против всего колониального режима напугало колониальные власти. В целях прекращения волнений была выслана правительственная „Комиссия по расследованию причин беспорядков среди райотов Декана", демагогические обещания которой явились одной из главных причин прекращения летом 1875 года массовых крестьянских выступлений

По рекомендации комиссии был разработан билль „О помощи земледельцам Декана". Однако, потребовался новый подъём крестьянского движения, чтобы заставить англо-индийское правительство в июле 1879 года принять этот закон.

Крестьянские выступления в Декане в 1875 году имели большое значение в истории Индии. Они показали англичанам, что махраттское крестьянство способно на организованные массовые выступления. Англо-индийское правительство и здесь оказалось не в состоянии управлять по-старому, методами открытого подавления, и было вынуждено перейти к манёврам. Опасаясь объединения крестьянского движения с буржуазно-националистическим, английские власти начинают по временам итти навстречу пожеланиям местной верхушки, что, в частности, выразилось в отказе от аннексии Бароды и отсрочке отмены таможенных пошлин. Местная буржуазная верхушка, в свою очередь напуганная размахом крестьянского движения, начинает осознавать, что ей не справиться с народным движением без английской поддержки. События 1875 года являются вехой, когда местная верхушка начинает поворот от оппозиции к открытой поддержке колониального режима.

Защита полицией и солдатами ростовщиков развенчивала распространяемую англичанами легенду о мнимом покровительстве райотам со стороны властей. Райотам становилось ясно, что без свержения английского ига им не свергнуть и гнёт ростовщичества. Уступки со стороны властей массовому движению показывали крестьянам их силу и слабость англичан, способствуя выработке классового самосознания.

* * *

Крестьянские выступления в Западной Индии в середине 70-х годов показывали признаки организованности не только в Декане. Такой

[1] Цит. по газ. „Морнинг пост", от 4 августа 1875 г.

характер носили события и в некоторых княжествах, как, например, в Удайпуре и Бароде.

В Удайпуре в связи с малолетством князя управлял регентский совет во главе с английским полковником Гербертом. Ретивый полковник решил реформировать в этом княжестве налоговую систему по образцу территорий Индии, управляемых англичанами непосредственно. Для начала натуральный налог в доле урожая был заменен денежным налогом, закрепленным на 10 лет в неизменной цифре, лишь в некоторых дистриктах.

Тяжелые дожди погубили в 1875 году посевы. Райотам нечем стало платить твердый денежный налог, и крестьяне выразили свой протест и нежелание его платить в неожиданной для местных властей и регентов форме. Население целой сотни деревень погрузило все свое добро на повозки и двинулось вместе со скотом и всем своим скарбом в соседнее княжество Мальву. За крестьянскими обозами вдогонку бросились толпы ростовщиков и сборщиков налогов, перепуганных таким оборотом событий, грозившим лишить их привычных доходов. Они горячо и настойчиво умоляли крестьян остановиться, обещая пойти на все возможные уступки, лишь бы те не оставляли своих деревень.

В конечном счете это внушительное движение, грозившее запустением больших районов княжества, заставило регентский совет уступить требованиям крестьян по всем пунктам. Твердый денежный налог был отменен.

Значение событий в Бароде в 1874—75 году заключается не столько в организованности действий населения, сколько в том, что это было одно из первых объединенных выступлений различных слоев города и деревни по чисто политическим мотивам.

В 1874 году возник конфликт между гаэквaром Бароды и английским резидентом при его дворе. Этот конфликт окончился тем, что по заявлению резидента о якобы имевшей место попытке отравить его со стороны гаэквара, последний был в начале 1875 года арестован по приказу вице-короля и публично судим комиссией из трёх англичан и трёх знатных индийцев.

Процесс вызвал большое возбуждение среди индийцев. Это был первый пример ареста и публичного суда владетельной особы по обвинению в уголовном преступлении. Сравнительно недавние аннексии Дальхаузи в совмещении с необычностью обстановки и оккупацией столицы княжества английскими войсками вызвали опасения о присоединении Бароды к непосредственно британским колониям. Суд над гаэкваром махратты рассматривали почти как суд над остатками своей автономии, а его защиту—национальным делом. Индийские газеты собщали, что гаэквару сочувствовало всё местное население. В Бароде начали было собирать подписи к петиции об освобождении гаэквара, недавно ещё угнетавшего её авторов. Инициаторов подписки немедленно арестовала полиция. Судья—индиец в Пуне, пользовавшийся почётом и известностью по всей Западной Индии, за попытку агитации в пользу гаэквара был тотчас уволен с государственной службы. В городах Западной Индии (Пуна, Карачи) проводились специальные митинги, на которых выносились резолюции о желательности для махраттов сохранения Бароды отдельным княжеством.

В связи с наложением ареста на имущество гаэквара, деньги на его защиту были собраны по подписке в исключительно короткий срок. Встреча выписанного из Лондона для защиты гаэквара знаменитого адвоката приняла характер политической демонстрации.

По единодушной оценке местной прессы на суде была доказана необоснованность обвинения. Тем не менее голоса в комиссии разделились. Характерно, что за обвинение высказались лишь англичане, а индийцы высказались за оправдание гаэквара. Деление голосов пополам не давало юридических оснований для обвинения магараджи. Возбуждение населения делало опасной открытую аннексию Бароды. Вместе с тем отстранение гаэквара от управления английские колониальные власти рассматривали как вопрос своего престижа.

Вице-король Нортбрук решил, конечно, дело в пользу мнения английских членов комиссии. В конце апреля была опубликована прокламация вице-короля о низложении гаэквара под предлогом плохого управления. Его жене было предложено усыновить мальчика из числа родственников мужа, на время малолетства которого установили регентство.

Как только в Бароде стало известно о низложении гаэквара, в столице вспыхнули волнения. Газета „Таймс" пыталась представить дело попыткой дворцового переворота со стороны приверженцев наложницы низложенного правителя, имевшей от него сына, с целью возвести младенца на трон.

В действительности события были значительнее. По получении известия о низложении гаэквара все купцы и ремесленники закрыли свои лавки и мастерские. Английские чиновники и офицеры потребовали возобновления работы и торговли, применяя не только угрозы, но даже побои. В ответ на издевательства, по почину 4-х ювелиров, в городе началось общее возмущение. На улицах собрались громадные толпы народа, которые начали нападать на полицейских чиновников и офицеров. Вслед за этим возбуждённые массы горожан распространились по всему городу, набрасываясь на европейцев. Английский генерал Дивайн, командующий войсками Бароды, был вытащен из кареты и жестоко избит, а карета—сожжена.

В связи со слухами об аннексии Бароды англичанами, возмутившиеся горожане решили немедленно заполнить пустующий трон. Большая толпа ринулась во дворец. Схватили сына низложенного правителя от его наложницы Лакшми-Бай, посадили его на трон и провозгласили младенца гаэкваром. Одновременно другие группы людей бросились к домам свидетелей, показывавших против гаэквара на суде, разграбили их и сожгли. Полицейский офицер Джексон, посланный на разведку, подвергся нападению. Несмотря на открытый им активный огонь, он был забросан камнями и жестоко изранен. Лишь своевременное прибытие подкреплений спасло его от гибели.

Волнения быстро перебросились в пригородные селения. В селе Этолу, соединённом с Бародой железной дорогой, были перерезаны телеграфные провода. Вслед за этим крестьяне бросились на железнодорожную станцию и перебили ее служащих. Не успели ещё войска расправиться с восставшими жителями столицы княжества, как село Этолу запылало, показывая английскому командованию, что волнения приняли более серьёзный оборот, чем можно было предположить в данной обстановке. Лишь быстрое прибытие войск предотвратило железную дорогу около Этолу от серьёзных разрушений.

Возмущение в Бароде с самого начала не имело шансов даже на временный успех. Опасаясь сопротивления, англичане заблаговременно перебросили в Бароду значительное количество войск всех родов оружия ещё во время подготовки к суду над гаэкваром. Теперь эти войска сразу же были приведены в движение. На улицы города были введены артиллерийские орудия, кавалерия и большое коли-

чество пехоты. Безоружные горожане не смогли оказать войскам сколько-нибудь серьёзного сопротивления и рассеялись, оставив на улицах 6 человек убитых. В городе было введено осадное положение. По улицам беспрестанно патрулировали войска и полиция. Было арестовано около 150 человек. Однако, арестованные были вскоре отпущены на поруки с заверением, что Барода аннексирована не будет.

Феодальные князья и вожди всегда были вернейшей опорой английского владычества в Индии. И. В. Сталин указывал, что, оставляя княжества под управлением своих князей, „Англия хотела одну группу наций выделить и дать ей привилегии, чтобы тем удобнее управлять остальными национальностями".[1]

Враждебное отношение гаэквара к английскому управлению, одним из проявлений которого был его конфликт с резидентом, являлось исключением из этого правила. Поэтому в связи с происходившими в то время в Декане крестьянскими выступлениями, позиция гаэквара внушила англичанам большое опасение объединения князя с крестьянским движением. Этим и объясняется стремление английских властей лишить магараджу престола, несмотря на юридическую необоснованность детронирования. Повсеместная волна протеста против аннексии Бароды лишь усилила боязнь англичан перед создавшейся опасностью совместной борьбы. Аннексия могла вызвать недовольство нарушением прокламации 1858 года со стороны народных масс и со стороны других князей. Все эти соображения привели к тому, что англичане не решились аннексировать Бароду и отпустили узников даже с обязательствами со своей стороны.

Значение событий в Бароде заключается в том, что они содействовали объединению различных слоёв населения в борьбе против английского господства. Борьбу за сохранение княжества махратты рассматривали как борьбу за сохранение своей независимости, и англичане убедились в их готовности к сопротивлению, включая даже местную верхушку.

* * *

В конце 1876 года голод охватил Бомбейское и Мадрасское президентства. Правительство должно было хоть что-то предпринять, чтобы не допустить вымирания целых провинций. Принимать какие-либо меры побуждали и настроения крестьян. Перемена в их отношении чувствовалась особенно сильно в тех местах, где недавние антиростовщические выступления показали крестьянам слабость британской власти в Индии и боязнь со стороны англичан массовых крестьянских выступлений.

Наряду с такими симптомами падения английского престижа, были не менее явные признаки его упадка в слухах, широко распространявшихся по Индии, и в отношении индийской прессы к англичанам. Среди крестьян, особенно махраттских, распространялись слухи, что англичане потерпели поражение от России в Европе; преувеличивались слухи о русских успехах и неудачах англичан на Балканах и в Средней Азии. Генерала Скобелева отождествили с Нана-Сагибом, который, по мнению индийцев, собрав войска на севере, шёл изгонять англичан из Индии. Индийская пресса начала вести себя вызывающе. Дело доходило до высмеивания поведения принца Уэльского во время его поездки по стране в 1875 году.

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, том V, стр. 255.

Бедственное положение в южной и западной Индии не остановило вице-короля Литтона от выполнения агрессивных задач, для которых он был послан в Индию вместо Нортбрука,—завоевания Афганистана и утверждения английского влияния в Герате и на Аму-Дарье. Литтон считал лишь необходимым принять меры для укрепления тыла, привлечь к себе ещё больше местных феодалов, чтобы предотвратить их присоединение к массам недовольного крестьянства. В силу этих соображений, Литтон считал необходимым провести дурбар для провозглашения королевы Виктории императрицей Индии, с приглашением индийских феодалов немедленно и до вторжения в Афганистан и расширения голода.

Израсходовав колоссальные средства на дурбар в Дели—этот „пир во время чумы", и расходуя ещё большие средства на подготовку афганской войны, Литтон не разрешал провинциальным правительствам производить расходы на помощь голодающим. Среди пышных делийских празднеств он узнал, что Мадрасское правительство начало крупные закупки зерна для голодающих, содержит до 600 тысяч человек на государственных работах и до 250 тысяч человек питает бесплатно. Литтон немедленно, по представлению своего министра финансов Джона Стрэчи, решил пресечь расходование средств на помощь голодающим.

В Мадрас и Бомбей в качестве правительственного уполномоченного по голоду был командирован Р. Темпль. Официальная инструкция гласила, якобы целью командировки было „ Помочь местному правительству своим советом и опытом по всем вопросам, касающимся операций и управления при голоде" (№ 113, стр. 109).

За последней фразой скрывался совершенно иной смысл, чем кажется при первом взгляде. Дело в том, что Темпль был губернатором Бенгала во время голода 1873-74 г. г. Часть закупленного правительством зерна осталась неиспользованной и её пришлось продать с убытком. В связи с этим хлеботорговые фирмы, которым правительственное снабжение мешало спекулировать, подняли кампанию против Темпля, обвиняя его в том, якобы он „выдумал голод". Теперь этому бездушному карьеристу предоставлялась возможность вернуть утраченное „доверие" хлеботорговых фирм и правительства.

Задача, возложенная на Темпля, была выполнена им со всей жестокостью колонизатора. Работавшим на государственных работах крестьянам была уменьшена оплата до стоимости фунта зерна в день, прекращена оплата воскресных дней и сняты с довольствия дети. Мелкие работы были закрыты. Ходить на работу стало для крестьян невозможно; приходилось жить около оставленных немногих крупных работ, предварительно пройдя много миль до их местонахождения. Пойти на эти работы могли только наиболее крепкие.

Возмущение голодающих порядками, установленными Темплем, было исключительно велико. В ответ на введение новых издевательских бесчеловечных условий работы около 102 тысяч человек оставили правительственные работы, несмотря на то, что им вследствие этого грозила смерть от голода.

Началась крупнейшая и едва ли не первая, известная нам, стачка голодающих, работавших на государственных работах.

Не только сельская верхушка, но и буржуазно-помещичьи организации и интеллигенция присоединились к протестам против действий Темпля, усматривая в них расовую дискриминацию. Не только индийская пресса, но даже английские газеты не одобряли снижения

рациона питания до фунта зерна в день, т. е. ниже, чем в тюрьме или больнице.

Забастовщики созывали многотысячные митинги. По решению, принятому на митинге в Шолапуре 29/I-1877 года, была послана телеграмма бомбейскому губернатору с просьбой отменить снижение оплаты и увеличить количество работ. Губернатор не счёл нужным даже ответить на это обращение.

Через два дня был созван 15-тысячный митинг, от имени которого была послана телеграмма вице-королю Литтону с копией министру по делам Индии и ряду членов парламента в Лондоне. В телеграмме указывалось, что новые ставки зарплаты делают „дневной заработок совершенно недостаточным даже для половины рациона. Восемь тысяч в одной талуке Шолапур лишились занятий вследствие недостатка работ". (№ 97, т. I, с. 341).

В ответ на запрос из Лондона вице-король написал сплошную ложь, якобы заработок голодающих достаточен для покупки полного рациона, смертности в районах голода нет, а жалобы—неправильны. Одновременно в Пуну (столицу Бомбейской провинции) вице-король отправил предписание не уступать стачечникам и не повышать зарплаты, даже если от этого начнётся смертность (№ 97, т. I, с. 331-332).

Приведенные факты говорят о том, что даже так называемый „голодный фонд", средства, собранные специально для помощи голодающим и с них же, правительство Литтона не позволяло истратить по целевому назначению. Фактически Литтон расходовал этот фонд на подготовку вторжения в Афганистан. Отношение колониальных властей к стачке голодающих разоблачает истинное лицо садистов, которые управляли Индией.

Под угрозой голодной смерти часть забастовщиков вернулась через некоторое время на работу, а остальные участники разбрелись по своим деревням. В числе миллиона с четвертью человек, умерших в 1876-78 г. г. от голода в Бомбейском президентстве, несомненно, была значительная часть стачечников. Такое предположение имеет много вероятия, особенно в связи с сообщением генерала Кеннеди, руководителя операций по борьбе с голодом в президентстве, что эта стачка не была единственной.

Содержание и характер телеграмм, отправленных бастующими правительству, показывают, что руководство стачкой находилось в руках буржуазно-либеральных элементов. Отрицательной стороной такого руководства являлись ограниченность и нерешительность действий и низкопоклонные просьбы вместо требований. Другой стороной руководства стачкой со стороны либеральной буржуазии было то, что это обстоятельство напугало правительство возможностью объединения буржуазии с крестьянским движением. Вице-король Литтон полагал, что крестьянство в Индии, если и придёт в движение, то руководить им могут только князья (№ 40, стр. 109). Факт руководства крестьянским выступлением со стороны либеральной буржуазии показал, что выдвигается новый претендент на роль руководителя крестьянства. Англичанам стало ясно, что поддержка только со стороны феодалов не может обеспечить им покорность райотов. Англо-индийское правительство начало опасаться совместной борьбы различных слоёв индийцев за свободу.

* * *

В следующем 1878 году антианглийское движение в Бомбейском президентстве, проявлявшееся в самых разнообразных формах, продолжало нарастать. Голод в Гуджерате и южном Декане продолжался по

причине истребления посевов грызунами и саранчой. Несмотря на это, как уже сообщалось выше, правительство Литтона повысило соляной налог в Бомбейском и Мадрасском президентствах и ввело патентный сбор.

В ответ на усиление налогового пресса в том же году поднялась в Бомбейском президентстве широкая и довольно организованная волна протеста. Причиной тому, что здесь этот протест принял более резкие массовые формы, чем в других провинциях, является то обстоятельство, что введенный под предлогом создания „голодного фонда" патентный сбор в Бомбейском президентстве давил на большее количество населения в связи со сравнительно бóльшим промышленным развитием этой провинции. Увеличение же налога на соль и вообще было произведено лишь в Бомбее и Мадрасе. Эта волна протеста выразилась, прежде всего, в массовых митингах. На этих митингах принимались и направлялись английскому правительству петиции об отмене или снижении новых налогов со многими тысячами подписей. В Пуне на митинге присутствовало свыше 3000 человек, в Бомбее—более 5000 человек. Подписей под петициями было ещё больше.[1]

В некоторых местах движение против налогов выразилось не только в митингах и петициях. В Сурате десятитысячный митинг, прошедший 28 февраля 1878 года „при большом возбуждении среди жителей", закончился решением закрыть все лавки и мастерские до отмены новых налогов.[2]

В начале апреля 1878 года, когда местные власти начали собирать сведения для патентного сбора, решение митинга было суратцами выполнено. В стачке участвовали все торговцы, ремесленники и рабочие Сурата. Забастовщики не ограничились прекращением работы, а громили присутственные места и правительственные организации, нападали на английских чиновников, войска и полицию. Волнения были подавлены военной силой. При этом были и убитые и раненые.

Значение суратских событий, когда антианглийское движение вышло из рамок пассивного сопротивления и переросло в уличные бои с войсками и полицией, выходит далеко за пределы провинции и имеет всеиндийское значение. Если объединённое выступление 1875 года в Бароде носило стихийный характер и англичане имели возможность представить его попыткой путча или дворцового переворота в местном княжестве, здесь англичане имели перед собой совместное выступление всего городского населения под руководством нескольких крупных суратских торговцев и адвокатов, сознательно направленное против властей. Недаром суратские события вызвали большую тревогу в Англии. И не случайно тотчас же после подавления волнений в Сурате в том же апреле месяце 1878 года Литтон провёл закон о разоружении индийцев, а следом за ним и закон об ограничении свободы местной прессы.

Стачки происходили в течение всего 1878 года. В марте произошла забастовка 700 метельщиков в Бомбее, в апреле—мясников в Банкиноре, в июне—мясников в Карачи, июле и августе—стачка железнодорожников Пареля, в октябре—2000 цирюльников Бомбея (против патентного сбора). (см. № 80, 1878 г.).

В начале 1879 года резко усилились нападения на ростовщиков и торговцев. Вся пресса в Индии стала уделять большое внимание событиям в Декане. В газетах поднялась полемика—просто ли это гра-

---

[1] „Таймс оф Индия", 18/II, 25/II, 4/III-1878.
[2] Там же 11/III-1878.

бежи или заговор бомбейских брахманов. Вскоре стало известно, что эти новые „разбойники", как их называли газеты, действовали „в робин-гудовском плане", грабя богатого и помогая бедному. Немного времени потребовалось, чтобы английские власти установили при помощи провокаторов, что многочисленные нападения на деревенских богачей производятся не обычными грабителями, а отрядами крестьян под руководством вождя-брахмана, который провозгласил своей целью изгнание англичан из Индии. Имя этого вождя было—Васудев Балвант Пхадке.

* * *

Семья Пхадке принадлежала к одной из наиболее уважаемых брахманских фамилий в талуке Панвел дистрикта Тхана, некогда состоятельной, но со временем обедневшей. В этой семье и родился будущий вождь повстанцев в 1845 году. Систематического и достаточного образования Васудеву не удалось получить. Его родители были против даже знания английского языка, который Балванту удалось изучить лишь украдкой. После обучения в нескольких школах он овладел махратской грамотой и прошёл арифметику до дробей. 15-ти лет его женили.

Материальные обстоятельства заставили Васудева искать работу. Свою служебную карьеру он начал в качестве клерка на железной дороге с жалованием 20 рупий в месяц. Оттуда Балвант перешёл на такую же должность в медицинский колледж, а затем в военно-финансовое ведомство в Пуне, где стал зарабатывать 60 рупий в месяц.

Все попытки Васудева выбиться из нужды настолько, чтобы помогать родителям и братьям, были безуспешны. Наблюдения над жизнью окружающих показали, что большая часть соотечественников жила ещё хуже его. Когда ему минуло 20 лет, разразился крах хлопководства в связи с окончанием войны в США. Бедствия бомбейского крестьянства и патриотические чувства помогли придти к правильному заключению, что виновниками гибельного положения индийцев являются прежде всего английские колонизаторы. „Патриотизм всегда был силен во мне",—писал позднее Васудев в своей автобиографии. „Я не мог даже спать без того, чтобы мысль о свержении британской власти не преследовала меня всегда" (№ 53, стр. 13).

Под видом нищего-богомольца Пхадке исколесил всю страну вдоль и поперёк. Всюду видел он страдания народа, и в нём зрело желание самому предпринять попытку свержения иноземного ига. Странствуя переодетым, Васудев проводил агитацию против британского владычества. В самых различных углах Индии находил он единомышленников и устанавливал с ними связи.

Во время этих паломничеств созрели и планы Балванта об изгнании англичан. Чтобы поднять восстание, необходимо иметь оружие, снаряжение и продовольствие. Для закупки всех этих предметов нужны деньги. Сначала Пхадке мечтал достать необходимые для первых шагов средства в кредит. „Предположим,—писал он, что какие-либо ростовщики авансируют меня каждый 5000 рупий. Если я пошлю двух-четырёх человек по стране, прежде чем поднять восстание, это создаст полнейшую панику среди англичан. Почта остановится, железнодорожные линии и телеграфные провода будут разрушены. Всякое сообщение прекратится. Затем, если будет возможность, следует открыть тюрьмы, и долгосрочные заключённые присоединятся ко мне". После этого,—полагал он,—много индийцев присоединилось бы к восстанию, „и наша цель—установление республики—была бы полностью выполнена" (№ 53, стр. 13).

Приведённые слова вождя бомбейских повстанцев показывают, как далеко ушёл он вперёд от руководителей других восстаний в Индии во второй половине XIX века. Васудев Балвант Пхадке был первым патриотом-индийцем, боровшимся за независимость своей Родины, который не был „царистом". Его программа установления республики по изгнании англичан даёт основания охарактеризовать его не только борцом за свободу и независимость своей родины, но и революционером-демократом, боровшимся за изменение политического строя.

Надежды Балванта достать необходимые для начала выступления средства в кредит остались несбыточной мечтой. После целого ряда других попыток и колебаний он пришёл к выводу, что единственной надеждой для него остаётся—добыть необходимые средства путём экспроприаций. Его мечтой было захватить почту с деньгами во время сбора податей. Начать же он решил с экспроприаций торговцев и ростовщиков.

Английская пресса и историография пытаются представить движение под руководством Балванта лишь серией грабежей. В этих целях они назвали движение восстанием „рамуси". Рамуси являлись кастой профессиональных воров, для которых грабежи и воровство являлись основным занятием. Поэтому-то английские историки и называют движение под руководством Балванта „восстанием рамуси".

В действительности членами отряда Балванта были представители различных каст деревни, главным образом,—низших каст[1]. „Рамуси" занимали преобладающее положение в отряде лишь в первую неделю. Они являлись переменным составом в числе участников и были самым ненадёжным элементом движения за небольшими исключениями, по свидетельству самого Пхадке (№ 53, с. 14).

В феврале месяце 1879 года Васудев Балвант решил перейти к активным действиям. По причине отсутствия прямых указаний можно лишь предположить, почему было выбрано именно это время. Внутри страны ощущался подъём недовольства и раздражения против английских господ со стороны различных слоёв населения, под влиянием голода и реакционных мер Литтона (патентный сбор, налог на соль, разоружение, цензура, отмена таможенных пошлин и т. п.). В связи с афганской, русско-турецкой войной и русским продвижением в Средней Азии усилились слухи о неудачах англичан, неминуемости столкновения с Россией и победы последней. Слухи перешли в брожение, а затем—в открытое возбуждение населения Бомбейского президентства в связи с прибытием русских военных кораблей в Бомбей в январе 1879 года.

Слух о прибытии русской эскадры мгновенно разнёсся по окрестным дистриктам. Громадные толпы народа бросились в Бомбей, чтобы убедиться в реальном существовании русских, за помощью к которым, по народному поверью, отправился предводитель восстания 1857-59 г.г.—Нана-Сагиб. Настолько велико было возбуждение народа и многочислен поток людей в Бомбейскую гавань, даже из Пуны, Тханы и других дистриктов, что этот факт не могла обойти молчанием даже враждебная России газета „Таймс-оф-Индия". Благодаря появлению русской эскадры в Бомбее народные толки о мнимом близком возвращении Нана-Сагиба с русской помощью получили еще большее распространение. Народ начал толковать о близком падении английского ига в результате поражения от России и Нана-Сагиба.

---

[1] „Таймс оф Индия" 19/V 1879.

Подтверждением тому факту, что именно эти события, вызвавшие возбуждение народа и толки о приходе Нана-Сагиба, побудили Балванта поспешить выступлением, являются позднейшие обстоятельства: а) себя выдавал за магараджу или б) за одного из раджей, пришедших освободить народ от английского владычества, в) тот факт, что под прокламациями он подписывался: „Васудев Балвант Пхадке по поручению Нана-Сагиба",[1] и г) разительное совпадение, что почти немедленно по распространении известия о приходе русских кораблей и начавшемся возбуждении среди населения Васудев взял отпуск на службе и отправился в горы[2].

В течение первой половины февраля 1879 года в горы было отправлено некоторое количество вооружения, какое удалось к тому времени достать. В середине того же месяца на свою горную базу прибыл и Пхадке, выехав из Пуны под предлогом паломничества. Между 15-м и 20 м февраля ближайшие помощники Балванта собрали на сборный пункт несколько десятков человек из числа тех крестьян, с которыми была достигнута договорённость ранее. Больше половины из них были „рамуси", значительная часть которых к этому времени занималась уже земледелием наряду с другими райотами.

23 февраля 1879 года была произведена первая операция. Отряд из 42-х бойцов Балванта отобрал ценности и деньги у торговцев и ростовщиков в деревне Дхамари. Часть добычи была роздана на руки, а остальная отправлена для закупки оружия. На другой же день после операции в Дхамари „рамуси" оставили партизан, оставшись недовольны суммой, выданной на руки.

На следующий день отряд Балванта был настигнут полицией. При первом же отпоре полицейские бежали. После бегства полиции к расположению отряда подошла группа крестьян. Как оказалось, крестьяне пришли предупредить, что на следующий день из Пуны ожидается прибытие конницы. Этот случай показывает, что крестьяне сочувствовали действиям Балванта, а не считали его простым разбойником, как пытается внушить английская литература.

Через несколько дней от некоторых раскаявшихся и вернувшихся „рамуси" Васудеву стало известно, что один из сбежавших „рамуси"— некто по имени Мали—донёс обо всём сельской администрации, а последняя сообщила полиции в Пуну.

Ближайшей задачей руководитель движения ставил агитационную и разъяснительную работу среди населения. Крестьяне деревни Дхавди после беседы с ним доставили партизанам продукты и заявили: „Мы будем помогать Вам и извещать Вас, если враг придёт в окрестности деревни" (№ 53, с. 2). Известно и из записок Пхадке и газетных сообщений, что за пищу, взятую у крестьян для отряда, он всегда оплачивал, если это не было добровольным даром.

Время до 5 марта прошло в поисках оружия и агитации среди крестьян. Помощь партизанам оказывали не только рядовые райоты, но и представители деревенской верхушки. Некий Нана-Сагиб внёс на покупку оружия 25 рупий, а Панду Рамуши, который занимался закупкой и доставкой оружия, вложил взаимообразно 130 рупий. Ясно, что это были состоятельные люди. Большую помощь оказывали патели деревень Сонури, Раджива, Амли и др. (№ 53, с. 2-3; Ср. № 104, ч. III, с. 38).

После второй операции—экспроприации 5 марта богачей деревни

[1] „Таймс оф Индия", 27 октября 1879.

[2] Статья в „Таймс-оф-Индия" об этом помещена 3 февраля, а Балвант выехал в горы 10-15 февраля.

Вахле—снова поход по горам, агитация среди крестьян, вербовка сторонников. Часто приходилось поститься целыми сутками. Доставка в горы воды составляла целую проблему. 8 марта удалось лишь поздно вечером достать питьевой воды, и Васудев записал в своём дневнике: „Выпив две чашки воды, я был совершенно счастлив". (№ 53, с. 4). Не меньшей проблемой было находить на полдневное время защиту от жгучих лучей палящего солнца.

В Пуне полиция вскрыла и обыскала дом Васудева, допрашивала его брата, жену и других родных. Многие из друзей Балванта были арестованы, а за родными и остальными знакомыми установлена слежка. К физическим мучениям теперь присоединилось беспокойство за арестованных (№ 53, с. 5).

После ещё двух операций (в Харни и Мангдари) положение стало очень затруднительным. 21,22 марта и позднее часто создавались рискованные положения в связи с преследованием сипаев и полиции, но помощь крестьян помогала спастись и уйти от преследования. Смерть подстерегала и в ночных переходах по горным тропинкам. Васудеву приходилось несколько раз оступаться и падать. Один раз он так расшибся, что был, по его словам, „на грани смерти" (№ 53, стр. 6-7).

Несмотря на сосредоточение в районе операций конных и пеших сипаев и полиции, нападения на ростовщиков и торговцев продолжались и во второй половине марта. Ещё шире развернул Балвант агитацию среди различных сельских племён и каст. Сочувствие народа помогло 25 марта ускользнуть из почти полного оцепления правительственными отрядами. Самыми верными людьми Балвант называет касту Дхангаров.

По данным колониальных властей, в то время Балвант организовал ещё один крестьянский отряд из „коли" под командой Саблы и сына, который продержался до конца 1879 года.

В конце марта были проведены операции в Сонапуре, Саваргауме и Чанд-Кхеде, где не только были экспроприированы ростовщики, но по просьбе местных крестьян партизаны сожгли все их книги и бумаги, а особенно жестокие ростовщики были подвергнуты ещё и наказаниям.

Особенностью операций в феврале-марте была текучесть состава отряда за исключением 15-20 человек. 1-го апреля, на следующий день после операции в Чанд-Кхеде из отряда ушли последние „рамуси", что весьма его ослабило. Пхадке убедился окончательно, что без мощного костяка вооружённых и дисциплинированных людей не поднять большое восстание. Поручив командование своему помощнику Даулат Рао, он направился в Хайдарабад с целью привлечь к восстанию часть войск низама.

Балванту удалось договориться с вождями рохиллов (гл. образом Измаил-ханом) и „рамуси" Хайдарабада о предоставлении нескольких сот вооружённых бойцов. С вождём рохиллов Измаил-ханом договорённость была закреплена письменным соглашением, по которому хан выводил в поле двести всадников по получении от Пхадке 5000 рупий задатка на их экипировку. В дальнейшем обещал до 500 человек. Наики хайдарабадских „рамуси" обещали до 400 пеших бойцов. Вожди рохиллов и „рамуси" обещали в случае успеха доставить в распоряжение Пхадке столько бойцов, сколько он сможет содержать (№ 53, с. 25-26).[1]

[1] Ср. „Таймс оф Индия" 17VIII, 5/IX-1879.

Теперь вставала задача—добыть средств и добиться усиления паники среди англичан. Во время отсутствия Балванта в апреле месяце Даулат Рао и другие помощники Балванта много сделали для выполнения этих задач.

По сообщению газеты „Таймс-оф-Индия" от 21/IV-1879 г. дорога от Пуны в Махаблешвар проходила для англичан, как по вражеской стране. Лишь беспрестанным патрулированием обеспечивался безопасный проезд англичан в Махаблешвар. Газета была вынуждена признать, что отрядами „руководят со значительным искусством". Крайне трудно захватить их врасплох"...

По мере неудач карателей в борьбе с партизанами всё большее внимание волнениям начало уделять правительство. За арест вождя—Васудева Балванта Пхадке была назначена награда в 1000 рупий. На помощь ранее посланным войскам правительство направило новые подкрепления. Кроме полиции и мелких подразделений, против партизан теперь действовали уже в полном составе один кавалерийский и два пехотных полка.

В ночь с 13 на 14 мая в Пуне были подожжены два дворца, в которых помещались различные правительственные учреждения. Сгорела масса книг и документов, в которых были записаны долговые дела.

Поджигателем дворцов оказался сын заведующего книжным складом—Кешев Кришна Ранаде. На предварительном следствии юноша показал, что он поджёг дворцы под влиянием якобы неизвестного ему брахмана и райота. На суде же он заявил что поджог был сделан с целью скрыть фальшивые дела отца. Последнее показание было подтверждено его отцом Кришнаджи Нарайеном. Хранитель книжного склада заявил, якобы у него была недостача 4000 рупий, которая была никому неизвестна из-за отсутствия ревизий в течение последних 8-ми лет. Для скрытия этой недостачи, будто бы, они и решили сжечь дворец. Никаких разъяснений больше не удалось от них добиться. Оба они были осуждены на пожизненную ссылку, а их слуга—на 10 лет ссылки.

Газета „Таймс-оф-Индия", отвергая различные романтические предположения о причинах поджога, писала:... „Это глубоко связано с хроническими аграрными беспорядками и это—безумная попытка уничтожить все доказательства задолженности райотов ростовщикам" (№ 80, 19/V-1879).

Газета „Пуна Днйян Пракаш" связала пожары с грабежами, предполагая в них политическую агитацию. Газета „Таймс-оф-Индия" настойчиво отрицала эту связь. Объяснениями Ранаде осталось неудовлетворенным и правительство, которое назначило награду в 5000 рупий за выявление подстрекателей.

Чтобы понять события, следует рассмотреть их в связи с другими. Честная 17-летняя служба заведующего складом опровергает его собственную версию о поджоге с целью скрытия растраты. Предварительное показание его сына об участии третьих лиц и единодушное мнение современников также говорят против такого мотива.

Тот факт, что Балвант Пхадке знал о поджоге до сообщения прессы и, мало того, знал о мотивах, хотя может-быть и не раскрыл их полностью предателю Морешвару, говорит в пользу предположения об его участии, а может быть и руководстве в этих событиях, вызвавших такой переполох среди англичан.[1] Поджигатель не отри-

[1] Васудев сказал Морешвару, что подожгли дворцы, чтобы нанести убыток англичанам. (См. № 53, с. 23).

цал своего знакомства с Балвантом, утверждая лишь, что давно его не видел. Известно далее, что сестра заведующего (Ранаде) была выдана замуж в род Пхадке; следовательно были даже родственные связи с ним.

Для поджога в личных целях библиотекарю не было необходимости поджигать другие здания. Для целей Балванта это было необходимо. Одна из составных частей его плана—вызвать панику среди англичан. И эта цель поджогами и одновременными новыми операциями партизан в окрестностях Пуны и Бомбея была достигнута. Кроме сгоревших в ночь на 14 мая двух крупных правительственных зданий, была тогда же попытка поджечь третье. В ночь на 20 мая загорался дворец холькара в Пуне. Несколько позднее в Панвеле—на родине Балванта были сожжены здания муниципалитета и библиотеки. В ночь на 10 мая были экспроприированы ростовщики деревни Нэйра, на 11 мая—богачи Чикли и Паласпе, в ближайших окрестностях Пуны и Бомбея,

Особенно дерзким было нападение в деревне Паласпе (в талуке Панвел) на дом бывшего дивана Бароды, охранявшийся сипаями. При этом один из охранников был ранен смертельно и два—легко. Напавшие не скрывали, что находятся под начальством Пхадке. Детям отставного министра посоветовали не бояться британского правительства, обещая, что „как только достанут две или три пушки, они пойдут на Пуну". В числе напавших сипайская охрана заметила махраттов, брахманов и мусульман. Этот факт является дополнительным свидетельством, что в отряде Балванта участвовали различные слои населения по их этнической, кастовой и религиозной принадлежности, а не одни „рамуси".

В эти же дни Бомбейские газеты, получили от Балванта Пхадке письмо, в котором он предупреждал что, если губернатор выедет из города, его уничтожат. Опубликованы были листовки Балванта, в которых он объявлял себя другом бедных людей. В его обращениях к правительству газеты находили сходство с прокламациями герцеговинских повстанцев.

Все эти события вызвали большое впечатление. Газета „Таймс-оф-Индия" была вынуждена признать: „Взятые вместе с увеличившейся деятельностью „дакойтов" пожары вызвали большое возбуждение и огорчение в провинции".[1] Все состоятельные люди в панике бросились в города под защиту гарнизонов. На курорте Махаблешвар после 9-ти часов вечера повсюду сновали патрули. Был отдан приказ арестовывать каждого кто выйдет из дому после 9 часов вечера без фонаря. В Пуне вообще была воспрещена всякая ходьба по городу после 8-ми часов вечера.

Под влиянием последних событий бомбейское правительство перестало маскировать размер волнений и бояться переоценить их значение. Оно вызвало досрочно из отпуска командующего войсками в Пуне генерала Примроз, приказав ему немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. В дистрикты были посланы новые подкрепления.

Энергичные меры, принятые правительством, не замедлили сказаться. 17 мая на повстанцев обрушилась большая беда. Транспорт с добытыми ценностями под охраной конвоя во главе с Даулат-Рао был отбит полицией. В бою пало несколько бойцов и командир отряда—самый способный помощник Васудева. Остатки отряда попали в

[1] „Таймс оф Индия", 19/V-1879.

плен. Рухнули надежды на закупку оружия для большого отряда осталось мало надежды на успешное восстановление прежних операций для добычи средств без влиятельного и опытного наика Даулат Рао.

Газета „Инглишмен" обращала внимание своих читателей на то, что бойцы разбитого отряда были одеты в одинаковые одежды белого цвета и красные тюрбаны, что походило на обмундирование.

Местными газетами в дни пожаров в Пуне был сделан по этому поводу такой вывод: „Дело возросло от вспышки краж и грабежей в нечто, начинающее воспринимать элементы организации".[1] Наличие правильного командования и обмундирования является новым штрихом, подтверждающим наблюдение местных корреспондентов.

Правительство повысило теперь вознаграждение за арест Пхадке до 3000 рупий и обещало прощение тому, кто его выдаст, но о нём после разгрома Даулат Рао не было долго никаких известий.

В средине июля происходил суд над захваченными членами отряда Балванта. Из 20 арестованных два были осуждены к смертной казни, 8—к пожизненной ссылке, 9—к строгому тюремному заключению на 3 года и один—оправдан.[2]

По данным следствия Балвант не участвовал в операциях отрядов в апреле и мае. Но участия непосредственно в нападениях он не принимал и раньше, взяв на себя разработку планов и общее руководство. Обстоятельства поджога дворцов в Пуне, особенности выполнения операции на родине Пхадке, в Паласпе, проведённой с прекрасным знанием местности, появление в это время письма, листовок и других мер, рассчитанных на возбуждение паники у англичан и привлечение внешними признаками успеха к себе индийцев, не могли быть делом рук только лишь Даулат-Рао. В этих действиях видно непосредственное участие самого Пхадке. Об этом говорит не только подчёркивание антианглийской направленности в обращении к семейным б. дивана, а и такой штрих при операции в Паласпе, как приказ немедленно составить реестр добытым ценностям, что характерно для дневника Пхадке. Получение ценностей в доме вельможи не менее, чем на 100 тыс. рупий, давало возможность Балванту снарядить договорённых в Хайдарабаде бойцов. Спутник Васудева Гопал Рао вернулся в Гангапур 7—8 мая, а он сам—12-14 мая, т. е. через 1-2 дня после операции в Паласпе, после которой дальнейшей задачей стало для него—реализовать ценности и снарядить рохиллов и „рамуси" в Хайдарабаде.

Разгром Даулат Рао, конвоировавшего добытые ценности, был очень большим, но не смертельным ударом для дела Балванта. В счёт условленного задатка он внёс Измаил-Хану две тысячи рупий и обещал через две недели доставить остальные три, очевидно имевшиеся у него отложенными, за которыми и отправился из Гангапура 17—18 июля 1879 года.

Но к этому времени Васудев был в Гангапуре выслежен добровольной ищейкой начальника бомбейской полиции Даниеля—б. сотрудником Пхадке—Сулейманом. 20 июля в Гангапур нагрянул Даниель, поддержанный полицией и военным отрядом низама, арестовал жрецов, а по их указанию—Рангунатха Морешвара, у которого проживал Пхадке. Морешвар оказался предателем. Он выдал Даниелю направление, в котором два дня назад вышел из Гангапура Пхадке.

---

[1] Там же.
[2] Там же, 18/VII-1879 г.

Объяснения предателя Морешвара выдали полиции и договорённость Пхадке с рохиллами и „рамуси", вождей которых, во главе с Измаил-Ханом, немедленно направились арестовать полиция и войска низама, а сам Даниель с небольшим отрядом бросился в погоню за ничего не подозревавшим Пхадке. На рассвете 21 июля 1879 года последний был застигнут спящим с одним спутником в деревенском храме и арестован.

Сам Измаил-Хан и другие рохиллы на суде отрицали факт соглашения и переговоров. Их запирательства вполне понятны. Измаил-Хан был быстро изобличён показанием одного из своих сипаев, сообщившим что рохиллы доставляли пищу „магарадже".

Известно также, что после встречи с рохиллами Васудев искал надёжного человека, чтобы послать за деньгами в Пуну и другие места, где была сложена добыча.

Самым же веским доказательством согласия рохиллов Хайдарабада воевать с англичанами является арест их вождей одновременно с арестом Пхадке и осуждение пяти человек на разные сроки (до 7-ми лет) заключения.

При обыске у Морешвара, в доме которого Васудев провёл последние полтора месяца перед арестом, нашли ряд бумаг. В частности, были найдены прокламации, в которых за голову бомбейского губернатора Темпля предлагалось 5000 рупий, за голову коллектора Пуны-Мура—3000 рупий и за головы ещё двух английских чиновников—меньшие награды. Под прокламациями стояла подпись: „Васудев Балвант Пхадке по поручению Нана-Сахиба".[1]

В Пуну перевозили „второго Шиваджи"[2] с громадными предосторожностями. Здесь Балванта посадили в отдельную камеру, хорошо и постоянно освещённую и с охраной не только снаружи, но и внутри камеры.

Вслед за арестом вождя были арестованы многие его единомышленники. Выяснилось, что Пхадке имел последних в самых отдалённых и различных местах Индии—Бароде, Индоре, Бенаресе и др. По словам Морешвара, Балвант обращался с предложением союза даже к холькару Индора, но тот отказался выступить против англичан.

На процессе Балвант пытался отрицать свою действительную роль в событиях. Показания предателя Морешвара и записи в дневнике и автобиографии немедленно лишили его возможности оправдываться.

3 ноября 1879 года начался процесс над руководителем движения Васудевом Балвантом Пхадке и его 15-ю соратниками. Судил повстанцев судья—англичанин Ньюнгем. В числе присяжных было 4 индийца и 1 англичанин. Обвинение поддерживал прокурор Нанабхай Харидас.

Суд длился пять дней. И все эти дни не только переполнено было здание суда, куда пускали только по особым пропускам, но густые толпы народа заполняли и ограду, и улицы вокруг здания суда; настолько велик был интерес махраттов к этому процессу.

Из документов и показаний свидетелей перед судом развернулась полностью вся картина описанных выше событий. Было доказано, что Васудев Балвант Пхадке агитировал против англо-индийского правительства, собирал людей, оружие и снаряжение для борьбы с ним и участвовал в грабежах. Каждая из инкриминированных Балванту статей влекла за собою пожизненную ссылку.

---

[1] „Таймс оф Индия", 27 октября 1879г.
[2] Выражение той же газеты за 26/V-1879г.

7 ноября 1879 года в 2 часа дня присяжные вынесли решение — считать Васудева Балванта Пхадке виновным во всех предъявленных ему обвинениях, 4-х из остальных подсудимых оправдать, 10 признать виновными в грабежах. Дело одного из подсудимых было отложено.

Вождь восстания был присуждён к пожизненной ссылке на Андаманы. 10 обвиняемых, признанных присяжными виновными в грабеже, были приговорены к 10-летнему тюремному заключению. Относительно осуждённых в июле сессионный суд обратился к верховному с просьбой увеличить наказание. Четверо оправданных были вновь арестованы полицией по выходе из здания суда.

Судья приказал полиции очистить здание суда и его окрестности от народа до перевозки в тюрьму ставшего знаменитым узника Васудева Балванта Пхадке. С трудом удалось очистить лишь внутреннее помещение суда. Не только прилегающие улицы, но даже двор суда очистить оказалось невозможным. Махратты хотели видеть „второго Шиваджи". После длившихся больше часу безуспешных попыток рассеять толпу, полиция была вынуждена отправлять „Шиваджи второго" в тюрьму, провозя посреди народа. Едва Васудев показался в дверях, ему была устроена овация. По улицам прокатились многоголосые возгласы: „Да здравствует Васудев".[1]

Энтузиазм, с которым махратты приветствовали смелого борца за свободу, бесстрашно бросившего вызов могучему правительству, показывает, что выступление Васудева, хотя не вызвавшее всеобщего восстания, отвечало национальным чаяниям народа и пробуждало в нём стремление к борьбе за освобождение. Дальнейшие события показали, что открытая борьба Балванта с англичанами, державшая несколько месяцев в ужасе последних, несмотря на незначительность сил повстанцев, вызвала отклик не только в Пуне, а по всему президентству и даже за его пределами.

Когда в Пуне разнеслась весть о предстоящей отправке Васудева по железной дороге на Андаманы, весь народ бросился на станцию. Отъезд узника к месту наказания походил на триумф победителя. По словам одной газеты, он совершал своё путешествие „как если бы был почётным гостем правительства, а не осуждённым, направляющимся к месту наказания".[2]

Опыт короткого путешествия из Пуны до Тханы показал правительству, что провоз самоотверженного патриота через весь полуостров на Андаманы несомненно будет триумфальной поездкой и лучшей агитацией за изгнание чужеземных правителей. Англо-индийское правительство побоялось везти знаменитого революционера через весь полуостров. Он был высажен в Тхане, а затем ему было назначено другое место ссылки. 3 января 1880 года „известный повстанческий вождь" был посажен на почтовый пароход и отправлен в Аден.[3]

Арест единомышленников Пхадке по материалам судебного следствия продолжался ещё много месяцев после процесса. Например, в 1880 и 1881 году бомбейские газеты печатали по временам сообщения о новых арестах. Этот факт подтверждает что, хотя движение не имело глубоких корней в народе, среди интеллигенции Пхадке не был таким одиночкой, каким пытаются его представить апологеты английского колониального режима в Индии.

---

[1] „Джай Васудев!" см. № 53, стр. 35.
[2] „Таймс оф Индия", 17 ноября 1879 г.
[3] „Таймс оф Индия, 10 января 1880 г.

Какова была окончательная судьба Пхадке—одного из самых замечательных героев истории Индии XIX века—остаётся невыясненным. Последние сообщения о нём, известные в настоящее время, относятся к октябрю 1880 года, когда он делал попытку бежать из заключения в Адене. Неизвестным способом он сумел ночью освободиться от оков, из камеры, выбраться из здания и перебраться через внешнюю стену тюрьмы, но не смог быстро пробраться через ограду зоны отчуждения, около которой и был настигнут конными стражниками. Этот последний эпизод как нельзя лучше характеризует энергичный характер, силу воли и целеустремлённость Васудева Балванта Пхадке—индийского революционера—демократа и патриота.

* * *

Движение деканских райотов под руководством Васудева Балванта Пхадке носило черты, типичные для крестьянских восстаний. Оно было локальным, хотя одновременно с ним происходили другие восстания, имело сменяющийся состав участников и не имело твёрдого руководящего ядра и сколько-нибудь значительного костяка участников. Лишённое руководства рабочего класса, оно было обречено на поражение.

Вместе с тем выступление Пхадке имело ряд новых черт, отличающих его от других крестьянских восстаний. Основные участники и руководители его ясно понимали, что ростовщики и другие непосредственные эксплоататоры деревни—лишь составная часть колониального режима. Его ясной целью было, поэтому, свержение иностранного гнёта. Руководство движением находилось в руках интеллигенции—В. Б. Пхадке и трёх других молодых брахманов.

Если большинство руководителей крестьянских восстаний были „царистами", стремившимися иностранное правительство заменить властью отечественного монарха, Пхадке и его товарищи имели целью установить республиканскую форму управления в Индии. Такая программа вносила революционно-демократический элемент в движение и позволяет охарактеризовать Пхадке не только—как патриота, но и как революционера демократа.

Эти новые черты движения под руководством Пхадке явились причиной тому, что влияние этого выступления было много значительней, чем можно было бы судить по количеству его участников. Под влиянием Пхадке антиростовщические и антианглийские выступления широкой волной раскатились по дистриктам Декана. Даже по заниженным правительственным данным, в операциях партизанских отрядов участвовало до 700 человек и около 340 человек было осуждено.[1] На деле количество участников было много больше. Недаром события 1878-79 г. г были названы англичанами „Деканской аграрной войной 1878-79 г. г."[2]

События 1870-х годов оказали большое влияние на размежевание классовых сил по всей И дии. Индийские князья и другие феодалы превратились в ещё более раболепных слуг колониального режима.

Либеральная буржуазия, испугавшись массового движения, грозившего и её классовым интересам, начала переходить на позиции открытой поддержки английского владычества над Индией. За измену

---

[1] 7 человек было присуждено к смертной казни, 262-к ссылке, 69—к другим наказаниям. Таймс оф Индия 1/I-1881.

[2] Оценка событий газетой „Пайонир Мэйл"—16/I—1889 г.

национальным интересам она просила лишь небольших либеральных свобод в рамках Британской империи, порядки которой у себя в метрополии были тем идеалом, к которому она стремилась.

Из приведенных выше неоднократно высказываний К. Маркса можно заключить, что он оценивал события 1870-х г. г. как революционный кризис. Проф. И. П. Минаев считал выступление Пхадке показателем, что только мерами подавления стало трудно управлять Индией.

События последних лет этого десятилетия явились крахом колонизаторской доктрины консерваторов, утверждавших, что в Индии руководить крестьянским движением могут только феодалы. Имея же поддержку последних, англичане-де могут не считаться с другими классами Индии.

Руководство крестьянским движением со стороны чиновника заставило опасаться слияния двух потоков антианглийского движения— крестьянского и буржуазной интеллигенции. „Полагали, что подобно каплям воды на листе, мелкие банды начнут повсеместно соединяться в крупные... что вскоре после того, как эти банды превратятся в грозную силу, какое-то небольшое число лиц из образованных классов, настроенных, (возможно, без достаточных оснований) против правительства, присоединится к движению, примет на себя руководство им, объединит разрозненные выступления в одно целое и превратит это движение в национальное восстание",— писал о ситуации в эти годы крупный колониальный чиновник В. Веддерберн.[1]

Английские капиталисты, мастера „мошеннических компромиссов большого размаха",[2] убедившись в ошибочности доктрины консерваторов, перешли к маневрам. События 1870-х годов являются в истории Индии вехой, отмечающей поворот колонизаторов от опоры только на феодалов к опоре на феодалов и буржуазию.

Англо-индийское правительство в целях обмана крестьян в июле 1879 года провело закон „О помощи земледельцам Декана". Внеся раскол в их среду, оно разгромило „аграрную войну 1878—79 г. г." Подавив крестьянское движение, английские колонизаторы в целях обеспечения себе полной поддержки либеральных помещиков и крупной буржуазии, тесно связанной в Индии с полуфеодальным землевладением и из боязни массового движения в свою очередь склонной к компромиссу, пошли им на мелкие уступки. Англо-индийское правительство отменило введенную Литтоном цензуру индийской прессы, предоставило цензовой индийской буржуазии большинство в выборных муниципалитетах и создало т. н. окружные управы-органы местного самоуправления для землевладельцев в сельских районах. Завершением этой политики сговора с индийской буржуазией и либеральными помещиками перед лицом крестьянского движения и в „чаянии открытой борьбы с Россией", явилось разрешение в 1885 году организовать буржуазно-помещичью партию Индийский национальный конгресс для легальной деятельности в рамках колониального режима.

Родившись в результате антинародного сговора, ИНК продолжает и теперь антинародную политику.

---

[1] Цит. по работе П. Датта „Индия сегодня" М., 1948, стр. 321.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 202.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Основной причиной исключительного подъёма крестьянского движения в Индии в 1870-х годах явилось резкое ухудшение и до того тяжёлого положения крестьянства под влиянием следующих факторов:

а) усиления ограбления прямыми и косвенными налогами;
б) усиления полуфеодальной эксплоатации крестьянства со стороны помещика, ростовщика и скупщика;
в) крайнего разрушения оросительной системы;
г) предельного истощения ресурсов населения к этому времени под действием колониального режима;
д) губительного влияния мирового аграрного кризиса и промышленного кризиса 1870-х годов на экономику колонии в связи с её окончательным втягиванием в мировой товарооборот;
е) усиления конкуренции на сельскохозяйственном рынке стран с более высокой ступенью развития производительных сил (США).

Ухудшение положения крестьянства в 1870-х годах достигло такой степени, что даже в поставленной в относительно привилегированные условия провинции Пенджаб годовой доход среднего земледельца не превышал годовой стоимости питания заключённого. В других местностях Индии годовой доход крестьянина-середняка не допускал питания более чем один раз в день скудной растительной пищей.

Налоги, не смягчавшиеся и в годы самых суровых голодовок, отнимали у крестьянина часть необходимого продукта, отрывали „ломоть от куска хлеба насущного". Под действием колониального режима крестьяне впадали в неоплатную задолженность сельским ростовщикам и торговцам. Долговая кабала приводила к разорению и обезземеливанию. Лишившиеся земли крестьяне быстро деградировали через промежуточные ступени различных категорий арендаторов на положение кули и подёнщиков. Уделом последних, как и других безземельных жителей деревни, было постоянное прозябание на грани истощения и голодной смерти. Учащение и обострение голодовок приводило к миллионной смертности.

На основании неоспоримых данных выявляется консервирование колонизаторами в Индии докапиталистических методов эксплоатации. Разоблачены маневры колониальных властей путём законодательных мероприятий, проводимых, якобы, для „покровительства" крестьянам, а на деле—для помощи их угнетателям в эксплоатации райотов.

Бедственное экономическое положение крестьянства вызывало рост его возмущения и сопротивления усилившемуся гнёту со стороны колониального режима, ростовщика и помещика.

Подъём крестьянского движения происходил в 1870-х годах в новой обстановке. Вопреки препятствиям со стороны завоевателей достигла заметного размера индийская национальная промышленность. Появились новые общественные классы—буржуазия и пролетариат. С их возникновением начали складываться индийские нации и зародилось буржуазное национально-освободительное движение, которое оказало влияние на крестьянское движение. Определённое влияние на последнее оказали и первые выступления пролетариата. Внесение элементов национально-освободительного движения в крестьянские выступления—одна из особенностей крестьянских восстаний 1870-х годов.

Влияние всех этих сдвигов во внутренней обстановке объясняет факт зарождения демократического революционного течения в Индии в этом десятилетии.

В связи с приближением эпохи империализма в силу закона неравномерного развития капитализма в этот период Англия лишилась былой промышленной монополии и утратила европейские рынки сбыта. Кризис и депрессия в Англии 70-х годов вместе с подъёмом стачечного движения побуждали английскую буржуазию к большему использованию колоний, как рынков сбыта, и наступлению на местную промышленность. Ряд реакционных мероприятий английского правительства, направленных к подавлению индийской промышленности, вызвал рост оппозиционных настроений со стороны буржуазии и рост недовольства и сопротивления двойной эксплоатации со стороны индийского пролетариата.

Наряду с этим крестьянские восстания 1870-х годов проходили в период обострения англо-французских и англо-русских противоречий и ряда колониальных войн агрессивного британского капитализма. Эти обстоятельства способствовали длительности восстаний и трудности их подавления колониальными властями, отвлекая из Индии значительную часть вооружённых сил.

Приведенные выше слова из письма К. Маркса Даниельсону свидетельствуют, что великий основоположник марксизма оценивал положение в Индии 1870 1880-х годов, как нарастание революционной ситуации. Этим определяется значение этого периода для истории страны и особая опасность крестьянских восстаний в условиях внутренней и внешней обстановки того времени для английского господства в Индии.

Крестьянским выступлениям в Индии в 1870-х годах были свойсвенны черты, типичные для всех крестьянских восстаний, не руководимых пролетариатом: стихийность, локальность, отсутствие ясной цели и программы, организованности и дисциплины. Но вместе с тем они происходили в условиях появления в Индии буржуазного национально-освободительного движения, первых выступлений пролетариата и приближения эпохи империализма. Поэтому они имели и много новых черт, сравнительно с индийскими восстаниями предыдущего периода. Наличие старых и появление новых черт является особенностью крестьянских выступлений этого десятилетия, объясняющейся переломным характером его в истории развития капитализма.

Начало 1870-х годов отмечается наличием движений, проходивших в религиозной оболочке, характерной для крестьянских восстаний средневековья. Таковы были движения „намдхари“ и „ваххабитов“.

Наряду с ними, уже в 1872 и 1873 годах отмечается появление крестьянских союзов, возникших исключительно для целей антифеодальной борьбы без религиозной оболочки, как это имело место в крестьянских выступлениях в Пабне и Богре и организации союза санталов.

Возникновение таких союзов являлось, возможно, следствием влияния молодого индийского рабочего класса. Это особенно ясно в последнем случае, где союз для борьбы против феодальной эксплоатации возник среди племени, значительная часть которого систематически являлась рабочими—отходниками в Калькутте.

В выступлениях 1875 и 1877 годов в Махараштре крестьяне применяют формы движения, характерные для пролетарских методов борьбы.

В начале десятилетия не наблюдалось слияния антифеодальной и антииностранной борьбы крестьянства. В ходе восстаний наблюдается всё большее и большее сочетание обоих истоков. Так переросли из движения против феодалов в борьбу с войсками и полицией события в Пабне и Богре, из штурма вассалов британских завоевателей в борьбу с последними—возмущение „намдхари" и др.

Наиболее ярко это сочетание двух потоков проявилось в выступлении Васудева Балванта Пхадке, где восстание против англичан было начато с экспроприации ростовщиков, выступавших в районах „райотвари" в роли помещиков в осуществлении феодальной эксплоатации крестьянства.

До 1870 х годов и даже в их начале крестьянские выступления проходили под аграрными лозунгами, а антииностранное движение скрывалось под религиозными. Начиная со второй половины этого десятилетия, крестьянские восстания проходили преимущественно под политическими лозунгами, с ясно выраженной целью борьбы за освобождение родины от иноземного владычества. Примерами такой борьбы являлось и восстание „Рампа" и движение махраттов за сохранение княжества Барода и особенно—выступление Васудева Балванта Пхадке.

Центрами таких открыто антииностранных выступлений являлись местности, населённые наиболее передовыми народностями Индии, ушедшими дальше соотечественников в процессе формирования в нацию. Несомненно, такой характер восстаний является свидетельством значительного прогресса их в этом направлении, подтверждением чему является слияние антииностранного движения крестьян с антианглийским движением плебейских элементов городов.

В последнем случае наблюдалась и ещё новая черта, явившаяся разультатом начала слияния национально-освободительного движения города и деревни. В наиболее зрелом восстании—выступлении Васудева Балванта Пхадке в крестьянское движение был внесён элемент и буржуазно-демократического революционного направления. Целью восстания его руководитель, являющийся зачинателем буржуазно-демократического революционного движения в Индии, провозгласил не восстановление отечественного правителя, а установление республики.

Новой чертой сравнительно с предыдущим периодом являлась почти повсеместность крестьянских восстаний, охвативших в этом десятилетии почти все провинции Индии. Даже в великом народном восстании 1857-59 г. г. движение ограничивалось лишь долинами Ганга и Джамны и центральной Индией. Антианглийское движение в 1870-х годах охватило даже Пенджаб—оплот британского владычества в Индии". В нём участвовали теперь и сикхи, из которых в 1857-59 годах формировались полки для подавления восстания.

Повсеместность и другие приведенные выше особенности являются

ве единственными чертами, отличавшими восстания 1870-х годов от 1857-59 года. Хотя в 1870-х годах не было большого примущества великого восстания 1857-59 года—армии, но не было и многих его слабостей. Ни одно из восстаний 70 х годов не проходило под лозунгом возврата к власти Великих Моголов. Ни в одном из них не было в руководстве крупных феодалов. В большинстве восстаний не было и религиозных лозунгов.

Восстания 70-х годов проходили под руководством выходцев из демократических слоёв населения. Принятая новыми руководителями тактика партизанской борьбы несравнимо больше соответствовала условиям борьбы крестьян с регулярными войсками под единым командованием, чем тактика открытых сражений 1857-58 года.

Состав участников выступлений также изменился в сторону демократизации движения. Основной военной силой восстания 1857-59 года являлась бенгальская армия, состоявшая в значительной части из брахманов. Теперь в движении участвовали и представители низших каст и все земледельческие касты.

Таковы основные черты крестьянских выступлений 1870-годов в Индии, которые определили и их значение.

Крестьянские восстания 1870-х годов расшатызали устои колониального режима в Индии. Их невиданный до тех пор размах напугал британских колонизаторов. Именно поэтому английские правящие классы, опасаясь присоединения местной буржуазии к крестьянскому движению, предприняли меры к расширению своей социальной базы, пошли на мелкие уступки (Индийский Национальный конгресс) представителям индийской буржуазии и интеллигенции и провели ещё ряд либеральных маневров в этих целях.

Значение крестьянского движения 1870-х годов заключается также во влиянии крестьянских восстаний, на индийских феодалов и буржуазию. События 1870-х годов окончательно закрепили союз британских колонизаторов с индийскими феодалами, напуганными не меньше своих английских хозяев широким размахом крестьянского движения.

Отмеченная проф. И. П. Минаевым готовность индийской буржуазии к сговору с английскими правящими кругами под влиянием событий 1870-х годов проявилась с несомненной ясностью. Индийская буржуазия боялась остаться один на один со своим народом и поэтому желала английского господства для подавления восстаний. Видный представитель индийского капитала и отечественной буржуазной историографии Д. Наороджи писал в 1880 г.: „... Имеется одна черта, являющаяся особенностью Индии,—она нуждается в британском мудром и благодетельном руководстве и наблюдении" (№ 95, стр. 226).

Собственные слова одного из руководителей буржуазного националистического движения изобличают предательскую космополитическую природу индийской буржуазии, уже тогда готовившейся изменить своему отчеству. Крестьянское движение 1870-х годов повлияло на определение позиций Индийского Национального конгресса в его отношении к колониальному режиму, как силе, защищающей индийские эксплоататорские классы от гнева угнетённых масс своих народов. Позднейшие события подтвердили правильность оценки крупной индийской буржуазии И. В. Сталиным, что она „...боясь революции в своей стране больше, чем империализма", предпочитает „...сделку

с империализмом делу освобождения своей страны от империализма, предавая тем самым свою собственную родину".[1]

Наряду с этим события 1870-х годов способствовали разоблачению индийских феодалов, как опоры иноземного господства в Индии. Уроки восстаний 1870-х годов воспитывали в крестьянах чувство классового самосознания.

Поддержка британскими властями индийских феодалов и ростовщиков, совместная борьба с иноземным владычеством воспитывала в широких кругах индийских народов чувства общности и единства, способствуя процессу формирования национальностей.

События 1870-х годов, когда для подавления почти невооружённых крестьян потребовались английским властям крупные военные силы и на длительное время, показали слабость колониального режима и силу объединённого народного движения. Тем самым они способствовали распадению ореола британской мощи и непобедимости и росту национально-освободительного движения в дальнейшем.

Восстания 1870-х годов являются вехой, когда наряду с крестьянскими восстаниями в средневековых формах делает первые шаги радикально-революционное движение.

События 1870-х годов оказались „переломными" и в том отношении, что именно в результате крестьянских восстаний этого периода в Индии оформились политические течения, имевшие впоследствии большое значение. Как указывалось выше, в виде реакции на движение „ваххабитов" Саид Ахмад-хан положил начало религиозно-общинному проанглийскому течению мусульманской верхушки. Деятельность возглавленного им движения особенно активизировалась после организации в 1885 году Индийского Национального конгресса и привела в дальнейшем развитии при английской поддержке к созданию в 1906 году Мусульманской лиги, а в 1947 году—к созданию государства Пакистан.

Политика сговора английских колонизаторов с индийской верхушкой из боязни массового движения, вызванной крестьянскими восстаниями „переломного" десятилетия, привела в 1885 году, как известно, к организации Индийского Национального конгресса, деятельность которого с самого начала носит предательский по отношению к народу характер на протяжении всей истории его существования, продолжающегося и в настоящее время. Его деятельность привела к поражению национально-освободительного движения в дальнейшем и к сохранению зависимости Индии посредством её расчленения.

С другой стороны, крестьянские восстания, охватившие в 1870-х годах значительную часть территории Индии, способствовали созданию преемственной традиции национально-освободительного и антифеодального движения в районах их распространения в дальнейшем. Волнения горцев в горах Годавари с того времени ещё более участились, приведя на новом этапе истории к заслуженной чести для Теленганы стать местом образования первых в Индии очагов народно-демократической власти.

Васудеву Балванту Пхадке принадлежит заслуженная честь стать зачинателем революционно-демократического течения в Индии. От него прослеживается преемственная линия революционной борьбы за свободу и независимость Индии. Не прошло и двух лет после выступления Пхадке, как в районе деятельности его отрядов англий-

[1] И. В. Сталин. Сочинения, том 7, стр. 107.

скими властями был раскрыт возникший под влиянием его агитации и деятельности „Колхапурский заговор", организованный почитателем и последователем Пхадке—Рамбхатом Кадекаром. Не что иное, как последнее событие, отмечал К. Маркс в известном письме к Даниельсону от 19 февраля 1881 года (когда только что осудили „колхапурских заговорщиков"): „В Индии для британского правительства готовятся серьёзные осложнения, если не всеобщее восстание... Среди населения зреет настоящий заговор, в котором участвуют, совместно и индусы и мусульмане".[1]

Несомненно, что деятельность Пхадке и Кадекара не могла не оказать влияния на виднейшего деятеля национально-освободительного движения в Индии—их соотечественника Тилака, который именно в 1880-1881 годах начал свою патриотическую деятельность. А именно Тилак много способствовал превращению национально-освободительного движения в Махараштре в массовое, народное.

Борьба индийского крестьянства в 1870-х годах способствовала созданию традиций крестьянского движения в районах её наибольшей силы в этом десятилетии. Ведущая роль в освободительной антиимпериалистической борьбе во время и после II мировой войны народов андхра и махраттов в определённой мере объясняется историей освободительной борьбы этих народов в прошлом.

Несмотря на их чрезвычайный размах, крестьянские восстания в 1870-х годах в Индии не имели перспектив на окончательную победу. В беседе с Э. Людвигом И. В. Сталин сказал: „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями"[2].

В эти годы в Индии рабочий класс был ещё слишком слаб и неорганизован, чтобы претендовать на роль вождя крестьянского движения. Лишь в эпоху пробуждения Азии под влиянием русской революции 1905 года пролетариат выступил на арену политической борьбы.

После Великой Октябрьской революции и под её влиянием в Индии образовалась коммунистическая партия, которая руководит борьбой рабочего класса за гегемонию в национально-освободительном и крестьянском движении.

Победа Советского Союза в Отечественной войне и победа народной демократии в ряде стран Европы и Азии в результате второй мировой войны усилила позиции демократического движения в Индии в борьбе за мир, подлинную независимость и аграрную революцию против империалистов и их местной агентуры в лице крупной буржуазии и помещиков и их партии—ИНК.

Прошедшие в 1951-52 г. г. в Индии выборы показали успехи индийского пролетариата и его коммунистической партии в борьбе за гегемонию в демократическом движении за мир, подлинную независимость и аграрную революцию. Эти успехи являются началом дальнейших, ещё больших достижений индийского пролетариата в борьбе за гегемонию. Залогом конечной победы пролетариата и его союзника—крестьянства, одна из страниц борьбы которого послужила предметом настоящей работы, является руководство этой борьбой со стороны КПИ, применяющей теорию по национально-колониальному вопросу, создателем которой является наш вождь великий Сталин.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ. Госполитиздат, 1948, стр. 343.

[2] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом ОГИЗ, 1938, стр. 8-9.

ХРОНОЛОГИЯ

основных событий из истории крестьянского движения в Индии в XIX веке.

1740—1834.	90-летняя война горцев Парлакимеди против заминдаров.
1759	—Обострение борьбы горцев в Сев. Сиркарах.
1770—1771.	Восстание Юзуф-хана в Мадуре.
1784	—Восстание в Ауде.
1786	—Родился в Рае Барели Сеид-Ахмад, основатель индийского ваххабизма.
1799—1800.	Борьба крестьян Майсора против английских завоевателей под руководством Дандиа Вагха.
1806	—Попытка восстановления в Майсоре свергнутой англичанами династии (выступление в Веллоре).
1815	—Выступления в Хатрасе и Барелли при известиях о неудачах англичан в Непале.
1815—октябрь.	Вторжение махратских партизан „пиндари" во владения союзника Ост-Индской компании—низама Хайдарабада
1816—1817.	Война „пиндари" в союзе с махратским феодальным ополчением против ОИК.
Конец 1817.	Гибель вождей пиндари Читу и Васил—Мухаммеда и измена Карим-хана. Подавление „пиндари".
1819—1820.	Основание ваххабизма Сеид-Ахмадом.
1824.	Выступление сипаев 47 полка в Баракпуре.
1826—1832.	Восстание крестьян в Бомбейском президентстве против попыток введения „райотвари" по мадрасскому образцу.
1830—1832.	Восстание крестьян Майсора против княжеского гнёта.
1831	—Смерть Сеид-Ахмада, основателя ваххабизма.
1831	—Восстание ваххабитов Н. Бенгала (фараизитов) под руководством Титу Мийяна.
1834	—Подъём крестьянского движения в Сиркарах. Введение там военного положения.
1835—1836.	Восстание кхондов.
1835—1848.	Крестьянская война в области „Рампа" (Годавари).
1836—1854.	Восемнадцатилетняя война „мопла".

1839	—Попытка восстания в Курнуле.
1844	—Восстание в Колхапуре.
1845	—Родился Васудев Балвант Пхадке—вождь деканского крестьянства и основатель революционно-демократического течения в Индии.
1847	—Основание „намдхари".
1847	—Выступление под руководством Нарасимха Редди в Мадрасском президентстве.
1853	—Провал двух дистриктных центров ваххабитов в Бенгале. Выявление переписки с сипаями и осуждение последних.
1853	—Выступление горцев Савара.
1853—1856.	Крестьянская война в горах Визагапатама.
1856.	Новое выступление горцев Савара.
1855—1856.	Большое Сантальское восстание.
1857—1859.	Выступление крестьян Доаба и Центр. провинций в союзе с сипаями.
1857	—Вторжение ваххабитов в союзе с горцами из Ситаны в Пенджаб.
1858	—Карательная экспедиция Коттона в Ситану. Отход ваххабитов в Малку.
1858 апрель—декабрь.	Крестьяне-повстанцы полностью хозяева в окрестностях Шахабада.
1860—1861.	Борьба крестьян в районах выращивания индиго против плантаторов и правительства.
1861	—Возвращение ваххабитов в Ситану и возобновление вторжений в Пенджаб.
1863	—Восстание горцев около Аттока и их выступление против англичан в союзе с ваххабитами.
1863—октябрь	Поход бенгальской армии на подавление восстания горцев и ваххабитов.
1863—октябрь—декабрь.	Окружение и осада повстанцами ударного корпуса ген. Чемберлена в горном проходе Амбейла.
1863—конец декабря.	Подавление восстания и разрушение Ситаны.
1864	—Провал ваххабитского руководства внутри Индии.
1864—июль.	Процесс главных вождей ваххабитов в Амбале.
1865—1871	—Серия процессов над ваххабитами.
1865	—Волнения кхондов Ганджама.
1866	—Организация Сантальского союза.
1868	—Возобновление нападений ваххабитов на английские войска из восстановленной Ситаны.
1868—октябрь.	Карательная экспедиция Уайльда против ваххабитов на сев.-зап. границе Индии.
1868—1869.	Выступление крестьян Лахора и Амритсара против экспроприации земли.
1870	—Восстание в княжестве Альвар.
1871	—Новое выступление ваххабитов Ситаны.
1872—январь 14—15.	Вооруженное нападение „намдхари" на Малодх и Малер-Котла.
1872—январь 16—18.	Зверский расстрел 65 „намдхари" из пушек.
1872 январь.	Раскрытие и разгром Сантальского союза англичанами.
1872—февраль.	Убийство вице-короля Майо на Андаманах.
1872—1873.	Волнения в Пабне и Богре (Бенгал).

1873—1876.	Выступление Хоньи Бхагоджи Кенглии.
1873	—Выступление молодежи „мопла".
1874	—„Голодные бунты" в окрестностях Дарджилинга.
1875	—Восстание в Бароде против попытки аннексии.
1875	—Обострение вооруженной борьбы „Нага".
1875—май—сентябрь	Массовые выступления крестьян Пуны, Ахмеднагара и Сатары.
1875	—Выступление крестьян Удайпура.
1877—январь.	Стотысячная забастовка крестьян на работах для голодающих.
1878—февраль.	Восстание в княжестве Сукет.
1878—1879.	„Аграрная война" в Декане.
1879—февраль.	Выступление Васудева Балванта Пхадке.
1879—март.	Начало восстания в области „Рампа".
1879—май 14—15.	Сожжение правительственых зданий Бомбейского президентства (г. Пуна).
1879—май 17.	Поражение и гибель Даулат Рао.
1879—июль.	Крупная победа повстанцев „Рампа" на р. Годавари у устья р. Сапри.
1879—июль.	Первый судебный процесс над частью арестованных участников выступления В. Б. Пхадке.
1879—июль 21.	Арест Васудева Балванта Пхадке.
1879—ноябрь 3—7.	Судебный процесс над В. Б. Пхадке и его 15-ю соратниками в Пуне.
1879—1880.	Вооруженное восстание „Нага".
1879 конец года.	Подавление последнего из отрядов Пхадке (Саблы и сына).
1880—февраль.	Гибель вождя восстания „Рампа"—Чендрии.
1880—июль.	Гибель вождя восстания „Рампа"—Тамман-Дхоры.
1880—ноябрь.	Окончательное подавление восстания в „Рампа".
1880	—Антифеодальное выступление „мопла".
1880	—Раскрытие „Колхапурского заговора".
1881—январь.	„Колхапурский процесс".
1881	Восстание бхилов.
1883—1885,	Пять возмущений „мопла".
1894—1896.	Восстания „мопла".
1896	—Кампания против платежа ренты под руководством Тилака.
1897—1898.	Восстание в горах сев.-зап. Индии.
1897	—Террористические акты против англичан в Бомбее.
1897	—Арест и осуждение Тилака.
1899—1900	—Волнения в Вазиристане и Свате.

ПЕРЕЧЕНЬ

цитированных источников и литературы

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том IX, разд, „Ост-Индия".
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о „Капитале". ОГИЗ, Госполитиздат, 1948.
3 К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ. Госполитиздат, 1948.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Переписка с русскими политическими деятелями. ОГИЗ, Госполитиздат, 1947
5. К. Маркс. Капитал, том I, Госполитиздат, 1951.
6. К. Маркс. Капитал, том III. Госполитиздат, 1949.
7. К. Маркс. Британское владычество в Индии. М. и Э. Избр. пр., том I, М. 1948.
8. К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии. ОГИЗ. Госполитиздат, 1947.
9. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.
К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, том VIII.
10. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М 1948.
11. В И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, том 3, изд. 4.
12. В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике Сочинения, том 15, изд. 4.
13. В. И. Ленин. Пробуждение Азии. Сочинения, том 19, изд. .
14. В. И Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, том 22, изд. 4.
15 В И. Ленин. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939.
16. И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. „Большевик" № 18 за 1952 г.
17 И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд-во „Правда", 1950.
18. И. В. Сталин. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. Сочинения, том 5.
19. И. В Сталин. К итогам работ XIV конференции ВКП (б). Сочинения, т. 7.
20. И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. ОГИЗ. Госполитиздат, 1948.
21. И. Сталин, С. Киров, А. Жданов. Замечания о конспекте учебника новой истории. Сб. „К изучению истории". Партиздат, М 1937.
22. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс.
23 А А Жданов О международном положении. Моск. раб 1947.
24. Проект программы Коммунистической партии Индии. „Большевик" № 9, за 1951 год
25 „Туркестанские ведомости". Ташкент, 1870—1880.
26 „Гражданин", 1888.
27. Архив проф И. П Минаева, хранящийся в рукописном отделе И. В. А. Н. СССР, фонды: 106 $\frac{6\,5}{\text{из }42}$ и 21 $\frac{605}{\text{из }30}$
28 История дипломатии, том II Госполитиздат, М, 1945.
29 Минаев И. П. Очерки Индии и Цейлона. СПб, 1878.
30 Островский. Ирригационные системы Индии. СПб, 1907.
31 Пашино, П. Вокруг света. По Индии, том I. СПб, 1885.
32. Иованович, М. Бомбей. М. 1897.
33 П. Датт, Индия сегодня. Москва, 1948.

34. Дьяков А. М. Национальное движение на юге Индии. Учёные записки Института Востоковедения АН СССР, т. I. М.—Л., 1950.
35. Ковалевский М. М. Общинное землевладение. М. 1879.
36. Ламанский. Индия. СПб, 1893.
37. Новая история стран зарубежного Востока. М. 1952.
38. Рейснер И. М. Очерки классовой борьбы в Индии. М. А. И. 1932.
39. Снесарев А. Е. Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб, 1906.
40. Balfour B. The History of lord Lytton's Indian administration 1876—1880, New—York Bombay, 1899.
41. The Calcutta Review, v. v. 50—68, 1870—1878.
42. Colvin Aucland. Memorandum on the revision of the land revenue settlement in the North—Western Provinces A. D. 1860—1872. Calcutta, 1872.
43. The Daily News. London, 1875.
44. East India (Report of Famine commission) Appendix II. Lond. 1882.
45. Elphinstone Mountstuart. Report on the territories conquered from the Paishwa. Bombay, 1872.
46. East India. Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1871—72.
47. East India. Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India during the year 1872—73.
48. General report on the adminisration of the Punjab territories for the years: a) 1863—64, b) 1864—65, c) 1865—66, d) 1866—67. Punjab Printing Company's Press. Lahore.
49. Kyd Nairne Alex. A Handbook for revenue officers in the presidency of Bombay, Bombay, 1878.
50. The Morning Post. London, 1875.
51. Notes on the North—Western Provinces of India by a district officer. London, 1870.
52. „Pioner Mail", 1889.
53. Report on the trial of Wasudev Bulwant Phadkey the notorious rebel leader... Together with his diary and autobiography. Poona, *s/a*.
54. Report of the land revenue settlement of the Lucknow district.... Lucknow. 1873.
55. Report on the administration of the *N.—W. P.* and Oudh for the year ending 31-st March 1879. Allahabad. 1879.
56. Review of the revenue administration of the province of Oudh for the year ending 30 th september 1878. Allahabad, 1880.
57. Report of the land revenue settlement of the Hasara district of the Punjab MDCCCLXXVI.
58. Report on the revised land revenue settlement of the Lahore district in the Lahore. division of the Panjab. 1865—1869. Lahore, 1873.
59. Report on the revision of the land revenue settlement of the Gujranwalla district 1866—67, Lahore 1874.
60. Report on the administration of the Punjab and its dependencies for the year 1873—74. Lahore, 1874.
61. Report on the administration of the Punjab and its dependencies for the year 1878—79 Lahore. 1879.
62 Report on the administration of the Punjab and its dependencies for the year 1877—78. Lahore, 1878.
63. Report on the administration of the Punjab and its dependencies for the year 1869—70 Lahore, 1870
64. Report on the administration of the Punjab and its dependencies for the year 1871—72. Lahore, 1872.
65. Report of the land revenue settlement of the Kangra district. 1865—1872. Lahore 1874
66. Report on the revised settlement of the Goojranwala district in the Lahore division. Lahore. 1871.
67. Report on the revised land revenue settlement of the Montgomery district in the Mooltan division of the Punjab. Lahore, 1878.
68. Report on the settlement of the Peshawar district. Lahore, 1871.
69. Report on the census of the Panjab taken on the 17th February 1881. Calcutta, 1883.
70 Report on the administration of the Bombay presidency for the year 1878—79. Bombay, 1879.
71. Report on the administration of the Madras presidency during the year 1878—79. Madras, 1879
72. Routledge J. English rule and native opinion in India. From notes taken 1870—1874 London, 1878.
73. Selections from the minutes anb other official writings of the honorable Mountstuart Elphinstone governor of Bombay. London, 1884.
74. Selections from the records of the government of India (Home department). Calcutta 1872.

75. Selections from records of the government of the Panjab (tenant rights). Lahore 1869.
76. Statistical Abstract relating to British India № 10 (1865—1875)
77. Statistical Abstract revating to British India №16 (1871—1880).
78. Statistical descriptive and historical account of the North—Western Provinces of India, vol. VI, part I, prepared under orders of the government of India, Allahabad'. 1876.
79. The Statistics ot the North-Wes' Provinces of India. Allahabad, 1876.
80. The Times of India Bombay 1878, 1879, 1880.
81. The Times. London. 1870—1876.
82. Temple R. Men and Events of my time in India. London, 1882.
83. Wright F N. Memorandum on agriculture in the district of Cawnpore. Allahabad, 1877.
84. Бхагвандас Кела. Бхаратийя раджасва. Прайага (Аллахабад), 1938 (на хинди).
85. Бхагвандас Кела. Бхаратийя джагрити. Матхура, 1939 (на хинди).
86 Прананатх Уктар. Бхаратийя сампатти шастра Канпур, 1923. (хинди).
87. Лондхе Сидханатх Мадхав. Кангреска джанма аур викас. Калькатта, 1922. (хинди)
88. Dutt R. Ch. Famines and land assessments in India. London, 1900.
89. Dutt R. Ch The Economic history of India in the victorian age. London 1906.
90. Goodall. Rural Madras. Calcutta Review. v. 60.
91. J. C. G. The Rent question. Calcutta Review, v, 63.
92. J. B. P. Rustic Bengal. Calcutta Review. v. 59.
93. Lalwanti Rama Krishna. Les Sikxs (1469—1930). Paris, 1933.
94. Latif Syad Muhammad. History of the Panjab. Calcutta, 1891.
95. Naoroji Dadabhai. Poverty and un-British rule in India. London, 1901.
96. Connell A. K. Di content and dang r in India. London, 1880.
97. Digby W. The famine campaign in Southern India 1876—1878. (Madras Bombay Maysor) London, 1878.
98. Digby W. India for th· Indians and for England. London, 1885.
99. Digby W „Prosperous" British India. L ndon, 1901.
100. Dunbar G. History of India. London, 1943.
101 The Cambridge history of India, v. v. V, VI. Cambridge, 1922—1937.
102. Gazetteer of the Bombay presidency, Ahmadnagar. 1884, Bombay.
103. Gazetteer of the Bombay presidency, Satara. Bombay, 1884.
104. Gazetteer of the Bombay pre idency, Poona. Bombay, 1884.
105 Holmes A History of the Indian Mutiny. London. 1883.
106. Hunter W W. The Indian musalmans London, 1872.
107. Murray Hand-book of the Bombay presidency. London, 1881.
108. Madras district ga etteers, Vizagapatam Madras, 1915.
109. Madras district gazetteers, Godavari M dras, 1915.
110. P att Hodso . Bengal planters and ryots Reprinted from „National Review") 1862, s/l
111. Rogers, Al. The land revenue of Bombay London, 1892,
112. Temple, R. L'Inde Britannique Paris, 1889.
113. Trotter L J. History of India under queen Victoria from 1836 to 1880. London. 1886.

ШАҲРИ СТАЛИНОБОД,
ЛЕНИН, 31
КОМБИНАТИ ПОЛИГРАФӢ
КОНТРОЛЁР
Дар вақти дар китоб ёфт шудани нуқсон хоҳиш мекунем китобро бо ярлик барои иваз кардан фиристонед.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

№ стран.	Строка	Напечатано	Следует читать
2	2 снизу	Печатных листов 9,25	Печатных листов 13. Бумажн. листов 9,25.
43	1 „	Ауда Агиры	Ауда и Агры
51	прим. 1, в скобке	№ 61	№ 55
51	4 „	№ 61	№ 55
52	11 сверху	№ 61	№ 55
52	14 снизу	№ 61	№ 55
52	3-4 „	закотномерен	закономерен
52	2-3 „	полуораста	полутораста
52	прим. 1	№ 61	№ 55
60	6 сверху	которы	которые
60	19 „	отчаяных	отчаянных
60	7 снизу	агантуры	агентуры
139	17 снизу	разультатом	результатом
140	7 „	отчеству	отечеству
148	„ 77	revating	relating

3748—1000